

Алекс Д.

БУМАЖНЫЕ
ЦВЕТЫ

Annotation

Роман повествует о девушке, страдающей тяжелым психическим заболеванием и о молодом человеке, поставившем целью своей жизни — спасение младшей сестры от аналогичного болезни. «Чем безупречнее человек снаружи, тем больше демонов у него внутри.» Зигмунд Фрейд.

Алекс Д

Бумажные цветы

Беседа №9.

— *Билли, ты понимаешь, что ты, Принцесса и Саймон — часть Мэри?*

— *Да, сэр.*

— *Если Мэри больна, то тогда вы все больны тоже.*

— *Да, сэр.*

— *Ты хочешь, чтобы она поправилась?*

— *Да!*

— *Так помоги ей, Билли. Расскажи мне о той ночи...*

— *Саймон появился после трагедии. Мы играли в прятки, сэр. Мэри искала свою новую куклу и Питера тоже искала. Было так темно... Нет, я не скажу! Мэри хорошая, ей нельзя знать!*

— *Знать, что?*

— *То, что сделал Саймон!*

— *Кому, Билли? Кому?*

— *Питеру!*

— *Что Саймон сделал Питеру?*

— *Не скажу!*

— *Скажи, чтобы Мэри вспомнила... Билли, мне нужен Саймон!*

— *Он меня заставил! Это было ужасно!*

— *Билли, подожди. Где Саймон? Надо разбудить Саймона!*

Из к/ф «Девятая сессия».

Он и она. Грустный напев. Его пальцы так робко тянутся к нашему неосязаемому счастью. Его тихая улыбка так тактично предлагает Утешение, которого мы не просим.

ОНА: Мое сердце полно пепла и лимонных корок.

ОН: Не уходи чересчур далеко.

ОНА: Я уйду лишь в себя. Ты всегда меня там найдешь.

ОН: Если бы я любил весь мир, как люблю тебя, я бы умер.

Лэнг Р.Д.

Отрывок из дневника Даниила Казанцева

Поздний вечер. Я вошел в темную захламленную прихожую, щелкнул выключателем. Принялся неспешно раздеваться, не удивляясь, что меня не встречают.

— Дома есть кто? — снимая кожаную куртку и вешая в шкаф, громко спросил я. Сестра появилась в крохотной прихожей, как маленький тайфун, бросилась мне на шею и звонко чмокнула в губы. Я рассмеялся, обнимая хрупкую фигурку. — Славка, подожди, дай хоть раздеться. Ты одна? Мама где?

— Данька, как я соскучилась. Ты куда пропал? — отстранившись, оживленно щебетала Мирослава, ее потрясающие изумрудные глаза блестели от радости и обиды одновременно. — Даже не звонил! — она возмущенно стукнула меня по щеке. Несильно и не преднамеренно. Совсем, как ревнивая подружка. Славка никогда не умела держать в узде разбушевавшиеся эмоции, и сейчас они дали о себе знать. Девчонка негодовала. Я снова улыбнулся, разглядывая маленького колючего ежика. Такая смешная и трогательная, в простой хлопчатобумажной голубой майке на тонких бретельках и шортиках с розовыми мишками. Я неожиданно понял, что тоже безумно скучал по своему лохматому темноволосому дьяволенку с чистыми изумрудными глазами. Уловив мой ностальгический настрой, Мира сменила гнев на милость и снова прильнула ко мне, уткнувшись носом в плечо. Шмыгнула, словно собиралась разреветься. Я погладил шелк ее волос и мягко обнял.

— Прости, малышка. Я задержался. Ты так не сказала, где все... — дав ей время успокоиться и проникнуться моим теплом, ласково спросил я. В обнимку мы пошли в комнату, которую с детства делили на троих. Усадил ослабевшую сестру на кровать и приподнял пальцами дрожащий подбородок. Краем глаза я заметил, что все постельное перевернуто вверх дном. Бедняжку снова мучили кошмары.

— Мама ушла в ночную смену, а Ди тусуется где-то со своим байкером. И вчера мамы не было, а они ночевали у нас.

Я изумленно замер. Руки, придерживающие напряженную спину Миры, инстинктивно сжались в кулаки.

— Дианка посмела приволочь своего кабеля сюда? — едва сдерживая клокочущий внутри гнев, спросил я. Мирослава подняла на меня влажные и зеленые, как трава глаза. Виноватая улыбка тронула красиво очерченные губы. Я боялся представить, чего навиделась прошлой ночью моя маленькая невинная сестренка.

— Я не должна была говорить. Пообещай, что не скажешь Диане.

Я начал подниматься, готовый сокрушить все вокруг, но Слава удержала меня, удивительно сильно вцепившись в мою руку. — Даниил! — полный отчаянья взгляд взывал к моему благоразумию. — Я спала на кухне. Ничего страшного не случилось. Не по подвалам же им ютиться.

— А сейчас, они где, по-твоему? — запальчиво спросил я, чувствуя, как от напряжения сводит мускулы лица. В этот момент я ненавидел их обеих — свою мать и Диану. Мирославе всего... уже семнадцать, но возраст тут не причем. Просто эту девочку нельзя оставлять одну. Она не похожа на других. Пусть и не самая младшая в их семейке, но самая уязвимая. Непосредственная, слабая, импульсивная, добрая и по-детски наивная. Хорошо, что она избегает общения со сверстниками, помимо необходимого минимума в пределах школы. Ее так легко сбить с толку, увлечь. Мирослава нуждается в постоянной опеке и присмотре. Неужели они не видят этого? Какая мать оставит в одиночестве на целую ночь свою дочь, зная, как она склонна к меланхолии, стрессам, резким переменам настроения. Нестабильная психика, так говорит о Мире мама. Но, кто в этом виноват? Мирослава не нестабильна, она просто очень ранимая, впечатлительная натура, очень тонко чувствующая окружающий мир, отчаянно боящаяся реальности.

— Мира, они не обидели тебя? — мягко спросил я, стараясь справиться с нахлынувшим гневом. Ни к чему пугать ее еще больше. Она отрицательно покачала головой, поджимая под себя длинные ноги. Я невольно скользнул по ним взглядом, потом посмотрел в трогательно милое личико. Невинное и прелестное. Сердце сжалось от мысли, что однажды какой-нибудь мужлан навсегда сотрет это выражение, превратив в еще одну прелестницу с оценивающим блеском распутных глаз. Возможно, я тиран и эгоист, но я не хочу, чтобы Мира менялась, становилась взрослой, познала вкус настоящей жизни со всеми ее вытекающими. Она — единственное светлое пятно в моем гнусном не имеющем определенного смысла существовании. Я хочу сохранить ее для себя. Маленькое солнышко над прожженной раскаленной пустыней, которой являюсь я. Она не узнает о том, что три последние ночи я провел с одной солидной холеной дамочкой, очень нуждающейся во внимании... и не только. Но мне придется сказать о другом. Осенью я уезжаю в Москву, чтобы поступить на технический факультет в МГУ. Поэтому мне необходимо много денег. Подойдет любой источник, я на все готов пойти, лишь бы уехать отсюда. Но грузчиком или разнорабочим столько не заработаешь.

— Даня... — положив голову мне на плечо, тихо позвала Мира. Отогнав тяжелые мысли прочь, я посмотрел в обращенное ко мне лицо. Меня накрыла волна нежности и любви... И яростной боли... Я любил ее иначе... Не так, как положено любить сестру. И я не чувствую себя моральным уродом. Нет сильнее страданий, чем те, что причиняю я сам себе. День за днем, погружаясь в тоску и одиночество. И я не вижу выхода. Ни одного из приемлемых вариантов. Остается одно — уехать, пока не стало слишком поздно. Мне на долю секунд захотелось послать весь мир с его законами и моральными устоями, собрать Мирославу в охапку и сбежать на край света, туда, где никто нас не знает, и любить ее так, как никто другой не сможет, не сумеет. Она поехала бы со мной. Я знаю. Знаю, что она тоже меня любит. Но мы не сможем, не имеем права.

— Где ты был? — спросила она тоненьким голоском. Я отвернулся, не в силах выдержать чистый и открытый взгляд своей сестры. Мне захотелось расплакаться впервые в жизни, и задать вопросы, мучающие больше всего на свете, самые важные, животрепещущие для меня. «Почему ты, Мира? Почему я? Почему это случилось с нами? Кто виноват?» Но

мне не у кого просить ответа. Нам остается одно — смириться и забыть.

— Где ты был? — повторила Мира. Мой ангел. Я не смогу ее забыть. Никогда не смогу.

— Неважно. — потрянув головой, ответил я.

— Зачем ты причиняешь мне боль, Даня? — робко касаясь моего лица прохладной ладонью, произнесла Мира. Я вздрогнул от неожиданности и поцеловал ее пальцы. Она снова всхлипнула, крепче прижавшись ко мне. Ощущения ее юного неискушенного тела так близко, сводило с ума. Я чувствовал, что теряю контроль...

— Не называй меня так. — глухо отозвался я. — Я был Даней, когда мы были детьми.

— Данила Сергеевич? — шутливо подразнила меня Мира. Озорная улыбка украсила ее лицо. Оно словно подсвечивалось изнутри, сияло. Нет ничего прекраснее в этом насквозь прогнившем мире. И ничего дороже. И так было всегда. Мне кажется, что еще до ее рождения, я знал, что она придет. И возьмет в плен мою душу. Сожмет крепко-крепко в маленьких ладонках мое глупое сердце. С самого детства мы были вдвоем против целого мира, чужие, непонятые для всех остальных.

— Ты — глупышка. — улыбнулся в ответ. Мы смотрели друг на друга бесконечно долго. Она больше не сияла внутренним светом. Страдала так же, как и я. Мы оба понимали. Мы слишком хорошо знали друг друга, чтобы не узнать, не догадаться, что грань давно пройдена, и мучились в поисках выхода.

— Кто она? — безжизненным голосом спросила Мирослава. Я изобразил недоумение.

— Кто?

— Женщина, от которой ты пришел. От тебя несет за версту ее духами. — Мира презрительно сморщила свой хорошенький носик и решительно отстранилась от меня. Лучшее, что она могла сделать. Скинув обувь, я вытянулся на кровати, заложив руки за голову. Мира сидела на самом краешке, уткнувшись подбородком в колени. Длинные черные волосы окутывали ее с головы до перламутровых ногтей на ногах. Она не осознавала, как красива в этот миг, но осознавал я.

— Эта женщина ничего для меня не значит. — спокойно произнес он. Мира не повернулась ко мне, теребя пальцами дешевую цепочку на левой ноге. Я подарил ей ее в прошлом году.

— Но ты оставил меня ради нее на целых три дня. Ты знал, что эту неделю мама работает по ночам.

— Я надеялся на Диану. Слава, она обещала, что позаботится о тебе. — Мне было стыдно за то, что бросил ее, но и быть рядом... каждый день становилось все сложнее. Мы уже не дети. А играть во взрослые игры не имеем права.

— Ты тоже обещал! — Мира вскинула голову, яростно выстрелила в меня укоризненным взглядом. — Обещал, что всегда будешь со мной.

— Не будь ребенком! Я не могу следить за тобой двадцать четыре часа в сутки. — резко ответил я.

— За мной не нужно «следить». Ты исчез на три дня, и ничего не сказал.

— Я не должен перед тобой отчитываться. Ты мне не мать.

Мирослава обиженно поджала пухлые губки. Взгляд потух.

— Вот, как ты заговорил. Неужели тебе было так с ней хорошо, что ты ни разу не вспомнил обо мне? Я совсем одна здесь. Мне страшно, когда тебя нет рядом. А ты развлекаешься с какой-то шалавой и еще отчитываешь меня, как маленькую. Скажи, если бы я исчезла? Завела бы себе парня и зависала у него сутками?

— Слишком много «бы». Не находишь? — раздражаясь спросил я. Мира придвинулась ко мне и склонилась. Кончики ее волос задевали мои щеки, приятно щекоча.

— А ты уверен, что у меня никого нет? Так твердо уверен, что все обо мне знаешь? Ты, как сам выразился, не следишь за мной двадцать четыре часа. Думаешь, у меня не было возможности скоротать пару приятных часов с самым симпатичным парнем из класса? Между прочим, этот парень предложил мне встречаться и вместе пойти на выпускной. И я согласилась. Вот так-то. — Мира самодовольно хмыкнула, собрав волосы в хвост и перекрутив их, перебросила через правое плечо. Я недоверчиво изучал незнакомое выражение на лице сестры. Бретелька соскользнула с худого плечика, и майка держалась только на упругой округлой груди. Сквозь тонкую ткань отчетливо угадывались очертания сосков. Мучительное запретное возбуждение пронзило меня, словно молния. А в купе с гневом, стыдом и ревностью, то была гремучая смесь.

— Ты лжешь. — рывкнул я, чувствуя, как темнеет в глазах. Мира откинула голову назад и рассмеялась. Грудь под мойкой плавно колыхалась, и я не мог отвести от нее взгляд. Смех Миры только подлил масла в огонь, который и без того полыхал ярким пламенем. Но все изменилось неожиданно. Мирослава прижала ладонь к губам и притихла. Виновато улыбнулась, заискивающе глядя на меня.

— Извини. Я преувеличила. Не сердись. — прошептала она, вытягиваясь рядом со мной и подпирая щеку ладошкой. Доверительный взгляд сбил с меня всю спесь. Я успокоился. — Парень действительно существует. И он предложил мне встречаться, но у нас ничего не было. Скоро выпускной, и мы оба понимаем, что я не могу пойти туда с тобой.

— Тоже самое я сказал тебе в позапрошлом году. — усмехнулся я, вспомнив, как Мира напрашивалась в спутницы на праздник по окончанию школы. Неужели целый год прошел?

— Да. И ты пошел с Лариской из соседнего подъезда. Она до сих пор льет по тебе слезы.

— Ей я точно ничего не обещал.

— Да, просто поймел разочек и забыл.

— Фу, Слава. Как некрасиво.

— Некрасиво. Я согласна. А помнишь Ксюшу?

— Ту самую?

Мира искренне и от души рассмеялась. Я зачарованно смотрел на нее и не мог наглядеться.

— О, да. — кивнула она, падая на подушку. — Тебе было семнадцать, и ты трясся от страха перед первым... хм... свиданием такого рода.

— Какого черта я тебе все это рассказывал? — обреченно выдохнул, изучая потолок. Давно пора сделать ремонт, или хотя бы подклеить обои. Я пытался отвлечься. Для тех же целей использовал Ларису, и Ксюшу и других девушек. Не помогало...

— Ну, нужно же было с кем-то практиковаться. Ты и целоваться-то не умел. — смех стал неестественным и хриплым. Зачем она напомнила о том, что я так долго пытался забыть?

— Это была ошибка, Слава. — серьезно произнес я.

— Ошибка? — она снова перевернулась и уставилась на меня глазами в пол лица. — Значит, наши усилия прошли даром? А я хотела попросить тебя об ответной услуге.

— Что за услуга? — подозрительно спросил я. Мира загадочно улыбнулась.

— Я слегка забыла наши уроки. А кое-какие навыки мне пригодятся. Витя тот еще

прихода. И сразу вычислит во мне неумеху. Не хочется сесть в лужу.

— Значит, Витек. — тяжело вздохнул я. — Он тебе так сильно нравится? — в голосе прозвучала тоска. Но к чему нам притворство. Мы всегда были честны. И в этот раз Мира не пощадила меня.

— Чуть-чуть больше, чем другие. К тому же он нравится другим девочкам, а они разбираются в этом больше чем я. Пришло время расставаться с детством, Даниил. Ты и сам это понимаешь. Я больше не твоя маленькая сестренка, которая довольствуется куклой на день рождения. Каждый из нас скоро пойдет своей дорогой, заведет семью, и собственных детей. Мы будем так же любить друг друга, но встречаться только по праздникам. День рождения и новый год.

— Все изменится. — глухо подвел итог я. Хотелось умереть от нарисованной Мирославой картины.

— Нет. — она качнула головой и взяла мою руку. Мы посмотрели друг на друга. Легкая грустная улыбка тронула ее губы. — Я не перестану любить тебя. Просто в нашей жизни появятся другие люди. У тебя уже кто-то есть, а я попытаюсь наладить отношения с Витей. Может быть, он — моя судьба.

Я крепко сжал ее пальцы. Свободной рукой она погладила меня по щеке. Такая боль мелькала в ее глазах, что хотелось плакать. Мира наклонилась и поцеловала меня в губы. Честно говоря, я ждал этого и боялся. Ради нее я готов был спалить весь мир, но это вряд ли что-то изменило бы. Впервые в жизни я позволил себе не думать, а просто плыть по течению. Я позволил себе больше, чем в тот памятный день, который упомянула Мира со свойственной ей неискушенной непосредственностью. Тогда я тоже целовал ее. Но испугался и отступил. Я понял, что наша игра давно перестал быть таковой, превратившись в неотвратимую преступную реальность.

Зарывшись пальцами в мягкий водопад волосы Мирославы, я горячо ответил на робкое движение ее губ. Я был старше. Всего на два года, но по опыту опережал ее на десяток лет. Но разве могли прошлые поцелуи с вереницей безликих и безымянных женщин сравниться с тем, что я испытал сейчас? Казалось, что сердце вырвется из груди. Я жаждал любить ее, я обожал и боготворил ее, я хотел для нее только счастья...

Но я убил ее. Не своими руками, нет...

Я никогда не забуду тот день. Мира несколько дней повела в молчании. Она почти не двигалась, просто лежала под одеялом, и даже отказывалась от еды. На просьбы и слова не реагировала. Смотрела в одну точку и упорно молчала. Глаза ее были пустыми и сухими. Я пытался объяснить, когда мамы и Дианы не было дома. Я говорил и говорил, но Мира не слышала меня. Она ушла в себя, как только я сказал, что уезжаю в Москву, поступать в университет.

Но в тот день Мирослава встала. Босая, в одной рубашке до колен, прошла к окну и распахнула его. Улыбнулась, подставив лицо легкому дуновению ветра. Конец июля выдался очень теплым. Я смотрел на нее, как замороженный. Я надеялся, что ей стало легче, что она смирилась.

— Бумажные цветы никогда не завянут. — мелодичным голосом произнесла Мира. — Бумажный снег никогда не растает, а бумажная девушка никогда не состарится. В тот день, когда они нарисовали этот мир и нас, кто-то забыл спрятать ножницы...

— Мира... — прошептал я, испытывая нарастающий ужас. Она не оглянулась. — Еще один штрих. Никто не виноват. Я каждый день слышу, как они смеются.

Я не должен был уезжать, и оставлять Миру в плену безумия. Но я струсил. Я чувствовал свою вину в том, что случилось с ней. И никогда больше не возвращался в родной город.

Я убил ее. Я. Не своими руками, нет...

Глава 1. Здравствуй, Ник...

Вернувшись назад, в тот день, когда все пошло не так, я изменил бы только одно событие: вернул вспять несколько минут, которые решили ее судьбу. Нужно было так мало, кажется сейчас, но тогда... Безумно много, тяжело и страшно. Я считал, что поступаю правильно, но мне ли было судить, что правильно для нее. Нужно было так мало... Быть рядом и верить ей. Я не сделал этого. И потерял.

Никита Скворцов. ПГТ «Снегири»

Подмосковье. 2004 г

Холодный дождь сменился противным мокрым снегом. Вдалеке раздался вой голодной собаки, вспугнувший стайку воробьев пригревшихся на металлической оградке. Зябкое серое утро, полоса тумана над ветхой церквушкой, пронырливые черные вороны, выхаживающие между могил в поисках наживы. Ледяной ветер пронизывает насквозь высокую худощавую фигуру молодого человека. В простом демисезонном пальто и наспех навязанном на шею шарфом он качался под порывами стихии, не обращая внимания на снег, прилипающий к волосам, тающий на щеках и стекающий ручьями к подбородку. Его ноги в осенних ботинках увязли в глиняной слякоти, костяшки пальцев плотно сжатые в кулак, побелели от напряжения и холода. Он стоял на краю могилы. Ее только что закопали, и в кулаках еще остались частицы земли, в ушах стоял раздирающий душу глухой звук. Как последнее прости. Комья мокрого песка, ударившиеся о крышку гроба. Искусственные венки и живые розы, покрывающие маленький холмик. Он не мог отвести глаз от переплетенных мертвых цветов, схваченных траурной лентой. «На вечную память от любящего брата». Какая ирония. Он не дарил ей цветов при жизни. Никогда. А сейчас — целая охапка. В такие моменты остро понимаешь, как мало нам отмерено времени, чтобы успеть сказать своим близким самое важное, и сделать для них все, что мы никогда после сделать уже не сможем.

— Никита... — позвала женщина, стоявшая позади ссутулившегося парня. Он не повернулся, уткнувшись носом в шарф. И тогда она подошла ближе, мягко дотронулась до плеча рукой в черной кожаной перчатке.

Их было двое в этот скорбный день. Брат покойной и инспектор по делам несовершеннолетних. Странная парочка. Но сейчас для убитого и раздавленного горем Никиты Скворцова не было никого ближе этой суровой на вид женщины. Ни друзей, ни родственников, ни подруг. Она одна понимала, через какой ад прошел этот молодой человек, пытаясь спасти свою сестру. Но она все равно ушла, и его спутница боялась, что он возьмет на свои юные плечи всю тяжесть ответственности за случившееся.

— Никита, ты ни в чем не виноват. — осторожно произнесла она. Парень стоял, не шевелясь. И только его черные, как смоль волосы, нещадно рвал ветер. И когда он поднял голову, на нее взглянули выбеленные болью синие глаза. Кристаллы льда. В них умирало его сердце.

— Светлана, я благодарен, что вы пришли. — с ледяным спокойствием произнес Никита.

— Юля сама приняла решение. — начала женщина. — Ты не мог ее остановить.

Никита смотрел на Светлану Слепцову немигающим остекленевшим взглядом. Едва ли до него доходил смысл ее слов.

— Что ты еще мог сделать? — отчаянно воскликнула Светлана. — Юля нуждалась в помощи врачей.

И надрывные нотки в голосе женщины что-то сломали в нем, прорвали тщательно удерживаемый шквал чувств. Но именно этого и добивалась Слепцова.

— Она просила меня дать ей последний шанс. Просила поверить, помочь. Она соглашалась на все. Даже на лекарства, но я отправил ее на смерть. — хрипло выкрикнул Никита. Теперь в его глазах колыхалась ярость, обращенная на самого себя.

— Ты не мог знать, Ник. Юля постоянно лгала, она не понимала, что делает. Невозможно было поверить ей снова. Не вини себя в том, в чем нет твоей вины.

Парень попытался отвернуться, но инспектор резко схватила его за локоть, развернула к себе.

— ТЫ. НИ. В. ЧЕМ. НЕ. ВИНОВАТ. — пристально глядя в глаза, по слогам произнесла она. Третий раз за последние несколько минут. Но он слышал только себя. Чувство вины съедало его, делало невозможным принятие окружающей реальности.

— А кто? — глухо и безжизненно спросил он. — Врачи, которые назначили неэффективное лечение? Медперсонал, не углядевший за тяжелой больной? Или сама Юля, прыгнувшая с пятого этажа больницы на бетонные блоки? Или все-таки я, отправивший сестру на принудительное лечение в самое страшное и ненавистное для нее место?

— Ты не понимаешь, Ник. — отвечая на яростный голос и требовательный стальной взгляд, покачала головой Светлана. — Она бы сделала это. Все равно. Дома или там. Она была больна. Смирись с этим. Ты сделал, все, что от тебя зависело. Даже ваша мать не справилась...

Ник неожиданно переменился в лице, вокруг губ появились горькие складки. Из глаз ушла ярость, осталась только неизбывная тоска и одиночество.

— Я позвонил ей. — снова пряча лицо в воротник тонкого пальто, тихо сказал он. — Сказал, что Юля умерла. Думал, что она придет. Хотя бы попрощаться.

— Это страшно, милый. — мягко проговорила Светлана. — Для матери особенно.

— А для меня? — безжизненный голос. Женщина с трудом подавила желание обнять молодого человека, утешить, прижать к груди, сделать и сказать то, что не смогла, не отважилась родная мать. Но ему не нужно было сочувствие посторонней женщины.

— А для меня не страшно? — снова спросил Ник. — Мама просто ушла. Все уходят, бросают меня. Кто так решил? Кто придумал, что мужчины сильнее? Как могла Юля так поступить со мной? О чем она думала, вылезая в окно? Или она бежала, бежала ко мне?

— Не надо, мой хороший. Все пройдет. — рука в кожаной перчатке заботливо поправила сбившийся шарф. Ник смотрел на нее, не понимая, почему она все еще здесь? Из жалости? Сострадания?

— Хочешь, я расскажу тебе историю своей подруги? — спросила Светлана. Он равнодушно повел затекшими и промокшими насквозь плечами.

— Зачем?

— Просто послушай. — попросила Слепцова. — Ее зовут Марина. Мы учились вместе на одном курсе. Она сейчас майор милиции, жена и мать двоих детей. Но восемь лет назад в ее жизни случилась страшная трагедия. На тот момент старшей дочке Марины — Маше было

восемь лет, а сыну три. Всей семьей они поехали на юг. По-моему в Крым. И там у девочки заболела нога. Думали, что наступила на что-то, занимались самолечением. Потом все прошло, и когда вернулись домой, Марина не повела дочь в больницу. А когда спустя пару месяцев у Маши поднялась высокая температура и начались боли, ее срочно госпитализировали. Диагноз был страшным. Рак. Девочка угасла за считанные недели. Она ужасно страдала, даже малейшее прикосновение ткани к телу причиняло невыносимую боль. Врачи кололи обезболивающее, больше они ничего сделать не могли. В последние дни жизни своей дочери Марина не нашла сил быть рядом с ней. Она боялась идти в больницу, и находилась дома, катаясь в слезах по полу. Уже после смерти ребенка, осуждающая медсестра выговаривала Марину за бесчувственность. Она сказала ей, что Маша была в сознании до самого конца. И последними ее словами были: «где моя мамочка», «позовите маму».

— Света, зачем! словно мне мало моей боли... — хрипло проговорил Ник. Глаза его заблестели.

— А я скажу зачем, Никита. — сурово взглянула на него Слепцова. — Бесчувственной я считаю не Марину, не осмелившуюся наблюдать, как умирает ее дитя. А медсестру, рассказавшую о словах Маши и заставившую мать до конца жизни сожалеть, о том, что не была рядом с дочерью в последние минуты. Я не могу осуждать Марину. С тех пор ее словно выключили, вставив вместо живого источника энергии, искусственную батарейку. Это другой человек, сожженный дотла чувством вины. Недавно она родила еще одного ребенка, девочку, но не ожила. Я рассказала тебе ее историю, чтобы ты осознал, насколько страшной, несправедливой и пугающей может быть боль, и как по-разному мы принимаем и переживаем ее. Сложно понять, как правильно реагировать на смерть любимых, на их болезнь и страдания. И что может быть правильного в человеческой боли. А мы люди, слабые или сильные. И нам нужно жить дальше.

Светлана умолкла. Она очень надеялась на то, что Никита все понял правильно.

— Я хочу остаться один... с сестрой. — попросил он. Женщина кивнула, отступая в сторону. Она знала, что им еще придется встретиться. Полгода назад, когда Юля Скворцова в очередной раз сбежала из дома, она напала с ножом на девушку, отобрала у нее телефон, деньги и порезала руку. Родители потерпевшей подали в суд... на Никиту, так, как он был единственным опекуном несовершеннолетней сестры. Конечно, иск был составлен неверно, так как у Юлии есть живые и здоровые родители. Но для того, чтобы привлечь их к ответственности, сначала необходимо найти... Мать, Эмма Скворцова, бросила детей два года назад. Уехала с мужчиной в другой город. Юле было четырнадцать. А Нику двадцать три. Об отце Светлана ничего не знала. Ник говорил, что он ушел от них, когда Юля была совсем маленькой.

Прошло несколько часов, прежде, чем Никита Скворцов осознал, как сильно он замерз. Уши и пальцы на ногах потеряли чувствительность. Руки ломило от холода, и он спрятал их в карман. Простой деревянный крест на могиле Юли наполнял душу суеверным ужасом. Он заказал памятник, но в ритуальном сервисе сказали, что его нельзя установить, пока земля не уляжется. Простой крест. Как это несправедливо. Как отвратительна смерть и грязная вязкая яма, в которую бросили гроб его сестры.

Он не заметил, что через небольшое поселковое кладбище, петляя между могил, к нему направляется мужская фигура. А когда поднял глаза, то сразу узнал его. На расстоянии протянутой руки стоял его отец. Постаревший и неожиданно родной. В глазах мужчины

блестели слезы.

— Здравствуй, мальчик. — тихо произнес он.

И все слова, заготовливаемые годами, в ожесточенном обиженном сердце брошенного сына, все обвинения и злость, негодование и желание мести... ушли, погасли, растворились в отчаянном желании быть любимым, нужным, не одиноким. Он много раз представлял эту встречу, и видел себя сильным, уверенным, полным презрения. Он думал, что скажет отцу, что не нуждается в нем, не помнит. Он боялся, что смог бы даже ударить его.

И вот он здесь. Его отец. Обидчик. Предатель. Тот, кто отвернулся от него, от матери. Трус, испугавшийся диагноза собственной дочери. Стоит перед ним. Раскаявшийся, несчастный, убитый горем. Его глаза умоляют о прощении.

И обиженный мальчик, брошенный сын, уже мужчина, прислоняется лбом к плечу своего блудного отца и плачет. Боль вытекает вместе с влагой, но не приносит облегчения. Нет. Пока еще нет.

Ярославль.

Записи из дневника Маргариты Казанцевой:

Третье декабря.

«Я совсем не помню лица своей матери, и не знаю, как она умерла. Мне никто не сказал правду, а я была слишком маленькой, чтобы задавать вопросы, а потом, став старше, боялась получить ответ. Наверно, лет в шестнадцать я начала догадываться, но все равно не спросила, не попыталась докопаться до истинных причин внезапной болезни моей матери, так рано оборвавшей ее жизнь. Двадцать три года. Боже мой, такая молодая. Мне было пять, когда я стала сиротой. Диана, младшая сестра мамы, воспитывала меня. Отца никогда не было, о чем я, честно говоря, никогда и не жалела. Бабушка умерла еще до моего рождения, о дедушке мне тоже никто ничего не рассказал.

Что я помню из детства?

Много всего. Детский сад, и мальчика по имени Ваня. Он показывал мне свой писун в туалете, а я смеялась. Действительно, его писун выглядел очень смешно. Бледный червяк...

Утренники и белые банты, которые неумело завязывала Диана. И нелепые платья с оборками. У тети всегда было плохо со вкусом. Чувство неловкости, потому что Ди являлась на утренники с опозданием и в неизменном мини и ураганом на голове. Облегчение, когда праздник кончался, и она уходила, оставляя шлейф сладковатого аромата. Тетя не знала меры в духах и еде, что ни в коей мере не отражалось на ее фигуре. Стройная миниатюрная блондинка. Крашенная. От природы мы обе темноволосые. Сейчас я понимаю, что Диана очень красивая молодая женщина. И добрая. Очень храбрая. И терпеливая. Для воспитания маленькой племянницы требуется много смелости и доброты, если тебе самой только двадцать лет. Она все делала правильно, но по-своему. Диана любит меня, а я ее. Самозабвенно. Мне больше некого любить.

Еще я помню вереницу мужских лиц. Красивых и не очень. Ни один не задержался в нашей маленькой двухкомнатной квартирке надолго. Диана была магнитом для неудачников и козлов. Была и есть. Потому что даже в тридцать четыре года она разбирается в своих любовниках так же плохо, как и пять, и десять лет назад. Поэтому до сих пор не вышла замуж.

Последнее увлечение Ди чуть не стоило мне невинности. Не велика потеря, я скажу. И сама давно подумываю, как избавиться от надоевшего ярма девственности, но не таким же

путем! Тетя вернулась с работы в самый ответственный момент. Я кричала и отбивалась, и с меня сразу были сняты все подозрения. Незадачливого мачо мы выгнали в тот же день. А потом напились и долго разговаривали по душам. Ди жаловалась на жизнь. Что меня всегда удивляло в ней — непреклонная вера в людей, слепая наивная надежда и жажда любви. И бесстрашие, с которым она окуналась в новые неперспективные отношения. Обжигаясь снова и снова, Диана не переставала лететь на огонь. Она никогда не сгорит. Рано или поздно тетя найдет своего принца и проживет с ним остаток жизни. Ее целеустремленная чувственная натура не допустит иного варианта.

И все же сейчас мы обе одиноки. Одни в недружелюбном и жестоком мире, где порядочных мужчин с каждым днем становится все меньше. В отличие от Дианы я не верю в любовь на всю жизнь. Не верю в Бога. Я — материалистка до кончиков ногтей. Никакой загробной жизни, никаких чудес. Рождение, взросление, неловкие попытки стать человеком, создание ячейки общества, воспитание детей, которые редко оправдывают ожидания, дряхление и смерть, а дальше ничего, червяки, поедающие тело.

Ди работает в педагогическом университете, она декан на факультете филологии. И в этом году я стала ее студенткой. Не случайно, конечно, но бесплатно. Спасибо Ди. Она уговаривала меня поступить на психологию, но я со школы терпеть не могу биологию, анатомию и все, что с ними связано. Наверно, из меня получился бы хороший менеджер по туризму. Я всегда интересовалась дальними странами. Но Ди работает на филфаке. А мне нравится стиль ее преподавания. Именно лекции тетки приносят удовлетворение от учебы в универе. Наверно, я боюсь самостоятельности. Рядом с Ди мне спокойно. С ней я могу быть сама собой. Она никогда не осуждает, не читает нотаций. Поддерживает и успокаивает, когда я выхожу из себя. И достает рецепты для успокоительных таблеток, которые я пью с шестнадцати лет. Понятия не имею, как ей удастся их раздобыть. Не задавать лишних вопросов — главный девиз. Только один раз Диана проявила нестигаемую настойчивость. Два года назад она уговорила меня записаться к психотерапевту. Но я не пошла. Не хочу, чтобы и мне задавали вопросы, ковырялись в голове. Ди смирилась и просто принесла таблетки. Стало легче. Гораздо легче. Срывы случались, когда я пропускала прием. Но это бывало крайне редко. Я боялась своего неконтролируемого гнева, направленного на все, что окружает меня, на всех, кто окружает меня и на меня саму. И старалась не пропускать.

Я не шизофреничка, хотя психотерапевт заявил бы обратное, пойдя я на ту дурацкую встречу.

Человек — это вовсе не то, что думают о нем другие. Человек — это то, что он сам представляет о себе. Мне плевать на чужое мнение. У меня — свое. И пусть оно отличается, зато принадлежит только мне. Диана согласна. Она живой пример вызова. Мы похожи. Одна кровь. Как же я люблю ее.

Именно она посоветовала мне вести дневник. Чтобы навести порядок в мыслях. Это моя первая запись. Честно? Я понятия не имею, о чем еще написать...»

«Двадцать пятое января.»

Вот он и настал — день моего совершеннолетия. Плюс — я стала старше, Ди подарила мне новый ноутбук и упорхнула на очередное свидание с очередным неудачником, предоставив две тысячи рублей в мое распоряжение, свой пестрый гардероб и полную свободу действий. Минус — постарела на год и до сих пор не спала с мужчиной. Собираюсь исправить последний недостаток сегодня же. Если повезет. И причина имеется. Я влюбилась. В самого красивого парня в университете. Старшекурсник, без пяти минут

дипломированный журналист и настоящий бабник. Вадим Смирнов. Сплетни донесли, что он считает личным долгом опробовать каждую смазливую мордашку из свежего потока, но никогда не имеет дела с неопытными девицами. Я собираюсь покорить его, и именно с ним создать ячейку общества и родить детей. У меня есть все шансы. Я красивая, зеленоглазая блондинка (крашенная), высокая, стройная и не глупая. Осталось только набраться определенного опыта, чтобы было чем покорять. Слюнявые однокурсники, витающие в облаках и мечтательно вздыхающие мне в след, на столь сложную и ответственную роль никак не подойдут. Необходим парень постарше, без пунктика насчет девственниц. Незнакомец, которому не придется ничего объяснять и смотреть в глаза... после всего.

Я тщательно подготовилась. Все просчитала.

Вечером пойду в клуб. Самый модный в нашем небольшом городке. Оденусь, как развратница. Ярко-красное платье Ди. Короткое, вырез на спине до самой попы. В ее стиле. На мне еще непристойнее, чем на ней. Я выше, длина юбки — короче. Еще косметика. Много туши, теней и помады. Боже, выгляжу старше лет на пять. Но образ удался. Роковая уверенная в себе красotka. В довершении к наряду- черные лакированные ботфорты на пятнадцати сантиметровой шпильке и полушубок из голубой норки (разумеется, не мой) и маленькая сумочка с телефоном, помадой и презервативами. Ключи от квартиры и деньги в кармане.

Беру такси и уже через полчаса вхожу в искусственно задымленный зал. Чувствую вибрацию музыки, окунаюсь в водоворот всеобщего веселья. Была в этом клубе полгода назад. Отмечали с подружками день рождения Тamarки Светловой, соседки снизу. Претендентов на мое тело в тот памятный вечер было много, но я была не одна и еще не знала, что скоро влюблюсь в ненавистника девственниц. В таком деле свидетели не нужны. Девочки не умеют хранить чужие тайны, а я не желаю становиться объектом грязных сплетен. Именно поэтому в свой день рождения приехала в одиночестве в ночной клуб.

Пишу в настоящем времени — так легче восстанавливать вереницу событий. Доверяю только Тебе, мой дорогой. Даже Ди не должна знать.

Я сажусь на высокий стул у стойки бара. Представляю, как пикантно и эффектно выглядят со стороны мои длинные ноги в тонких чулках с кружевными резинками. Заказываю коктейль. Махито. Вкуснятина, хотя мои подружки предпочитают «отвертку» из круглосуточного ларька. Первый претендент появился через пятнадцать минут. Сразу не прошел отбор. Мне не понравились его прыщи и липкие ладони, которыми он пытался облапать мои коленки. Рассталась с ним безболезненно и миролюбиво. Второй не угодил значительной степенью опьянения. Засомневалась, что он справится с поставленной задачей. Третий — ростом не вышел. А четвертый оказался слишком наглым и сразу предложил уединиться в его машине. Отказ принял слишком близко к сердцу или просто не поверил, что его могли отвергнуть. В принципе, симпатичный молодой человек, но манера поведения оставляет желать лучшего. А я желала для своего первого раза самого лучшего. Но не лучше Вадима. Потому что лучше него никого нет. Тщательно выбирая выражения, я пыталась объяснить симпатяге Четвертому, что у нас совсем мало общего, и мы вряд ли подойдем друг другу, но он никак не хотел сдаваться. Схватил за руку, стащил со стула. И где их штампуют? Таких невоспитанных, грубых, самоуверенных.

— Девушка, у вас проблемы? — произнес мне в ухо приятный баритон. В толчее, окружающей меня, я не заметила, как подошел еще один претендент. Я обернулась. Он не смотрел на меня, только на наглеца, вцепившегося в мое запястье. Однако я ощутила

странное волнение, смутную тревогу... и легкую грусть?

— Да, есть немного. — кивнула я. — Молодой человек не понял, что я не хочу с ним ехать к нему домой.

— А со мной поедешь?

Широкая, голливудская улыбка. Не думала, что увижу подобную наиву, а не в телевизоре. Тридцать три белоснежных зуба, чувственные четко очерченные губы, загадочные темные глаза, длинные ресницы, волевой подбородок, впалые щеки, высокие скулы, уверенность в каждой черточке лица. Шаблонная красота, без изъянов. Расценивает мою растерянность на свой лад. Улыбка перерастает в двусмысленную порочную ухмылку. Весы качнулись в сторону красавчика с белыми зубами. Он подходит. Я улыбаюсь в ответ алыми губами в тон платью. Я знаю, на что рассчитывает этот красавчик, но в глубине выразительных глаз проскальзывает нечто неуловимое, не поддающееся описанию. Он смотрит так, словно видит меня насквозь и ему очень нравится то, что он видит. Тревожный холодок бежит по спине, но я смелая сегодня, очень смелая.

— С тобой — поеду. — отвечаю с вызовом, вздернув подбородок.

— Я первый ее увидел! — грозно возразил Четвертый. Пятый уверенно встал между нами, толкнув неудачливого соперника плечом. Тот от возмущения покраснел, побледнел, покрылся пятнами. Я вспомнила мальчика из детского садика. Он так же обиделся, когда я не захотела потрогать его смешного «бледного червяка». И рассмеялась. Громко от души. Это стало последний каплей в котел кипения Четвертого. Я видела, как он помахал кому-то в глубине зала. Пятый тоже заметил его жест. Теплая мужская ладонь мягко обхватила мои пальцы. Наши взгляды встретились в молчаливом согласии. Встретились и узнали... Я засомневалась только на мгновение, большего времени на раздумья мне не дали.

— Нужно уходить. Засранец свистнул группу поддержки. — заговорчески подмигнув мне, сообщил мой избранник.

Мы трусливо бежали с поля боя. Я смеялась, как полоумная. Четвертый и его группа поддержки настигли нас в вестибюле. Я как раз одевала шубу. Избранник — черное короткое пальто. Но угроза отпала сама собой. Подоспели охранники и решили исход несостоявшейся битвы.

— Мы еще встретимся. — заорал четвертый нам вслед.

Загадочный незнакомец в пальто лишь небрежно фыркнул. А я усмехнулась про себя. Никогда больше не пойду в этот клуб.

Вышли на улицу, застыли в улыбке. Оба.

— Меня Ник зовут. — представился Пятый, повернувшись ко мне. В руке он сжимал ключи от машины.

— А я Алина. — соврала я. Незачем ему знать настоящее имя.

— Потрясающие ноги, Алина. — широкая улыбка. Ямочки на щеках. Взгляд скользит вниз. Черные, как смоль волосы, тающие снежинки на носу. Дух захватывает. Хорош. Мне сказочно повезло. Глаза в глаза. Ник старше меня. Намного. Это очень-очень хорошо.

— Восемнадцать есть? — спрашивает он, прищутив фантастические глаза. Они не карие. Темно-синие. Но, наверно, могут казаться черными в определенные моменты. Изучает мое лицо. Подробно, придирчиво, с нескрываемым удовольствием.

— Двадцать пять. — задрал нос, заявляю я.

— Врешь! — Ник снисходительно улыбается, в глазах растворяется нежность. Он смущает меня. Но недостаточно, чтобы я передумала. — Паспорт есть?

— Пошел ты! — рассердилась. Неужели все-таки не повезло? Развернулась, чтобы уйти. На самом деле, это только маневр. И я не просчиталась. Ник удержал меня за локоть, развернул к себе.

— С парнем поссорилась? — после очередного досмотра, очередной вопрос. Нееет! Только не вопросы. Зачем тебе, милый? Мне плевать, кто ты и что ты. Сделай свое дело и проваливай.

Но он явно ждет ответа. Я готова подыграть. Горестно вздыхаю, хлопая ресницами. Глаза блестят. Я талантлива.

— Козел, изменил мне с родной сестрой. — с надрывными нотками в голосе нагло вру.

— Думаешь, приключение на ночь поможет? — в голосе не осуждение, но печаль. Как будто ему есть дело до моей чести!

— Морали читать собрался? — скептически спрашиваю я.

Челюсти плотно сжимаются. Выражение лица не поддается объяснению.

— Ладно, поехали. — берет меня за руку и ведет к машине.

У открытой дверцы снова начинаю сомневаться.

— Ты же не сядешь за руль? Ты, наверное, пил в клубе? — сразу два вопроса. Изменяю собственным правилам. Насмешливо смотрит мне в глаза и силой усаживает на переднее сиденье. Сам — за руль.

— Морали читать мне собралась?

Отрицательно качаю головой. На пьяного не похож. Доедем.

— Ты вроде приглашал меня к себе домой? — снова спросила я, когда машина въехала на стоянку возле гостиницы.

— Я никуда тебя не приглашал. Я спросил, поедешь ли ты со мной. — с наигранным равнодушием пожал плечами Ник, заглушая мотор. Он вышел из машины, и, обойдя ее, открыл дверцу с моей стороны, подал руку. — Я здесь живу, Алина. Кратковременная командировка.

Я вложила пальцы в его раскрытую ладонь, посмотрела в глаза. Внутри что-то затрепетало от волнения. Это не страх, совсем иное чувство. Предвкушение?

Отлично, что он в командировке. Исключает возможность случайной встречи в будущем.

— Ты бизнесмен?

Что со мной сегодня? Откуда это любопытство?

Виной всему роскошный номер. Я привыкла к более скромной обстановке.

— Это имеет значение? — тень пробегает по красивому лицу молодого человека. Ему не тридцати, но больше двадцати пяти. У него пунктик насчет богатства? Не любит девочек, падких на деньги? Но, если они у него в избытке, подобный расклад отношений неизбежен.

— Нет. — честно отвечаю я. — Мне здесь нравится.

Скидываю шубу на кожаный диван, вслед на ней летит сумка, стаскиваю сапоги и осматриваюсь по сторонам.

— А я нравлюсь? — тихо спрашивает Ник. Его пальто присоединяется к моей шубе. Ботинки к моим сапогам. Скоро мы будем так же близки, как наша верхняя одежда и обувь. Он подходит ближе. Горячие ладони ласково скользят по моим обнаженным плечам. Мурашки по коже. Первый опыт обещает стать приятным. Храбро смотрю в синие глаза. Он печален, взволнован. И, наверно, в глубине души одинок. Почему?

— Ты красивый. — попытка лести.

В ответ горькая усмешка. Взгляд зажигается, останавливаясь на моих губах.

— Ты тоже. Очень. И юная. Слишком юная для меня.

Мы замираем. Никогда не забуду этот момент, но все равно напишу. На всякий случай. Если бы я не была влюбленной в Вадима, то влюбилась бы сейчас. Безоглядно. И глупо, как это обычно делала Ди. А потом бы жалела и плакала. Как она. Но я другая. А Ник не Вадим. И мы не Ромео и Джульетта. Незнакомцы. Игроки, прячущие боль и лица. Две столкнувшиеся случайно кометы, чтобы через миг разлететься в противоположные стороны и не встретиться вновь.

Наши пальцы переплетаются сами собой. Я почти не дышу. Его тепло заставляет меня пылать. Со мной впервые так...

— Не пожалеешь? — еще один неуместный вопрос, но, видимо, важный для него.

— Никогда. — заверяю я.

— Уверена? — руки на моей талии. Ближе, еще ближе. Мне нравится его запах. Мужской, чувственный, дорогой. Губы на виске, щеке, на губах. Долгий-долгий поцелуй. Я — рыба, брошенная на берег. Еще...

— Шампанского? — ненадолго отрывается от меня. Прерывистое свежее дыхание. Он не пил сегодня. Не успел.

— Нет. Тебя. — я туманно улыбаюсь. Мне действительно хочется, чтобы Ник не останавливался. Не передумал. Не заподозрил. Тянусь к нему сама. Обнимаю за плечи, пальцы зарываются в его волосы. Густые, шелковистые. Целую его. Действую инстинктивно. И получается, почти на четверку. С ним легко. Он умеет зажечь во мне огонь. Искушение. Я не ожидала.

Что-то неуловимо меняется. Ник меняется. Напряженный, сильный, горячий. Твердый, как скала. Руки крепче сжимают мое тело, хаотично, порывисто блуждая повсюду. Мы тяжело дышим, прерываясь только для вдоха и снова тонем в поцелуе. Настойчивое движение чужого языка во рту, настойчивые объятия, настойчивые попытки снять с меня платье. Громкое биение сердца — в груди, ушах и висках, под пальцами. Я пульсирую и расплываюсь. Как мед. Платье падает к ногам. Чулки и стринги — все, что осталось на мне.

Ладони на груди, сжимают, ласкают, теребят затвердевшие соски, мучают.

— Такая маленькая, красивая. — он улыбается мне в губы, заставляя пятиться назад. Двигаемся в двери в еще одну комнату. Я знаю, что там. Спальня.

— Ты о груди? — просто интересно.

— Нет. О тебе. — хриплый шепот.

Падаю спиной на прохладный шелк простыней. Темно. Большая кровать.

Оставляет меня. Чувствую его взгляд. Кожей. Слышу, как Ник нетерпеливо раздевается, ругаясь себе под нос и воюя с пуговицами рубашки. И облеченный вздох.

Голое мужское тело рядом со мной. Сильное, твердое, мускулистое. Ник высокий, широкий в плечах. Настоящий атлет. Красавец. Сообщаю ему о своих мыслях. Он доволен, судя по приглушенному смешку. Целует меня до изнеможения, до боли внизу живота. Почему у меня болит живот?

Пропустила момент, когда он избавил меня от трусиков. Чулки оставил. Я слышала, что мужчинам нравятся чулки, возбуждают. Поэтому я и надела их. Мысль в презервативе тает под градом умелых поцелуев.

Судорожные вздохи в крошечной темноте, лихорадочные ласки, тяжесть, пригвождающая меня к матрасу. Ослепительная вспышка боли. И мой вопль, разрывающий

тишину.

Грубое ругательство срывается с губ Ника. Тяжесть уходит, и я сжимаюсь в комок, натягивая на себя тонкое одеяло, скрываясь в нем, пульсируя от отступающей волны боли.

Яркий слепящий свет, от которого слезятся глаза. Подняв на Ника глаза, замечаю, что он успел натянуть джинсы. Откуда они взялись? Смотрит на меня с нескрываемой яростью, изумлением, злостью. Он потрясен. Возмущен. Я испортила ему все удовольствие.

— Ты малолетняя идиотка! — грозно рявкнул он., приближаясь к кровати. — Это шутка такая? Или подстава? Кто тебя послал? Если за дверью ждут менты, то я прямо сейчас тебя придушу. Чтобы не зря сидеть.

Недоуменно хлопаю ресницами. Вот это паранойя! И, наверно, причины имеются. И опыт... Но у меня опыт теперь тоже есть. Можно, и линять по-тихому.

— Никаких ментов, Ник. — спокойно говорю я, прижимая колени к груди. Боль окончательно прошла. — Я не могла ходить с этим грузом до старости. Тебе не провезло. Я выбрала тебя. Но ты сам напросился.

— Ты... — он бешено взглянул на меня, не найдя слов, способных измерить всю силу его негодования. — Груз? Seriously? А я грузчик, по-твоему? Сказать, что я думаю?

— Неа. — тряхнула волосами, рассыпавшимися по голым плечам. Это даже забавно. Его ярость. Ничего не изменится. Он выполнил свою миссию.

— А я скажу, маленькая... — еще одна осечка. Представляю, как он мог бы меня назвать. О, это оправданно. Понимаю его. — Ты просто дура. Полная. Глупая, как пробка. Я мог оказаться кем угодно. Маньяк, уголовник, убийца. Ты поехала со мной, не зная ничего, не представляя, кто я.

— Так и планировалось. — спокойно сказала я. Изогнутые брови Ника взлетели вверх. Не думала, что могу удивить его сильнее.

Внезапно выражение лица мужчины изменилось. Он помотал головой, обессилено опускаясь на кровать. Взглянул на меня с усталостью.

— Что с вами происходит? — потерянно спросил он. — Вы — будущие матери и жены. И вместо того, чтобы отдать себя любимому человеку, идете в клуб, чтобы предложить свое тело первому встречному. Зачем?

— Ты был пятым.

— Первым, — уверенно поправил Ник.

— Пятым претендентом на роль первого. И ты мне понравился больше других.

Он откинул голову и расхохотался. Смех не был приятным или добрым. Он был злым, и Ник был злым. А потом он перестал смеяться, тяжело посмотрел на меня, словно ища ответы в выражении моего лица. Я улыбнулась с запоздалым смущением, протянула руку, провела кончиками пальцев по щеке Ника, пытаюсь успокоить. Мне захотелось сказать правду. Я использовала его и должна была объяснить. Только объяснения не входили в мои планы.

— Разве у тебя нет парня, с которым можно было бы... Я так понимаю, что историю с сестрой выдумка?

— Ага. — кивнула я, одернув руку. — У меня нет сестры. А парень, которого я люблю, не хочет девственницу.

— Тогда он дурак. И не стоит тебя.

— Ошибаешься. Теперь мы стоим друг друга.

Снова этот немигающий пронизывающий застывший взгляд. Приклеился к моему лицу.

— Это же глупо, Алина. Неужели ты не понимаешь? Ты не любишь этого своего парня.

Иначе тебя бы сейчас не было здесь. Со мной. — Кого он пытался убедить? Чертов идеалист.

— Снова ошибаешься. Я с тобой ради будущего с ним. Мне необходим опыт. Я же знаю, что мужчины любят не только глазами. Им нужно, чтобы их желания удовлетворялись. И чем лучше, тем больше они любят.

Он не стал спорить. И неожиданно согласился со мной.

— Ты права. Такие мужчины существуют и их большинство. Особенно в твоём возрасте. И не все с годами меняются. Ты уверена, что тебе нужен парень, который оценит не тебя, а твои умения в постели?

— А есть разница?

— Огромная. Ты просто очень молода. Однажды твоё мнение изменится, и ты пожалеешь, что выбрала меня, а не того, кого полюбишь по-настоящему.

— Но я уже люблю. — возразила я. Он поднял руки в знак капитуляции.

— Я сдаюсь, леди. Вы неподражаемы. Самое страшное, что ты сама веришь в то, что говоришь. Мне жаль. Искренне жаль.

— А мне нет. Я могу уйти?

Выжидающе смотрю в синие глаза. Ник задумчиво нахмурился.

— Нет. — качнул головой, взялся за край одеяла и дернул его. Взгляд лениво заскользил по обнажившемуся телу. Я зябко съежилась, покрывшись мурашками.

— Нет? — голос предательски дрогнул. Кто это пискнул? Я?

— Если тебе нужен опыт. Ты его получишь. Но на моих условиях. Усекла?

— Что это значит?

— Мы не закончили урок.

— Но...

— Ты использовала меня, куколка. Но я не злопамятный. Я готов идти на уступки. И начну с ванной.

Ник решительно сгрёб меня в охапку, взяв на руки. Пока я думала, как от него избавиться и сбежать, он отнес меня в ванную комнату и посадил в джакузи. Включил воду. Взял с полки пузырек и полил немного под струю. Пахло чудесно. Ароматические масла. Сам присел на корточки рядом с джакузи, не сводя глаз с моего лица.

— Расслабься. Я не сделаю ничего плохого. — заметив, как сильно я напряжена, предпринял попытку успокоения. Помогло. Я верила ему. Сама не знаю, почему.

— Ты женат, Ник? — спросила я, опускаясь под воду. Теплые струйки приятно массировали тело. Обмякнув, я вытянула ноги, покоряясь судьбе и этому мужчине. Один день. Одна ночь. И она принадлежит нам.

— Нет. Не женат. — он ласково улыбнулся, касаясь влажных завитков, прилипших к моей щеке. — Но, если ты будешь настаивать, женюсь. На тебе.

— Совсем не обязательно. — усмехнулась я, понимая, что он лукавит.

— Подумай. Я — богат, не стар, я красив. Я живу в Москве, и скоро возглавлю бизнес отца. Я хороший любовник, и щедр со своим женщинами. Я умею хранить верность, если есть кому. Я образован и умен.

— И скромн. — добавила я с легкой улыбкой. — Прости, но мое сердце занято.

— А мое разбито. — Ник шутливо приложил ладонь к груди. Нежный взгляд прошелся по мне, не упуская ничего. Внезапно он стал очень серьезным и сосредоточенным. — Я могу переубедить тебя. Дай только время. Пару дней. И ты согласишься.

Меня покорила уверенность в его голосе.

— Зачем? Я глупая малолетняя идиотка, которая использовала тебя, чтобы соблазнить другого парня.

— Я склонен думать, что твои недостатки с возрастом превратятся в достоинства, если рядом окажется стоящий мужчина. Мне нравится твоя глупость. В ней есть что-то обезоруживающее. Ты красива, молода, я хочу тебя.

— Последнее доминирует, не так ли? — скептически спрашиваю я.

— Нет, не так. — серьезные глаза, серьезный голос. Он же не серьезно? — Ты веришь в любовь с первого взгляда?

— С первого раза?

— Забудь, у нас еще не было первого раза. Так, неловкая попытка. А я намерен сделать твой первый раз незабываемым. Ты не забудешь меня, Алина. Никогда. Понимаешь?

— Девушки редко забывают первого мужчину. Если не были пьяными в этот момент.

— Никто из нас не пьян.

Его рука скользнула в воду, прошлась по моим ногам, бедрам, очутилась между... Я напрягалась, вопросительно глядя в невозмутимое лицо.

— Расслабься. — он улыбнулся, прикрыв глаза длинными ресницами. — Пожалуйста.

Я попыталась... В принципе, ничего нового. Сама часто трогаю себя так. Но когда это делает уверенная неторопливая рука Ника, ощущения абсолютно иные. Мы смотрим в глаза друг другу, и в какой-то момент между бровей мужчины пролегает напряженная морщинка. Даже в такой момент его голова полна мыслей. О чем они? Я не думаю. Мне хорошо и тепло. Я не смущена, не растеряна, но должна бы испытывать неловкость, когда незнакомый парень ласкает меня столь интимно. Он осторожно раздвигает мои ноги, согнутые в коленях, я не возражаю. Не протестую. Мне интересно, что будет дальше. Когда Ник проникает в меня одним пальцем, память о пережитой боли заставляет мышцы напрячься. Затаиваю дыхание, прислушиваясь к ощущениям. Подушечкой большого пальца он надавливает на чувствительный бугорок, продолжая изучать меня изнутри.

— Не больно? — почти будничным вопросом. «Шампанское будешь?» — прозвучало примерно так же. Отрицательно качаю головой, жар сковывает низ живота, а волшебные пальцы Ника творят с моим телом нечто чудесное. Свободная рука накрывает грудь, нежно массируя и лаская. Волна удовольствия ослепляет, закрываю глаза, растворяясь в блаженстве. Когда внутри меня оказываются уже два пальца, начинаю терять контроль, кусаю губы, тщетно пытаюсь не закричать. Вцепляюсь руками в края джакузи, инстинктивно выгибаясь навстречу пальцам, огненные стелы разлетаются по всему телу. Громкий стон вырывается из груди, достигнув пика наслаждения, плотно сжимаю колени, содрогаясь и тяжело дыша.

Открываю глаза и смотрю на него с недоумением, благодарностью.

— Класс. — облизав пересохшие губы, хрипло делюсь впечатлениями.

Ник напряжен, задумчив, испарина на лбу, а рука все еще зажата между моими ногами. У меня совершенно нет сил двигаться. Я расслаблена, хочется закрыть глаза и подремать в теплой ароматной воде. Но Ник поднимает меня, ставит на ноги и начинает намыливать все мое тело массирующими, исключительно-нежными движениями. Наливает на одну ладонь небольшое количества геля для душа, пахнущего розой и жасмином, и мягко скользит по моей коже. Всюду. После смывает пену и заворачивает в полотенце. Несет обратно в спальню. Как маленькую.

Временно оставляет меня сидеть в кресле, пока меняет простыни. И снова укладывает в

постель, отбрасывает в сторону полотенце.

— Как насчет массажа? — лукавая улыбка на чувственных губах. Я лениво прикрываю глаза.

— Я согласна на все. — мурлыкаю себе под нос.

Ник переворачивает меня на живот, издав приглушенный смешок.

— Никогда не говори мужчине, что готова на все, если на самом деле имеешь в виду не то, что сказала.

Еще одна поучительная фраза. Он моралист? Но судя по действиям — верится с трудом.

Несколько капель масла на моей спине и вновь волшебные руки Ника повергают меня в пучину блаженного забытья. Плечи, шея, лопатки, поясница, ягодицы, даже ступни. Он — мастер своего дела. Каждая мышца поет и благоденствует. Кайф.

— Перевернись на спину. — теплое дыхание касается моего затылка. Предательские мурашки по телу. Теперь в спальне светло. Хватит ли мне смелости?

Хватило.

Он начинает с ключиц, и я мгновенно забываю о своей абсолютной обнаженности и бесстыдстве. Когда его умелые руки спускаются на грудь, я невольно издаю тихий стон удовольствия. Ник улыбается, глядя мне в глаза. Избегает наблюдать за тем, что творят его пальцы. Я вижу, как вздулись вены на сильной крепкой шее мужчины, зрачки расширены, на лбу и груди блестят капельки пота. Держится из последних сил.

— А тебе это нравится! — осеняет меня.

И в этот момент он уверенно разводит мои колени, повторяя все то, что проделал в ванной, но гораздо ритмичнее, сильнее. Я начинаю биться и всхлипывать.

— Это нравится тебе. — легкая улыбка блуждает на умопомрачительно красивом лице Ника. Он доволен собой. Горячее дыхание обжигает грудь, когда он ласкает шершавым языком мои соски, прокладывает цепочку влажных поцелуев к животу, и ниже...

— Не надо. — запоздалое восклицание и острый спазм наслаждения, отравляющий остатки благоразумия. Неужели я позволила ему целовать себя там?

Он бесконечно долго мучает меня самым изысканным способом, доводя до грани и отступая, сводя с ума своим языком и губами. Лихорадочно вцепляюсь в его волосы, умоляя прекратить пытку. Слышу, как Ник снимает джинсы, бросает на пол и дает мне единственное лекарство, способное излечить от мучительной сладкой боли, сковавшей низ живота. Заполняет меня до отказа. Сначала медленно и осторожно, тяжело дыша сквозь стиснутые зубы. Когда я начинаю выгибаться и хвататься за него, увеличивает темп. Я едва поспеваю за ним, и никак не могу поверить в реальность происходящего. Приближаясь к заветной черте, я обхватила ладонями его лицо, жадно целуя в губы. Яростный поцелуй заглушил наш общий вопль освобождения. Он уронил голову на мое плечо, содрогаясь всем телом и хрипло нашептывая ничего не значащие слова. В моей голове не осталось ни одной ясной мысли, только осколки затухающего пожара. То, что мы пережили с ним сейчас... Неописуемо. Неожиданно. Всепоглощающе. Неистово. Очень-очень горячо.

Придя в себя, я мягко отстранилась, но Ник не собирался меня отпускать, крепко обнимая одной рукой, прижимая к сильному влажному от пота телу.

— Тебе не нужно ничему учиться, малышка. Природа все сделала за тебя. — прошептал он, целуя мое плечо. — Сногсшибательно.

— Согласна. — кивнула я. — А ты спец, Ник.

— Стараюсь. — самодовольно улыбается, в почерневших глазах расплескалась

нежность. — Все нормально?

— Отлично. Мне, наверно, пора.

— Утром отвезу тебя домой. А сейчас — спи. — непоколебимый тон. Волевым уверенным выражением лица. Знакомо-задумчивый взгляд. — Забудь о своем парне. Я увезу тебя с собой.

Какое-то время изумленно смотрю на него, хлопая ресницами. Только этого мне не хватало!

— Зачем я тебе? В Москве с бабами напряженка? — резонный вопрос срывается с губ.

— Мне ты нужна. — простой ответ, который ничего не объясняет.

Всего на мгновение захотелось плюнуть на все и послушаться Ника, забыть про Вадима, и долгоидущие планы, с ним связанные. Довериться судьбе. Яркий импульс, порыв, но через пару минут он прошел.

Я дождалась, пока Ник уснет, а потом еще полчаса смотрела в потолок, взвешивая все «за» и «против». Повернувшись на бок, взглянула на умиротворенное и ослепительно красивое лицо мужчины. Такой незащитный, ранимый, пока спит... Я не знаю его. Совсем не знаю. Но откуда эта щемящая боль в груди? Эта тяжесть принятия решения? «Против» все-таки перевесило, и я тихонько высвободилась из ослабевших объятий любовника, и ретировалась. Ушла по-английски. Не прощаясь.

Может, Ник и богат, и не глуп, несомненно, красив, и чудовищно хорош в сексуальном плане, но... У нас ничего не выйдет. Разные дороги, жизни и города.

И есть еще Вадим. Он мне подходит больше, чем искушенный богатый красавчик Ник.

Пятое марта

Прости, что так давно не доверяла тебе свои сокровенные тайны. Столько всего навалилось. Экзамены, бурный роман с Вадимом. Да, я все правильно просчитала. Он от меня безума. Познакомил с родителями, предлагал жить вместе. Уже начали искать квартиру, когда случилось это...

Я помню, как мы занимались любовью в комнате общежития при университете, где жил Вадим. Честно говоря, он так и не смог оправдать моих ожиданий в этом плане. Я надеялась, однажды он научится прислушиваться не только к своим желаниям. И готова была подождать. А, если нет, то ничего страшного. Я же люблю его. Я помню, что именно об этом размышляла, нежась в кровати. Вадик ушел на кухню за чаем и едой. Он не запер комнату. И зачем? Что может произойти за три минуты его отсутствия? Однако, иногда судьба настроена на самые коварные ловушки. Вернулся сосед Вадика. Раньше времени. А тут я. Голая, под одеялом. Реакция молодого организма, бурлящего гормонами и тестостероном, вполне предсказуема. Я помню двусмысленные шуточки и грязные намеки. А потом... Ничего. Провал.

Пришла в себя уже дома. Ди суетилась рядом. Она была очень взволнована и бледна. А я пребывала в шоке. Не могла понять, как оказалась в своей квартире. Голова гудела от боли, я опустила глаза вниз и застыла от ужаса. На моих руках была засохшая кровь.

Диана отводила глаза, когда я засыпала ее градом вопросов, и вытирала влажной тряпкой следы крови с моей кожи.

Я не была ранена. Кровь — не моя.

Боже, что происходит? Неужели я...

И тут я вспомнила. Утром я забыла принять лекарства.

Потребность в забвении — это все, что движет мной сейчас, все, что удерживает и не позволяет сорваться. Я не хочу, чтобы боль и страх вернулись.

Никита Скворцов.

2011 год. Май. Москва

— Извините, но я дождусь такси. Спасибо, я тронута вашей заботой, молодой человек. — Диана Казанцева перекинула через плечо ремешок сумки с ноутбуком, в руке она держала объемистый кожаный портфель с лекциями и книгами. Она демонстративно игнорировала затормозивший рядом с ней блестящий черный «Бентли», но хозяин шикарного авто не намеревался сдаваться.

— Девушка, я же вижу, как вам тяжело. Сейчас час пик, и такси вы дождетесь не скоро. А я готов вас подвезти, куда скажете. Дождь начинается, мне бы не хотелось, чтобы ваше очаровательное платье промокло. — тяжелый оценивающий взгляд шофера Бентли скользнул по короткому красному платью Ди. Женщина вспыхнула, пожалев, что не накинула пиджак. Черт ее попутал, иначе не скажешь. Какого, вообще, ее понесло в Москву? Марго бросила одну. Вытворит что-нибудь! Как пить дать — вытворит. Что теперь вздохнуть! Всею виной — неугомонность натуры Ди. Вечно тянет на приключения. Неужели в Ярославле мало работы? Но нет — ей МГУ подавай. Надо же показать себя! Чертов гордыня. Грех, ведь. Несколько капель упали на кончик носа и щеки Дианы. Напасть. И этот мачо никак не отстает. Что им всем от нее надо? На лице, что ли, написано: «свободна, и готова к кратковременным отношениям без обязательств». А, хрен с ним. Пусть везет. Не убудет.

Диана Казанцева подошла к машине и открыла дверцу. Водитель авто помог расположить ей сумки на заднем сиденье.

— Куда едем, красавица?

Ди назвала адрес, расстроено и удрученно рассматривая медленно движущийся поток машин перед ними.

— Студентка? — поинтересовался благодетель. Казанцева соизволила повернуться, чтобы высказать этому льстецу, все, что о нем думает. Но передумала... Слова застряли в горле. Перед ней сидел самый красивый мужчина на свете, а она повидала немало.

— Я педагог. Преподаю философию. Здесь в командировке. На пару месяцев. — быстро сообщила она, не сводя глаз со скульптурного лица.

— Повезло же вашим студентам. — присвистнул красавчик, ловко маневрируя между машин. — Наверно, прохода не дают, записки любовные пишут.

— Бывает. — самодовольно улыбнулась Ди, откидывая за спину светлуй копну волос. Он проследил за этим движением, на мгновение утратив контроль за дорогой.

— Послушайте, только сразу не отказывайте. Меня сегодня пригласили на день рождения. И совершенно не с кем пойти. Не могли бы вы спасти меня от одиночества на этот вечер?

— А почему нет? — Диана не сомневалась ни секунды. Мужчина удивленно вскинул

брови.

— А вы сговорчивы.

— Обожаю спонтанные решения.

— В спонтанности есть нечто обезоруживающее. Меня Ник зовут. А вас?

— А я Диана.

— Диана, ты веришь в любовь с первого взгляда?

— И только в нее. — рассмеялась женщина.

— Ты просто возродила меня к жизни. Я уже отчаялся найти человека, способного разделить мои взгляды.

— Сомнение берет. Неужели в Москве не нашлось подходящей компании для красивого и обеспеченного молодого человека?

Их взгляды встретились. Губы Ника дрогнули в улыбке.

— Ты согласилась. Значит, у меня есть подходящая компания.

2011 год. Начало июля. Москва

— Я — против, Ди. Ты не можешь уехать сейчас. Я не понимаю, что за срочность? Сколько лет твоей племяннице?

— Двадцать один. — Диана отвела глаза в сторону, но не прекратила складывать вещи в чемодан, разложенный на кровати.

— Взрослая, чтобы нуждаться в няньке. — раздраженно бросил ее любовник. Он уверенно взял ее за плечи и развернул к себе, принуждая к разговору.

— Никит, я знаю, что ты на меня рассчитывал. Твой папа переживет. А у Марго никого нет. Я должна поехать. — женщина умоляюще взглянула в лицо своего последнего увлечения. Он ей очень нравился. И она не хотела ссориться. Это первые отношения за последние лет десять, не унижающие ее достоинства и приносящие только радость и удовольствие.

— Ничего с ней не случится. Поедем вместе. У папы юбилей. И он мечтает познакомиться с тобой. У него тоже никого нет, кроме меня. — настойчиво сообщил Ник. Диана порывисто обняла его, прижимаясь щекой к рельефной груди.

— Хороший мой, прости. Я не могу. — простонала она с отчаяньем. — Мне тоже не хочется оставлять тебя среди твоих вертливосток-секретарш. Они только ждут, когда я потеряю бдительность.

— Не говори ерунды. — усмехнулся мужчина, зарываясь пальцами в светлые волосы Дианы. — Отложи поездку на неделю. Я сам тебя отвезу.

— Ага. А Марго тем временем успеет выйти замуж за парня, которого я никогда не видела. — Казанцева решительно отстранилась. — Я слишком хорошо ее знаю. Эта девчонка похожа на меня. А я в ее возрасте выбирала самых неподходящих мужчин.

— А теперь собираешься бросить подходящего. — горько усмехнулся Ник.

— Я тебя не бросаю. — Диана замерла и посмотрела в расстроенное красивое лицо. Третий месяц живут вместе, а она никак не может поверить, что отхватила такое сокровище. — Пойми, Маргарита очень долго переживала свой последний разрыв с молодым человеком. Других у нее, в принципе, и не было, но внезапность, с которой она засобиралась замуж, меня настораживает. Я беспокоюсь о родной племяннице. Кто, как не я, должен быть с ней в этот ответственный момент.

— Черт. — выругался Никита Скворцов. Настаивать дальше не имело смысла. Диана

была права. Ей действительно стоит провести племянницу. А у него, как назло, вся неделя расписана по часам, и он не может сопроводить женщину, которой собирался сделать предложение во время празднования юбилея отца. И папа расстроится. Он тоже в курсе планов сына. Так радовался!

— Я приеду, Ник. — Ди нежно поцеловала любимого, встав на цыпочки. — Но чуть позже. И обязательно познакомлюсь с великим Андреем Скворцовым.

— Никакой он не великий. — бросил мрачно Никита. Смирившись, он решил помочь Диане собрать вещи. — Бросил нас, когда сестре исполнилось пять лет, а вернулся в день ее похорон. Одиннадцать лет спустя.

— Я знаю. — Ди мягко прикоснулась к плечу своего мужчины. — Но ты же прости его.

— Его — да. А себя — нет. — Скворцов тряхнул головой, словно отгоняя тяжелые мысли. — Ты права. Нельзя оставлять близких людей, когда чувствуешь, что они нуждаются в тебе, и перекладывать ответственность на других тоже не нужно. Я очень надеюсь, что твоя Марго не ошиблась с выбором.

— Ты можешь приехать ко мне, когда освободишься.

— Это случится не скоро. — Ник сердито взлохматил свои черные, как смоль, волосы. — Буду ждать тебя здесь. Да и, вообще, с Ярославлем меня связывают не самые лучшие воспоминания. Ты разбирайся со всеми делами, и возвращайся. Можешь, и Марго перевезти сюда. В МГУ ей больше понравится. С переводом я решу проблему.

— А жених? — скептически улыбнулась Ди.

Ник тяжело вздохнул.

— Я готов снять им квартиру. Лишь бы ты не гоняла туда-обратно.

— Я никуда не исчезну, милый. — Диана мягко улыбнулась, снова обнимая Скворцова. Иногда Никита казался ей таким трогательным и беззащитным. Может, потому что был младше ее на семь лет. Разница не велика, конечно. У нее в прошлом и со студентами романы случались.

— Надеюсь. Ты подумай о моем предложении.

— Гоша не поедет. Ей и там хорошо.

— Почему мне так режет слух, когда ты свою племянку Гошей называешь? — Ник шутливо поморщился. — Ужасно звучит.

— А ей идет. Гошка в последнее время возлюбила черный цвет, волосы перекрасила, глаза шпаклюет безбожно. Похожа на этих... Ну, сейчас движение молодежное...

— Готы? — подсказал Никита.

— Ага. Именно. Волнуюсь я за нее. — Диана захлопнула чемодан. — Все, вроде. Посидим на дорожку.

— А, может... — Ник шаловливо улыбнулся, привлекая к себе Диану. — Полежим?

— Гоша? Эй, девочка, ты дома? — бросив сумки в коридоре, позвала племянницу Ди. — Марго! Я вернулась.

Женщина наклонилась, чтобы снять туфли, а когда выпрямилась, ей на шею с разгону бросилась счастливая и хохочущая Маргарита.

— Как ты быстро. Хотя, нет. Ты долго! Долго. Совсем меня бросила. — чуть не задушив, свою тетку, тараторила Марго. — Не могу поверить, что вижу тебя. О, Ди! Как же я скучала.

— Я тоже скучала, милая. — Диана освободилась от цепких объятий племянницы, и

внимательно осмотрела девушку с головы до ног и задержавшись на светящемся лице. Маргарита показалась ей чересчур оживленной. Метаморфозы во внешности, горящие глаза. Ди невольно нахмурилась. Марго, в свою очередь, тоже отметила изменения в облике Дианы Казанцевой. Девушка порывисто взяла тетю за руки, прищурила зеленые глаза, загадочно улыбнулась.

— Ди! — высоким голосом пропела Маргарита. — Что такое? Ты вся сияешь! Кто он?

— Лучше расскажи, кто он. — Диана мрачно кивнула в сторону неуверенно выглядывающего из комнаты парня. Высокий худощавый блондин с бледно-голубыми глазами и тонкими чертами лица скромно улыбнулся прибывшей. Одет молодой человек был по-домашнему. Спортивные штаны, тапочки в голубую полоску и футболка с надписью «Поклоняйся мне», смысл которой не увязывался с внешней робостью, возможно, наигранной. Он явно не только что вошел. Марго обернулась, одарив своего гостя (или постояльца) широкой улыбкой, подошла к нему и схватив за локоть, почти волоком притащила в коридор. Ди вполне могла и сама зайти в комнату, чтобы познакомиться.

— Макс — это Ди. Ди — это Макс. Мы решили пожениться. — торжественно объявила Маргарита. Диана выдавила приветливую улыбку и пожала протянутую руку. Неприятное предчувствие царапнуло где-то в области груди. Этот новый Макс подозрительно был похож на предыдущего Вадима. Тот же типаж, рост, цвет волос, глаз.

— Давайте, пройдем на кухню. Поговорим за кружечкой кофе. Вы как? — Диана посмотрела на жениха Гоши, который правился с робостью и улыбался гораздо увереннее, чем минуту назад. Возможно, он вовсе не скромняга парень. Даже наоборот... Но Марго так искренне ластилась к нему, держала за руку, смотрела, как на единственного мужчину на планете Земля. Странно все как-то...

— Я полностью поддерживаю. — у Макса очень приятный мужественный голос, озорные чертики в глазах и легкое удивление, смешанное с любопытством и чисто мужским интересом. — Марго говорила, что вы очень молоды и хороши собой, но я поражен. Вы выглядите, как подруги.

И комплименты умеет делать. Молодец. Диана вежливо улыбнулась.

— И часто слышим об этом. — Гоша ласково чмокнула парня в щеку. — Я сейчас приду. Поболтайте пока.

Глядя вслед убегающей девушке, Диана присела на один из табуретов.

— Можно мне поухаживать за вами? Я отлично готовлю кофе.

Голубые глаза медленно скользят по фигуре Дианы Казанцевой. И посмотреть есть на что. Элегантный брючный костюм кремового цвета идеально сидит на поджаром стройном теле молодой женщины. Ди улыбнулась, вспомнив, как терпеливо и тактично Ник работал над ее гардеробом, прививая чувство вкуса, коим сам был одарен от Бога. Он заставил ее поверить, что сексуальной женщину делает не минимум одежды и цветовая пестрота, а ее качество и умеренность. Тонкость линий и аксессуары.

Диана задумчиво хмурилась, пока Максим колдовал над кофеваркой. Он стоял к ней спиной, и не было нужды изображать радушие и доброжелательность.

Кофе, и правда, оказался замечательным.

— Спасибо, Макс. — еще одна вежливая реплика. Жених Марго кивнул и сел напротив. Теперь необходимо найти тему для разговора.

— Итак, вы давно знакомы? — Ди решила начать со стандартного вопроса. Но Максим ответить не успел. В кухню, как ураган, влетела Гоша. Она переделалась в светлый сарафан на

бретельках. Куда делся ее жуткий макияж? А джинсы неизменно черного цвета и кофты с высоким воротником? Девушка выглядела очень юно и свежо. Ни грамма косметики, изящные черты, блестящие и ухоженные длинные темные волосы, завивающиеся на концах. Она излучала энергию. Много энергии. Но чувство тревоги не отпускало Диану. И оно ее не подвело.

Маргарита встала за спиной жениха и, наклонившись, обняла за шею. Положила голову на его плечо.

— Две недели назад Макс подошел ко мне на улице, и попросил одолжить на пару минут мобильник. В метро у него свистнули сумку. А в ней были деньги и телефон. — сообщила девушка. Максим нежно сжал ее руку и быстро поцеловал.

— Да. Так и было. С тех пор мы не расстаемся. — подтвердил он.

Диана озадаченно переводила взгляд с одного на другую.

— Две недели? Ребят, я рада за вас. Но вы не думаете, что две недели — слишком короткий срок, чтобы принимать столь ответственное решение. — в голосе женщины сквозило недоумение, даже осуждение.

— Мы любим друг друга. Нам не нужно прожить вместе пять лет, чтобы понять это. — решительно ответил за двоих Макс. Ди не понравилась его абсолютная уверенность, и глупая слепая улыбка Маргариты. Диане, как никому другому, было знакомо ощущение эйфории на первом этапе влюбленности, а так же хрупкость подобного состояния. Однако в жизни случаются исключения. Если бы Ник сделал ей предложение в день первой встречи, в салоне «Бентли» под проливным дождем, она бы не задумываясь, ответила «да». Но таких, как Никита Скворцов, мало. Хотелось бы верить, что этот Макс — неплохой парень и серьезно относиться к Марго, но, что он знает о будущей жене? Ди была уверена, что Гоша не рассказала ему о своих проблемах. Она уходила от подобных разговоров и предпочитала все сокровенные мысли держать при себе. Даже с любимой теткой не откровенничала.

— И, что... Вы уже заявление подали? — растерянно запинаясь, спросила Диана.

Маргарита, не выпуская руки своего избранника, обошла стол и села рядом с Ди.

— Мы ждали тебя. Я хотела посоветоваться с тобой насчет даты. Я же знаю, что у тебя работа и все такое... — Гоша сморщила аккуратный носик, рассмеялась не к месту. — Тянуть мы не намерены. Ты возьмешь отпуск? Черт, я и забыла. Сейчас же каникулы во всех вузах. — снова широкая сияющая улыбка. — Значит, ты насовсем?

— Нет. — Ди смущенно отвела глаза. — Милая, я приехала, чтобы убедиться, что ты в порядке и не валяешь дурака. Мне придется вернуться в скором будущем в Москву.

— Надеюсь, после свадьбы? — насторожилась Марго. Темные брови хмуро насупились. Диана закусил губу. Виновато улыбнулась.

— Я на неделю, милая.

— Но... Я думала, ты мне поможешь. — подбородок девушки обиженно задрожал. — Подготовка к свадьбе, все такое... Ди, ты не бросишь меня сейчас. Ты нужна мне!

— Эй, малыш, успокойся. — Максим мягко дотронулся до плеча невесты. — Мы справимся, не волнуйся. У Дианы есть свои дела.

— Какие дела! — раздраженно бросила Маргарита, скидывая руку парня и вскакивая на ноги. — Что тебе делать в Москве! Лекции читать некому. Все отдыхают.

— Ты знаешь, что у педагога есть обязанности, помимо чтения лекций. — Диана мягко улыбнулась. — Я не хотела говорить сразу... При всех. — быстрый взгляд на Макса. — Дело в том, что у меня появился мужчина. Все серьезно. Он с трудом отпустил меня. Я должна

была знакомиться с его семьей в эту субботу. Но я приехала, чтобы быть с тобой. Не требуй от меня большего.

— О... — выдохнула Марго, опускаясь на стул. Она успокоилась, а Ди облегченно перевела дыхание. — Это же классно. Мы обе влюблены и счастливы!

Девушка снова вскочила, радостно рассмеявшись и распахивая руки. Диана напряглась, не успевая за переменами в настроении племянницы. Было в этой буйной радости нечто болезненное...

— Ты принимаешь таблетки, Марго? — прищурился глаза, строго спросила женщина. Девушка мгновенно побледнела, губы сжались в тонкую линию.

— Да, я пью противозачаточные средства. — с нажимом произнесла Маргарита.

Теперь нахмурился Максим.

— Вы имеете что-то против детей? — вопрос был адресован Диане. Она повела плечами. Он ничего не знал.

— Я люблю детей, но вы только познакомились. Не стоит торопиться. — сдержанно ответила Казанцева. — Сколько вам лет, Максим?

— Двадцать пять...

— Ты работаешь?

— Я программист. Окончил Демидовский университет в прошлом году. Зарплата стабильная, хоть и небольшая, но перспективы имеются. Жилплощади в городе нет. Есть дом в сельском районе, но он не пригоден для постоянного проживания. Родители отсутствуют, вырос в детском доме. Не пью, но курю, наркотики не принимаю, не извращенец, не бездельник и не бабник. В армии не служил, откупился. Еще вопросы есть?

Пристальный холодный взгляд голубых глаз. Парень подготовился к допросу, но явно не доволен, что приходится отчитываться перед незнакомой женщиной. Диана ничего не имела против детдомовцев, но существует некая генетическая предрасположенность, и с этим сложно спорить. Ей было бы легче принять Макса в семью, предварительно познакомившись с его родителями. Так или иначе — все сироты травмированы морально и психологически. Трудное детство, сложная школа выживания, дефицит любви и ласки, нехватка воспитания, отсутствие модели поведения в семье, которой у него не было. А Маргарита нуждается в стабильном и уравновешенном спутнике. Макс ей не подходит. Он молод, и совсем не готов к браку. Он не знает, как быть мужем. У него, несомненно, будет время, чтобы научиться принимать решения и заботиться о ком-то, кроме себя, но Марго необходим не ученик, а учитель. Выход из сложившейся ситуации пришел внезапно. И Диана облегченно вздохнула. Она знала, как поступить.

— Я тут подумала... — широко улыбнувшись, начала Ди. Главное — не спугнуть голубков. Не дать им опомниться. — Гоша, Макс, у меня к вам предложение.

Парочка переглянулась.

— Какое? — напряженно спросил Максим.

Итак, он — ведущее звено в отношениях. Говорить придется именно с ним. Но так даже легче. Марго быстрее разгадает игру своей тетки.

— Мне не зачем оставаться здесь, чтобы дожидаться вашей свадьбы. И вам тоже.

— То есть? — не понял Макс.

— Я предлагаю вам переехать в Москву. — выпалила Диана на одном дыхании. Маргарита широко распахнула глаза.

— Нет!

— Подожди, малыш. — протестующее вытянув руку, Максим призвал подругу к молчанию. — Диана, объяснитесь конкретнее.

— Все просто. Я так понимаю, что тебя ничего особенно не связывает с этим городом, кроме работы. Но программистом можно устроиться и в Москве. Так?

— Так. — кивнул парень. Ди была довольна. План готов к реализации. — А Марго? Она учится.

— Я договорюсь насчет перевода в МГУ и сама заключу контракт на постоянной основе.

— А где мы будем жить?

Отличный вопрос. А он не дурак. Детдомовцы своего не упустят, и, вообще, они крепче держаться за жизнь, если не опускаются в самом начале пути.

Диана улыбнулась.

— Пятерка, Макс. Ты — молодец. — кивнула она. — Насчет жилья можете не волноваться. Я говорила со своим... э... другом. И он готов помочь вам материально на первых порах.

— Так что же, ты олигарха подцепила? — спросила Маргарита. Она была совершенно растерянной и сбитой с толку.

Диана пожалала плечами. Глаза заволокла мечтательная дымка.

— Ну, не олигарха. Но Скворцов — не последний человек в Москве. У него строительный бизнес, коттедж в престижном районе. Отец отошел от дел пару лет назад и все оставил сыну. Сам проживает отдельно в другом конце города. Я уже говорила, что именно в эту субботу Никита собирался меня с ним познакомить. У старика юбилей. Шестьдесят пять лет.

— И этот распрекрасный богатый мажор Скворцов не женат? — усомнилась Марго, вспомнив о веренице былых любовных неудач своей тети.

— Не надо так говорить о человеке, которого не знаешь, дорогая. — укорила племянницу Диана. — Он очень хороший, порядочный, добрый и относится ко мне, как никто и никогда. Я думаю, что мы поженимся.

— Класс. Только не в один день. — Марго почему-то расстроилась. — Я, конечно, рада, что тебе повезло и все такое...

— Все такое... — усмехнувшись, передразнила Ди. — Я понимаю, тебе не хочется переезжать, но подумай, какие перспективы открывает Москва. Для вас обоих. И мы будем рядом. Я устрою тебе лучшую свадьбу, в самом дорогом ресторане. — а это уже откровенная ложь. Диана чувствовала, что никакой свадьбы не будет.

— Макс. — она серьезно взглянула на молодого человека. — А ты не думал продать свой участок и дом, раз не пользуешься ими? Деньги вам пригодятся. Конечно, мы поможем, но тебе самому будет неловко...

— Да. Я продам дом. — поспешно согласился Максим.

— Отлично. Тогда зачем откладывать? — Ди посмотрела на Маргариту. Теперь все зависело от нее. — Милая, ты можешь поехать со мной через пару дней. Я успею на юбилей, и Никита не будет на меня сердиться. Ты осмотришься, мы выберем для вас хорошую квартиру, решим вопрос с университетом, а Максим присоединиться к нам, когда окончит дела с продажей своего участка. Заодно проверите отношения на прочность. Так будет лучше. Для всех. И как только Максим приедет, я лично сопровожу вас в загс для подачи заявления, и начнем готовиться к свадьбе. Ты как?

Марго внимательно изучала лицо Дианы, сохраняя задумчивое молчание. Вмешался Максим.

— Она поедет. — уверенно заявил парень. — Даже не сомневайтесь. Правда, милая? Ты подготовишь для нас уютное семейное гнездышко?

Гоша посмотрела на жениха, в глазах мелькнуло незащитное выражение. Диана почувствовала, как в горле образовался комок. Правильно ли она поступает? Но никто не собирается разлучать их. Просто временное разделение. Маргарита должна взвесить свое решение, переосмыслить отношения с Максимом. Ощущалась некая зависимость и привязанность с ее стороны к потенциальному жениху. Диана боялась, что девушка не вполне отдает отчет происходящему, позволяя этому парню решать за нее. Скорее всего, сказался печальный опыт с Вадимом, когда Маргарите казалось, что она управляет ситуацией. Сейчас она пыталась не совершить прежних ошибок и избрала противоположную тактику, переложив всю ответственность на плечи другого человека, поддаваясь его воле и решениям. Крайности — слабое место Марго. Она не знала, что между полюсами есть что-то еще — среднее — и упускала главное. Как все, девушка хотела любить и быть любимой, но при этом слишком много думала и анализировала, стараясь удержаться в рамках избранной тактики поведения. Играла роль. Роль подруги, девушки, роль невесты, так же, как потом будет играть роль жены и матери. Маргарита Казанцева боялась быть собой. То, что она видела внутри себя, пугало и отталкивало ее. И не без причин... Но Диана, человек чувствительного и романтического склада, верила, что настоящая любовь хорошего человека поможет Маргарите поверить в себя, найти утешение и освобождение от скрывающегося в глубинах души недуга.

Москва

— Не могу поверить, что тебе удалось уговорить меня. — пробормотала под нос Маргарита Казанцева, вытаскивая из багажника такси свой чемодан. Темные очки защищали глаза девушки от яркого полуденного солнца, но от душливой жары спасти не могли. Диана мягко поддержала племянницу за локоть, когда она покачнулась на высоких каблуках, пытаясь поставить чемодан на колесики.

Гоша сухо поблагодарила Ди, и пока та расплачивалась с таксистом, принялась с любопытством рассматривать верхний этаж с большим открытым балконом и крышу коттеджа за высоким забором. Неплохо! Видимо, любовник Ди действительно богат, и раз они живут вместе, у него серьезные намерения. Это хорошо. Марго желала тете огромного счастья.

Всю дорогу — четыре часа в поезде и час в такси — Диана расписывала бесконечные достоинства своего возлюбленного, и Маргарите казалось, что она уже лично знакома с совершенством в мужском облики по имени Никита Скворцов. Диана Скворцова — отлично звучит, но и Казанцева — хорошая фамилия. А вот имя потенциального дяди ей не нравилось. Будет сложно выбрать имя для ребенка. Никитович. Или Никитич? Ужас. Хуже только Данилович. Или Данилыч. А еще у нее был знакомый из универа. Добрыня. Тоже смешно. Добрынич. Да... Докатились. Нормальных имен мало, что ли? Вот Максим — замечательное имя. Не придерешься. В поезде Ди сказала нечто, что расстроило и смутило Маргариту. Заставило вспомнить о Вадиме. А она не любила о нем вспоминать. Столько лет прошло, а до сих пор болит. Надо же придумать, что Макс и Вадим похожи внешне! Ничего общего. Вадик — спортивный брутальный здоровенный бугай, а Макс — утонченный, меланхоличный, худощавый. Вадик — примитивный и грубый, помешанный на футболе и тренировках, а Макс — романтичный, внимательный, нежный. Иногда у него случаются заскоки, он бывает слегка эгоистичен и чрезмерно самоуверен, но кто без недостатков? Кому, как не ей знать, как сложно удержаться в рамках!

— Нравится? — спросила Ди, тронув Марго за локоть. Девушка смахнула со лба капельки пота, одернула подол летнего белого сарафанчика, прилипшего к ногам. Даже тонкая полупрозрачная ткань не защищала от адского пекла.

— Очень. Чудесное место. — с чувством ответила Маргарита, тепло улыбнувшись Диане. Последняя внимательно вглядывалась в бледное лицо девушки.

— Ты хорошо себя чувствуешь? Выглядишь уставшей. — заботливо спросила Ди.

— Не волнуйся. У меня все нормально. Устала немного. Приму душ и буду, как новенькая. Я смогу позвонить Максиму из дома? У меня на мобильном денег мало.

— Конечно. Но сначала отдохни. Ничего с ним не случится. Пусть поскушает. — небрежно отмахнулась Ди, двигаясь к воротам.

— Почему он тебе не нравится? — спросила ей в спину Марго. Женщина резко обернулась, уронив ручку чемодана.

— С чего ты взяла?

— Я сразу поняла. Из-за того, что он вырос в детдоме?

— Ты придумываешь, милая. Да, я волнуюсь. И да, я не хочу, чтобы ты спешила. И да, я не буду вмешиваться, если твое мнение не изменится, когда Максим приедет в Москву.

— Я надеюсь. Он — неплохой, Ди. И нравится мне.

— Я бы предпочла, чтобы ты любила его. — мягко сказала Диана.

— Но я люблю.

— Боюсь, что ты не знаешь, что такое любовь. Мы обе так часто трепали это слово впустую. Не обижайся. Я тоже не знала, пока не встретила Ника.

Ник. Что-то тревожно щелкнуло в голове Марго. Она прищурила глаза, собираясь задать вопрос... Но не успела. Ворота, охраняющие территорию частной собственности любовника Ди, распахнулись, пропуская высокую стройную фигуру темноволосого мужчины в светлой футболке и потертых джинсах. Сам хозяин шикарной загородной виллы пожаловал, дабы лично встретить любовницу и ее племянницу. Несколько широких шагов сократили до минимума расстояние между ним и Дианой. Он крепко обнял ее, зарываясь лицом в распущенные светлые волосы Ди. Солнце светило прямо в глаза, и даже темные стекла очков не позволили Марго рассмотреть мистера Совершенство и огромную любовь Ди.

Маргарита неловко топталась на месте, тревожно ожидая, когда вспомнят о ее существовании, а парочка никак не могла оторваться друг от друга.

— Почему ты не сказала? Не позвонила? — сочащимся нежностью голосом укорял любимую мужчина. — Я глазам не поверил, когда увидел из окна, как ты вылезает из такси. Чудо, что я оказался дома.

— Я-то как раз рассчитывала на обратное. Хотела сделать сюрприз, и не хотела, чтобы ты видел меня изможденной, потной и покрытой пылью семи дорог. — Диана счастливо рассмеялась, взъерошив пальцами черные волосы любовника.

— Сюрприз удался. А потной ты мне очень даже нравишься.

Интимные нотки в мужском голосе усугубили смущение Марго, вынужденной наблюдать за любовной идиллией. Слова Ди начинали сбываться. Похоже, ее друг искренен и привязан к ней. Радует, как ребенок. Ей богу, только прослезиться от умиления осталось.

Маргарита решила, что пора напомнить о себе. Она негромко кашлянула. Ди опомнилась первой. Нехотя освободилась от мужских объятий, поворачиваясь к Марго.

— Ник, я приехала не одна. — гортанных хриловатым голосом произнесла Диана. Девушка впервые слышала подобный тон в устах тети. И выражение лица совсем другое. Радостное, нежное, счастливое.

— Я вижу. Итак, ты все-таки уговорила упрямыцу приехать к нам. — веселый мягкий голос. Мужчина шагнул вперед. Он широко улыбнулся гостье голливудской улыбкой. Ямочки на щеках, синие глаза. Внутри Марго все оборвалось. Она потрясенно застыла, мысленно возблагодарив бога, что смятение в ее глазах скрывают надежные темные линзы очков.

Так не бывает. — промелькнула единственная мысль в голове девушки, перед тем, как она принудила свои губы вежливо улыбнуться. Один шанс на миллион. В Москве проживет не меньше двенадцати миллионов человек. Один шанс на двенадцать миллионов. И все же это был он...

— Маргарита, как я понимаю? — одна бровь чуть приподнялась. Он протянул руку.

Несколько секунд, и девушка овладела собой. Есть еще один шанс из десяти, что он не узнает ее. Она изменилась, повзрослела и перекрасила волосы.

— А вы, Никита. — утвердительно кивнула Марго, пожимая протянутую руку. — Я слышана о вас.

— Давай на «ты», о кей? — ослепительный блеск зубов.

Чертовски красив. Ничуть не изменился.

— Хорошо. Ничего не имею против.

— Можно я не буду называть тебя Гошей. Честно говоря, меня коробит, когда Ди употребляет эту сокращенную версию. Помнишь, сериал «Маргоша»? Парень с девушкой поменялись местами... Господи, что я несу. Это от волнения. Извини, Марго. Можно, так тебя называть?

— Да. — приклеенная неживая улыбка. Он не заметил, как побелели костяшки пальцев девушки, вцепившейся в ручку чемодана.

— Давайте, живо в дом. Отдохнуть и обедать. Ди, что ты сотворила с Марго? Она едва жива от усталости. — Ник уверенно забрал у женщин чемоданы, пропуская их вперед.

Маргарита шла, не чувствую ног и спины. Двигалась по инерции, как механическая заведенная кукла. Что же делать? — крутилось у нее в голове. Надеяться, что Ник ее не узнает? Но что это изменит? Она-то знает, кто он такой. Черт возьми, глупее ситуации не придумаешь. Настоящая Санта-Барбара. Подобного рода случайности происходят исключительно в кино. Нужно, как можно скорее, сваливать отсюда. Обратно в Ярославль. Только, как объяснить Ди причину отъезда.

Оказавшись в стильной, явно отделанной рукой талантливого дизайнера гостиной, Маргарита сразу бросилась к телефону. Никита проследил за ней недоумевающим взглядом. Посмотрел на Диану.

— Что это с ней? — шепотом спросил он, обнимая женщину.

— А, жениху звонить помчалась. — махнула рукой Ди.

— Значит, он существует. — заключил он и тут же забыл о странноватой племяннице Дианы и ее женихе, и нежно поцеловал любимую. — Я так соскучился. Не представляешь, как я рад. Камень с плеч свалился.

— Куда я теперь от тебя. — улыбнулась Ди. В глазах ее светилось желание. — Нам нужно будет помочь им с квартирой.

— Пусть пока поживут здесь. К чему торопиться? Времени вагон.

— Мне нравится, когда мы одни, Ник. Это неловко.

— Брось. Дом огромный. — отмахнулся Никита. Диана нахмурилась, выразительно глядя на него. — Но, если ты настаиваешь, я завтра попрошу Соню лично заняться поисками квартиры.

— Я бы тоже поучаствовала. Вместе с Марго, разумеется. Милая, ты закончила? — Диана окликнула племянницу, все это время воркующую по телефону. Маргарита поставила трубку на место и повернулась к обнимающейся паре.

— Как Макс? Не продал свою холупу?

— Не холупу, а дом. — сухо поправила Марго. — Нет, но покупатели уже есть.

— Отлично. Ник завтра отдаст нам в распоряжение своего лучшего агента по недвижимости, и мы посмотрим несколько вариантов. Возможно, что-то и приглянется.

— Марго, можешь снять очки. Тут сумрачно. Но зато вечером уютно, когда я зажигаю камин. Зимой он греет, а летом выполняет чисто декоративную функцию. Когда я был маленьким и жил... неважно где, я мечтал об огромном доме с камином и красавице блондинке под боком. — он снова перевел потеплевший взгляд на Ди. — Мечты сбываются.

— Да уж. — саркастически выдохнула Марго, потирая переносицу. Скрываться за очками и дальше было глупо и нелепо. Она сняла их.

— Ник, куда я могу отнести вещи? — спросила Маргарита.

— Наверх. Выбери любую комнату по правой стороне. Я провожу и все покажу.

Там... — он осекся, посмотрев на девушку. Она вымученно улыбнулась, заметив растерянное выражение, промелькнувшее в обращенном на нее взгляде Никиты. Да, еще одна надежда, осыпанная прахом. Он тоже ее узнал. Она ожидала увидеть испуг, даже злость, но в его глазах не было ни того, ни другого. Шок, изумление и... боль? Откуда это?

Заметив напряжение, сковавшее обнимающие ее руки, Диана подняла голову, заглянув в лицо Скворцова. Он вовремя спрятал эмоции. Его улыбка была жалким подобием той, недавней, когда он увидел Диану, выходя из распахнутых ворот.

— Милая, может, ты сможешь А... Маргарите? — выговорить непривычное имя ему удалось с трудом. — А я схожу на кухню, проверю, как дела с обедом.

— Ты побледнел. Что-то случилось? — внимательная Ди все же заметила перемену. Марго готова была провалиться под землю от стыда. Как глупо все. Безумие просто.

— Голова разболелась. Приму аспирин, и все пройдет. — напряженно произнес мужчина. Он осторожно отпустил Диану, сделала шаг назад. На Марго Ник старался не смотреть. Однако уголок его правого глаза подозрительно дергался, выдавая нервное напряжение. Скворцов потер виски и, пошатываясь, направился в кухню.

Диана и Маргарита переглянулись, последняя смущенно отвела взгляд.

— Его мучают мигрени. — тихо пояснила Ди. — И ночные кошмары. Ник никогда не говорит, что ему снится. Может, я напрасно тревожусь, но мне кажется, что в прошлом с ним случилось что-то страшное и до сих пор не отпускает. — серые глаза Дианы Казанцевой обнажили половодье противоречивых чувств. Судорожный вздох сорвался с губ. — Ты назвала его мажором, но это не так. Ник вырос без отца, в бедном поселке. Заботился о младшей сестре и матери, играя роль главы семейства. Тяжелая ответственность для молодого парня. Он работал и учился, пытался удержать на плаву свою семью.

— А что отец? Он же бизнесмен... — нахмурилась Марго, потеряв связующую нить между тем, что ей говорила Ди в поезде и тем, что сообщила сейчас.

— Андрей вернулся за сыном и женой в день похорон Юли, младшей дочери. Ник так и не объяснил, почему отец бросил их, когда Юля была еще совсем крошкой. Но факты говорят за себя. Андрей Скворцов на одиннадцать лет исчез из жизни своей семьи, занимаясь раскруткой бизнеса в Москве, пока они голодали и боролись за выживание там, где он их бросил. Я говорю тебе все это с одной целью. Я не хочу, чтобы ты составила поверхностное мнение о Нике. Он — замечательный и добрый человек. Деньги не испортили его, не сделали циничным или равнодушным. Его жизнь полна трагедий, и пусть он никогда не говорит о них со мной или кем-то другим, я очень надеюсь, что кошмары однажды оставят его в покое, и я смогу сделать его счастливым.

Маргарита растроганно посмотрела на тетю. В горле образовался комок. Сердце болезненно сжалось. Больше всего на свете Марго боялась испортить все. Боялась омрачить счастье Ди и Ника, помешать им.

— Мне так жаль. — шепнула девушка, взяв Диану за руки.

— Милая, да ты вся дрожишь. — Ди мягко улыбнулась, обнимая Марго за плечи. — Все хорошо. Не принимай так близко к сердцу. Я и забыла, какая ты у меня чувствительная девочка. Пойдем, я провожу тебя в комнату. Ты примешь душ, переоденешься. А потом мы все вместе пообедаем. Это будет чудесный день. Ник готовит умопомрачительную лазанью и сыром и грибами.

— Он еще и кулинар? — усмехнулась Марго, позволяя тете увести себя.

Они взяли вещи и поднялись по лестнице на второй этаж.

— Такой красивый дом. — выдохнула девушка. Ди гордо улыбнулась, открывая одну из многочисленных дверей.

— У Ника хороший вкус. Может быть, именно здесь родятся и вырастут наши дети. А это твоя комната. Как тебе?

— Замечательно. Это же ненадолго? — Марго нервно оглянулась на Диану. — Завтра я найду квартиру и оставлю вас.

— Не нужно торопиться. Ты мне не мешаешь. Оставайся с нами, пока не приедет Максим. Неторопливо выбирай будущее семейное гнездышко, обустрой его.

— Я могу заниматься обустройством, находясь в гнездышке. — улыбнулась Маргарита.

— Да, но хочу предупредить... — Ди заговорчески подмигнула племяннице, разглядывающей уютную обстановку комнаты. — По вечерам я намерена выводить тебя в свет. Кино, рестораны, выставки. Я не дам тебе скучать.

— Это лишнее, Ди. — холодно отозвалась Марго, присаживаясь на край кровати. — Я не передумаю. Насчет Макса.

Особенно теперь, уточнила про себя девушка. Тем более, теперь.

— Я ничего такого и не думала...

Марго бросила на тетку выразительный взгляд. Та шаловливо ухмыльнулась, разводя руками.

— Ладно, думала. — сдалась женщина. — Но, если ты такая, уверенная в своих чувствах, тебе нечего бояться и ни к чему вести затворнический образ жизни.

Обед прошел не так весело, как планировала Диана. Легкой беседы с вежливым обменом любезностями тоже не получилось. Говорила преимущественно Ди, в то время, как Гоша и Ник вяло ковыряясь в своих тарелках, напряженно и подчеркнуто коротко отвечали на вопросы добродушной хозяйки. Между собой они не общались, и старательно избегали пересекающихся взглядов. Диана была слегка обескуражена и расстроена, не зная, что такое нашло на двух самых важных для нее людей. Самых любимых и родных. Она почему-то была уверена, что эти двое быстро найдут общий язык. Марго всегда вела себя очень корректно и вежливо с мужчинами Дианы, даже в том случае, когда не одобряла выбор тети. А не одобряла она постоянно. И не без причины. Но сегодня Маргарита откровенно игнорировала присутствие Ника, и Диана не находила объяснений странному поведению девушки. Никита Скворцов приставляет собой образец совершенного претендента на роль будущего мужа Ди. Молод, красив, богат, не женат, обаятелен и вежлив.

— Как твоя голова? — отчаявшись свести свой монолог к конструктивной дружеской беседе, спросила Диана у Ника. Он пожал плечами, подняв на нее синие глаза, в которых плескалось незнакомое выражение.

— Болит. Аспирин пока не подействовал. — лаконично ответил он.

— Аспирин вреден для желудка. — робко подала голос Марго, не отрывая взгляда от тарелки. — Попробуй, выпить Пенталгин. Он тоже вредный, но действие мгновенное, и повторного приема не требуется.

— Гоша права, Ник. В аптечке была пачка Пенталгина. — поддержала племянницу Диана. Никита промолчал в ответ. Он посмотрел поверх головы Маргариты и резко встал.

— Простите меня, я пойду к себе. Прилягу ненадолго. Ди, зайдешь ко мне, когда вы закончите обедать. Обсудим дела с квартирой для Марго и ее жениха.

— Хорошо. Иди, отдыхай. — растерянно проговорила Диана. Никита положил руку на ее плечо и поцеловал в затылок.

— Из меня निकудышный собеседник. Надеюсь, наша гостья меня извинит. Головная боль... Это мой бич.

Марго подняла голову и на долю секунды зеленые и синие глаза встретились. Она заметила, как судорожно мужчина втянул воздух, как заострились черты его безукоризненного лица. Девушка все еще ожидала вспышки гнева и раздражения... Но продолжала видеть боль и сожаление в глубинах глаз, который, как ей казалось, она навсегда стерла из своей памяти.

— Я понимаю. — неуверенно улыбнулась она. — Выздоровливай, Ник.

— Я никогда не видел таких зеленых глаз. Тебе повезло, Марго. — произнес он, не отводя взгляда. Девушка похолодела, готовая спрятаться под стол от смущения.

— Цвет глаз ей достался от матери. — сообщила Диана. Она не заметила возникшего напряжения между своим любовником и племянницей. Напротив, лицо женщины приняло отстраненное задумчивое выражение. — Она очень похожа на мою сестру. — тяжелый вздох, и Диана снова улыбнулась, глаза ожили. — Ну же, Ник. Иди. Ты ее смущаешь.

Она шутливо погрозила мужчине пальцем.

— Не забывай, что это меня ты должен обольщать комплиментами. И только меня.

— Я не забуду. — невесело усмехнулся Ник, поспешно удаляясь.

— Ты ему понравилась. — сделала вывод Ди, проводив любимого взглядом. — Вы поладите. Только не будь таким ежиком, как сейчас.

— Извини, Диана. Но ты так часто наступала на одни и те же грабли. Я инстинктивно ищу подвох в каждом, кто приближается к тебе. — слукавила Маргарита.

— Никита — совсем другое дело, Гош. Рядом с ним я живу.

До самого вечера Маргарита не видела хозяина коттеджа, чему была несказанно рада. Она понятия не имела, как строить отношения с протеже Дианы в будущем, но надеялась, что они оба сделают все, чтобы сократить общение до минимума. Никому не нужны проблемы и выяснения отношений. И Ди не должна узнать правду. Правда разрушит и сломает ее. Глупые ошибки прошлого не коснутся безоблачного настоящего в жизни Дианы Казанцевой. В конце концов — это всего один нелепый инцидент. Та ночь ничего не значит для Маргариты. Импульс, порыв, взрыв гормонов, удовлетворение юношеского любопытства. Ничего более. Она давно забыла обо всем, и, надеялась, что Ник разделяет ее чувства.

После обеда Марго позволила себе расслабиться и вволю выпалась на удобной постели. Вечером Ди утащила племянницу ужинать в город, в уютный недорогой ресторанчик. Она была весела и много пила, в то время, как Маргарита налегала исключительно на безалкогольные коктейли.

Вернулись развеселившиеся и отдохнувшие красавицы в сумерках. Диана умудрилась заснуть в такси, явно переборщив с виски. Марго пыталась ее разбудить, но куда там. Усталость и спиртное дали о себе знать. Женщина безмятежно сопела, не реагируя на просьбы и призывы Маргариты.

— Что у вас стряслось?

В открывшейся боковой дверце такси появилось встревоженное лицо Никиты Скворцова. Он мгновенно оценил ситуацию. Черты смягчились, на губах появился проблеск улыбки.

— А я-то грешным делом решил, что вы соблазните бедолагу таксиста. — усмехнулся Ник. Он осторожно взял расслабленное неподвижное тело Ди на руки, извлекая из салона автомобиля. Марго робко выскользнула следом.

— Ты расплатилась? — бросил через плечо, Скворцов. Он уверенно шел вперед, словно ноша в его руках весила не больше перышка.

— Да. — ответила девушка. Цокот ее каблучков эхом отдавался от бетонных плит, ведущих к дому.

Оставшийся путь до парадного крыльца они преодолели в полном молчании. Уже в гостиной, мужчина обернулся, взглянув на напряженную хрупкую фигурку, застывшую возле лестницы. Она явно собиралась быстренько ретироваться, скрывшись в своей комнате.

— Не ложись спать. Я найду, когда устрою Диану. Она совсем не умеет пить. — сказал он, бросив взгляд на улыбающееся во сне лицо женщины. Она доверчиво прижималась к его груди. Даже в бессознательном состоянии Диана тянулась к нему.

Марго коротко кивнула, не глядя на Никиту. Он пропустил ее вперед, и она поспешно шмыгнула по лестнице наверх.

Девушка ждала визитера, застыв возле окна. Она безучастно смотрела вдаль, но видела только крошечную тьму.

— От тебя одни неприятности.

Марго резко обернулась, что бы взглянуть в глаза тому, кто произнес эти слова. Справедливые слова. Но в комнате никого не было. Девушка тяжело задышала, чувствуя нарастающую панику. Она бросилась к чемодану, который стоял возле кровати, открыла боковой кармашек, и извлекала пузырек с таблетками. Выпила сразу две. Села на кровать, закрыла глаза, и пыталась глубоко и равномерно дышать. Через несколько минут стало легче. Тревога рассеялась, оставив состояние апатии и усталости.

Осторожный приглушенный стук в дверь вырвал девушку из объятий надвигающегося сна. Она встрепенулась, расправляя плечи.

— Войдите. — хрипловатым голосом сказала Марго.

Ручка двери медленно повернулась. Ник вошел, тихо прикрывая за собой дверь, опираясь на нее спиной. Синие глаза изучающе скользнули по Маргарите, наблюдающей за ним с неподдельным ужасом. Она неловко встала на ноги, потом снова села на кровать.

Мрачная ухмылка изогнула чувственные красивые губы мужчины.

— Ты напугана до чертиков. — прокомментировал он. — Не ожидала увидеть меня снова? Можешь не отвечать. Вижу по глазам.

— Что тебе нужно? — от напряжения у девушки свело мышцы спины.

— А ты как думаешь? — широкая улыбка. Как тогда...

Марго в отчаянье закусил губу. Это было страшно... Теперь, когда они оказались наедине, все потаенные и тщательно скрываемые воспоминания и чувства, с ними связанные, накатили на несчастную удушливой волной. Отрицать бесполезно. Он волновал ее и теперь. Никто из последующих любовников не смог сравниться с первым. Она даже ненавидела его за это.

— Нам нужно поговорить, Марго. — произнес Ник. Выражение его лица изменилось. Он выглядел встревоженным и уставшим. — Не здесь и не сейчас. Не очень красивая ситуация, согласись.

— Соглашусь. — кивнула девушка.

— Завтра в два часа дня я буду ждать тебя у фонтана Дружбы народов на ВДНХ. Утром вы с Ди поедете посмотреть варианты квартир, а потом ты придумаешь какой-нибудь предлог, и отправишь ее домой.

— Я не хочу ей лгать. — попыталась возразить Марго. Глаза Ника холодно сверкнули.

— Попробуй сказать правду, и увидишь, что будет. Доброй ночи. Завтра в два. Не опаздывай.

И он вышел, бесшумно закрыв за собой дверь.

— Соня, этот вариант лучший из всех, что мы видели сегодня. — деловитым тоном сообщила Диана Казанцева, выглядывая из ванной комнаты. — Квартира раньше не сдавалась?

Агент по недвижимости Соня Русланова, заглянула в свой планшет, легко скользя по поверхности дисплея тонкими пальцами с искусным маникюром. Рыжий локон упал на бледное лицо молодой девушки. Легким движением она убрала его за ухо, поправила очки, съехавшие с переносицы.

— Сдавалась. — быстро ответила Соня, изучив информацию по рассматриваемому варианту. Взглянула в глаза брюнетки, с рассеянным видом застывшей у окна. — Всего полгода. Приличной молодой паре без детей и животных. Маргарита, вам нравится?

Девушка встрепенулась, поняв, что обращаются к ней, но ничего кроме равнодушия на ее лице не отразилось. Русланова нахмурилась. Четвертая квартира за полдня, проведенные в пробках! Словно у нее дел других нет, как обихаживать родственников новой пассии шефа! Вряд ли Ник оплатит время, потраченное впустую. Спросить процент от сделки с собственного босса у Сони язык не дрогнет, а значит, она выгуливает этих красоток из чисто благородных побуждений.

— Я уверена, что вам здесь будет удобно и комфортно. — поспешно проговорила Русланова, глядя в глаза цвета весенней листвы. Удивительный оттенок глаз. Яркий, глубокий. И на линзы не похоже. Соня пристально вгляделась в лицо молчаливой собеседницы. Настоящая красавица. Странно, что Ник запал на другую. Диана — эффектная женщина. Миниатюрная, веселая, к тому же блондинка. Но она старше и намного старше этой юной нимфы. Лесная фея, не девушка. Легкая, тонкая, с загадочной улыбкой и томным блуждающим взглядом. Романтичный образ. Как раз то, что нужно обоженному жизнью Никите Скворцову.

— Дом сдался три года назад. Третий этаж, порядочные соседи, не старики-зануды. Оборудованная кухня, чистая ванная и туалет. Кафель, теплые полы. Две большие, полностью меблированные комнаты, техника в наличии, много окон и света, отличный вид, уютный внутренний дворик, удобный подъезд и стоянка, развитая инфраструктура, магазины, транспорт — все под боком. Живи и радуйся. — затараторила Русланова, решив для себя, что этот вариант на сегодня будет последним. Тем более, что квартира в идеальном состоянии.

Маргарита бросила задумчивый взгляд в окно. Ее, в принципе, все устраивало. Не все ли равно, где жить. Главное — с кем.

— Спасибо, Соня. Нам подойдет. — кивнула девушка, теребя в пальцах тонкий крученый золотистый ремешок, свободно обхватывающий талию. На мраморно-белом лице мелькнуло осознание встревоженное выражение. — А цена? — спохватившись, спросила Марго.

Диану, видимо, стоимость мало волновала. Она одухотворенно лазала по шкафам, заглядывала во все ящики и даже под кровать...

— Тридцать тысяч в месяц. И это недорого. Квартира действительно очень хорошая. И поскольку первые полгода Никита готов оплатить вперед, вы успеете обустроиться на новом месте, найти работу...

— Полгода?! — изумленно переспросила Маргарита. На бледных щеках вспыхнули красные пятна. Она посмотрела на тетю, которая окончив тщательный осмотр, подошла к агенту с самым решительным видом. — Ди, это же страшно дорого!

— Ерунда. Ник строит элитное жилье для миллионеров. Что для него какая-то сотня тысяч. — легкомысленно отмахнулась Диана.

— Две сотни. — сдержанно поправила Марго.

— Гош, ты дура или как? — не скрывая раздражения, спросила Ди. Девушка не нашла, что ответить, и Казанцева уверенно повернулась к агенту. — Мы согласны. Можно составлять договор.

Соня широко улыбнулась, облечено переводя дыхание.

— Отличный выбор, леди. — похвалила она клиенток. — Когда хотите переезжать?

— Сегодня. — быстро ответила Марго. — Сейчас.

Диана удивленно округлила серые глаза.

— Брось, Гош. Куда торопиться. Заселишься на днях.

— Я могу сейчас оставить ключи. — вставила Соня, подавая Маргарите связку. — Возьмите. Можете заселяться в любое удобное время.

— Спасибо. — вымученно улыбнулась Марго. Ключи упали в вытянутую ладонь.

Уладив все бумажные вопросы, Соня Русланова оставила девушек, сославшись на сильную занятость.

— Красота! — хлопнув в ладоши, радостно воскликнула Диана, еще раз оглядывая квартиру. — Я даже завидую. Отличное место. И от центра недалеко. Метро рядом. Может, обмоем?

Маргарита хмуро сдвинула брови, присев удобное кресло с мягкими подлокотниками. Она скользнула по Диане тяжелым сумрачным взглядом.

— А тебе вчера не хватило? — сухо поинтересовалась девушка.

— Не будь занудой. Я с утра от Ника наслушалась. — Ди откинула за спину тяжелые светлые волосы и с разбега плюхнулась на кровать. — Гошка, я такая счастливая. Сама не верю. — мечтательно улыбаясь, сказала она. — Обо мне еще никто так не заботился, не лелеял и не баловал. Удивительное, непередаваемое ощущение. Мне порой страшно.

— Почему? — поинтересовалась Марго.

— Боюсь, что мне все приснилось. — ответила Ди.

Взгляды женщин встретились. Маргарита отвела глаза первая. Ей было неловко и стыдно перед Дианой. Что будет, если она узнает правду? Ничего хорошего...

— Как вы познакомились? — неожиданно спросила девушка, откидываясь на спинку кресла. Она сама не понимала, что стало причиной ее праздного любопытства. Ответ ее не удивил. Скорее, расстроил и даже разочаровал.

— Банально. — улыбнулась Диана, приподнимаясь на локте. Светлые волосы волной накрыли темное покрывало. — Я стояла на остановке, вся загруженная сумками, опаздывала к началу лекции. На дорогах — пробки, накрапывал дождь. Ник притормозил рядом со мной и предложил подвезти. Я, конечно, поломалась для видимости. А потом посмотрела на него и влюбилась.

— А он?

— И он. Ник пригласил меня на день рождения к друзьям. Я согласилась, а он сказал, что находит мою спонтанность обезоруживающей, и спросил, верю ли я любовь с первого взгляда.

Марго, не сдержавшись, скептически усмехнулась одними губами.

— Ты права. Очень банально. — заметила она.

— Ты ничего не понимаешь! — покачав головой, сделала вывод Диана. — Так бывает только один раз в жизни. С одним человеком. Достаточно взгляда, минуты, пары секунд, чтобы понять — это он. Навсегда.

Маргарита отчаянно вцепилась в подлокотники, отворачиваясь от светящегося чистой любовью лица тети.

— Откуда ты знаешь, что Ник не говорил этих слов другим женщинам? До тебя? — в голосе ее прозвучала горечь, но Марго ничего не могла с собой поделать.

— А это неважно! — уверенно заявила Диана. — Сейчас неважно. Мы нашли друга, чтобы начать вместе новую жизнь, зачеркнув прошлые мечты, желания и разочарования.

— А сколько Никите лет?

— Тридцать. Я не думаю, что семь лет разницы станут серьезной помехой на пути к счастью.

Марго старалась из-за всех сил, но никак не могла разделить энтузиазма Ди.

— И он не был женат? Не был влюблен?

— Это все не то. Я столько раз думала, что любила, любила по-настоящему, но только с ним поняла, что значит это слово.

— Ты можешь оставить меня одну? — внезапно спросила Марго. Диана недоуменно захлопала густо накрашенными ресницами.

— Что за муха тебя укусила?

— Прости, Ди. Я хочу побыть одна, позвонить Максу. Поговорить с ним. Твои истории о настоящей любви разбередили мне душу. — спокойно объяснила свое желание Маргарита.

— Мне плевать, что ты не смог договориться о своевременной доставке металлоконструкций. Это только твоя халатность. Сорвешь сроки — уволю к черту! — рявкнул в трубку Никита Скворцов, нервно выхаживая волю бьющего фонтана. — Или ты думаешь, что в Москве не найдется более дальновидного бригадира? Все, я сказал! Это последнее слово.

Он раздраженно отключил сотовый и убрал в задний карман джинсов. Рабочие неурядицы и многочисленные разборки с персоналом превращали его в дерганного неврастеника. Что за люди? Предоставляешь им все условия и средства для продуктивной деятельности, но они все равно умудряются напортачить!

Глотнув из бутылки с газированной водой, Ник взглянул на часы, потом на снующую по парку толпу народа. Маленькая обманщица опаздывала на пятнадцать минут, а он не прощал непунктуальности своим сотрудникам. Но Маргарита не работала на него, и Ник вынужден был ждать... А, какого черта!? Что значат пятнадцать минут против трех лет? Ерунда. Девушка впервые в городе. Может быть, заблудилась. Или испугалась? Или снова сбежала? Последнее он отмел сразу. Теперь Маргарите Казанцевой будет крайне сложно спрятаться от него. Он найдет ее даже на другом конце света.

Ник узнал Марго сразу. Выделил из вереницы других лиц. Да и не было других. Так, случайные тени случайных гуляк, бездельников и туристов. От жары асфальт превращался в мягкий пластилин, плотная пелена пара витала в воздухе, поднимаясь к небу, чтобы потом пролиться дождями на раскаленную землю. Она шла, и, казалось, ее босые ступни, обутые в плетеные сандалии, не касались горячей поверхности. В летящем воздушном сарафане

слепащего белого цвета, легкая, хрупкая и неземная... Широкий подол юбки облегал длинные ноги девушки при каждом новом шаге. Черные, как смоль, волосы, разделенные на ровный пробор, струились по голым плечам, влажные завитки у висков шевелил слабый ветерок. Чистая красота лица, яркая зелень глаз, напряженно сжатые губы, похожие на розовые лепестки. Тонкие руки, изящные запястья, длинная шея, украшенная тоненькой золотой цепочкой с незатейливым кулончиком в виде ключика, робкий неуверенный взгляд... Она шла вперед, не замечая, как мужчины и женщины оборачиваются ей вслед, пораженные юной застенчивой красотой, которая способна расплавить сердца так же легко, как беспощадные солнечные лучи плавят асфальт. Ник замер, глядя на прекрасную фею, которая еще вчера утром казалась призрачным воспоминанием, забытой мечтой, которой не суждено было сбыться. Но к нему приближался не призрак, не видение, а живая девушка. Она изменилась, но только в лучшую сторону. Черные волосы подчеркивали совершенство матовой бледной кожи, составляя невероятный контраст изумрудным глазам. Есть люди настолько удивительные, уникальные, излучающие не только внешнее совершенство и гармонию черт и линий, но внутреннюю красоту, недосказанность, неизбывную печаль, окруженную ореолом загадочности. Маргарита была таким человеком. В любой толпе в любом облики она так же привлекла бы всеобщее внимание. Она поражала воображение. Блондинка, брюнетка, рыжая, даже лысая, высокая, низкая, худая или полная — не все ли равно? Прекрасна в различных образах. Уязвимая, таинственная, непостижимая, хрупкая и противоречивая. Ник видел ее именно такой. Помнил такой. Не смог забыть, не смотря на все усилия, на вереницы лиц после нее. Он надеялся, что наваждение и одержимость незнакомкой, так запросто отдавшей ему свою невинность и сбежавшей, пока он спал, остались в прошлом. Научился жить, не оглядываясь назад, и почти стал счастливым. Почти... Но, видимо, от судьбы не убежишь. А в том, что та ночь три года назад была судьбоносной и роковой Никита Скворцов не сомневался. Пусть со стороны это может показаться глупостью, и кто-то со смехом назовет его последним романтиком на земле или помешанным идиотом, он-то знал, был уверен — это она. И она вернулась. Не каждому человеку уготован дар любви, но принявший его, испивший из источника, уже никогда не усомниться, не отступит назад, не заколеблется. Для Ника больше не было выбора, а существовала только цель, на достижение которой он готов положить всю свою жизнь, здоровье и средства.

Неразрешимым остался всего один вопрос. И от ответа на него зависло, как быстро Ник придет к успеху.

Чувствует ли Маргарита то же самое?

Внутренний голос подсказывал мужчине, что она вряд ли думала о нем все эти годы.

Он сумеет ее убедить.

Иначе и быть не может.

Легкая улыбка скользнула по губам Ника, когда он увидел, как Марго останавливает парочку стариков, чинно прогуливающих по руку. Седовласый пожилой мужчина внимательно выслушал девушку, не забыв рассмотреть с ног до головы, а потом повернулся и указал прямо на Ника. Маргарита приподняла ладонь над лицом, защищаясь от солнечных лучей, и, наконец, увидела его. Никита успел заметить, как по лицу девушки пробежала тень, а потом она вымученно улыбнулась и направилась к нему, но прежде поблагодарила стариков.

— Привет. — она подошла совсем близко. Ник уловил свежий цитрусовый аромат ее

волос, расплылся в улыбке. Чудесный запах. Потрясающая девушка. — Я спросила, где мне найти фонтан Дружбы Народов, а мне показали на тебя.

— Привет. Фонтан прямо за моей спиной. Ты заблудилась?

— Немного. Пришлось брать такси. На метро я бы точно не добралась. Я в Ярославле-то с трудом ориентируюсь. Повсюду таскаю с собой проводников.

Они умолкли на несколько затянувшихся секунд, изучая друг друга. Узнавая, вспоминая, размышляя над причинами, столкнувшись их вновь. Маргарита чувствовала, как все разумные мысли и слова улечиваются, когда Ник улыбается ей своей фирменной улыбкой. И эти ямочки на щеках... Они способны пробить самую крепкую броню, растопить арктический лед. Ее взгляд невольно скользнул по сильному подтянутому телу мужчины. Узкая бледно-голубая футболка и серые джинсы и искусственными потертостями только подчеркивали спортивную фигуру Ника, а не скрывали ее. Широкие плечи, развитая мускулатура плеч, плоский рельефный живот, узкие бедра и длинные сильные ноги. Ничего не изменилось. Время не властно над красотой. Пока не властно... Взгляд вернулся к лицу Никиты, опасному и чувственному, идеальные черты, взъерошенный черный ежик на голове, придающий мальчишеское очарование. Ее тянуло к нему, как магнитом. По телу разлилось тепло, и причиной послужила вовсе не жаркая погода.

— Мне пришлось обмануть Ди и практически выгнать ее. — с укоризной прервала молчание Маргарита. Как всем известно: нападение — лучшая защита. Ник смотрел прямо в глаза, не переставая улыбаться. И он мог бы выглядеть глупо, если бы не был так хорош собой. — Я должна знать, почему ты заставил меня врать единственному близкому человеку?

— Я не заставлял. — Ник пожал плечами. Больше всего на свете ему хотелось коснуться ее, но он боялся спугнуть девушку неосторожными действиями. — Это был твой выбор. Сказать правду или солгать. Ты выбрала ложь. Видимо, тебе ближе лукавство и обман.

— Мистер философ, вы настояли на встрече. Откуда мне знать, что у вас на уме. — Марго прищурила глаза, подозрительно глядя на него.

— Лучше не знать. — самодовольно ухмыльнулся Ник.

Не зная, куда девать руки, девушка вцепилась в свою маленькую сумочку с тоненьким ремешком и прижала к груди. Защитное движение. Скворцов уловил исходящие от нее волны недоверия и тревоги. Напряжена до предела и смущена.

— Ты не рада меня видеть. Я правильно понял? — спокойно спросил он, тщательно отмечая все изменения в лице Маргариты. Ни одна эмоция девушки не ускользнула от зоркого взгляда мужчины. Она сдерживалась из последних сил, но в любой момент готова была вспыхнуть, как сухая трава под обжигающим полуденным солнцем. Но он не хотел злить, смущать или пугать...

— Можно подумать, кто-то из нас рад! — раздраженно бросила Марго, опуская сумочку до уровня бедра. Свободная рука взметнулась вверх, поправила волосы, взялась за цепочку. Как ребенок. Все время что-то теребит. Неуверенность в себе или это нервное? — Ник, мы оказались в наиглупейшей ситуации. Я даже подумать не могла, что снова встречу тебя. Это немыслимое стечение обстоятельств. В Москве проживает двенадцать миллионов человек, не считая нелегалов, а Диана наткнулась именно на тебя.

— Не Диана, а я. — мягко поправил Никита. Улыбка его заметно поблекла. — Даже не знаю, удача улыбнулась мне или что-то другое в тот момент, когда я увидел ее на обочине дороги. Возможно, она напомнила мне кого-то...

Пристальный взгляд в глаза, и Марго показалось, что она задыхается. Девушка беспомощно огляделась по сторонам. Их окружали равнодушные потные лица незнакомцев. Архитектурные шедевры не трогали, она просто не замечала красивейшие памятники и сооружения. Мир сузился до существования всего одного человека. И это пугало. Ей захотелось уйти, убежать и спрятаться. Совсем, как в тот момент, когда она узнала, кто является объектом любви Дианы.

— Ник, я выхожу замуж. — глядя на развевающийся подол своего сарафана, тихо проговорила Марго. — Мой жених приедет со дня на день.

— И он не тот, ради которого ты стремилась набраться опыта с первым встречным? — спросил он. Девушка кивнула, не поднимая глаз.

— Я совершила глупость. Мне жаль. — прошептала она.

— А говорила, что не пожалеешь. — тяжело вздохнул Скворцов. — Что случилось? Твои умения не впечатлили парня, которого ты так сильно любила? Или я был прав, когда сказал, что ты на самом деле не любишь его?

— Он бросил меня. Но не по той причине... — Марго пришлось посмотреть на Ника. И печаль в его глазах испугала ее больше, чем ожидаемое презрение. — Я не хочу говорить о Вадиме. Сейчас я готовлюсь к созданию семьи с достойным молодым человеком. Его зовут Максим. И, наверно, вы скоро познакомитесь.

— Придется. — качнув головой, иронично ответил Ник. — Его ты тоже любишь?

Маргарита вздрогнула и обхватила себя руками, закрываясь еще больше. Скулы ее собеседника напряглись, губы плотно сжались.

— Ты позвал меня для того, чтобы поговорить о моих парнях? — вздернув подбородок, с вызовом спросила девушка.

— Ты сама начала рассказывать о своем Максиме. Мне отнюдь не приятно слушать о нем или о том, ради которого ты втянула нас в эту историю. — холодно отчеканил Скворцов.

— Мы должны сделать вид, что ничего не было. — выдохнула Марго. — Ради Дианы. Ради нас самих. Пожалуйста, Ник, не говори ей правду.

— Я не скажу. — согласился он. — Но дело не в Диане. Дело в тебе. Что ты чувствуешь, Маргарита? Неловкость? Стыд? Я раздражаю тебя? Может, я не приятен тебе.

— Нет. — возмутилась девушка, потряхнув черными локонами. — Я не хочу, чтобы Ди было больно.

— Я чувствовал себя счастливым, Марго... — он пристально посмотрел в зеленые глаза, в которых мелькнуло сожаление и раскаянье. Не то, что он жаждал увидеть.

— Ничто не мешает тебе быть счастливым, Ник. — тихо выговорила она. — Я постараюсь не попадаться вам на глаза. У меня будет своя семья, у вас — своя. Праздников в году не так уж много. А для обязательных сборищ в кругу семьи и того меньше.

Ник смотрел на нее, не моргая, едва ли улавливая смысл нелепых фраз, срывающихся с побледневших губ.

— Ты знаешь, что чувствовать себя счастливым и быть таковым — не одно и то же? — спросил он. Марго недоуменно нахмурила тонкие дуги бровей, скептически усмехнулась.

— Очередная лекция по философии, профессор?

— Нет. Лекции — удел Дианы, не мой.

— Но у вас много общего, согласись.

— Соглашусь.

— Любовь к разглагольствованиям и нравоучениям. Я прожила с ней много лет под

одной крышей. Ди умеет воспитывать других, но не себя. Боюсь, что ты из того же числа проповедников. Сапожник без сапог. — не скрываема ирония пропитала каждое слово, сказанное Маргаритой.

— Я хотел купить тебе цветы. — произнес Ник совершенно будничным тоном, приправленным очаровательной улыбкой.

Марго впала в ступор. Он смеется над ней? Издевается? Присмотрелась внимательнее. Нет, не похоже. Он безумен — мелькнула мысль.

— Но не купил. Я подумал, что ты убежишь, завидев меня с букетом наперевес...

— Ник, это не смешно! — строго оборвала его Маргарита.

— А кто смеется? — он демонстративно огляделся по сторонам.

Девушка рассержено толкнула его в грудь, тем самым нарушив дистанцию. И это стало самой большой ошибкой с ее стороны. Лицо мужчины неумовимо изменилось, став серьезным и сосредоточенным, зрачки расширились, выдавая мощное сексуальное возбуждение. Она не успела среагировать и вовремя уклониться. Сильные руки уверенно обхватили ее плечи, привлекая еще ближе. Сердце трепыхнулось испуганной пташкой, угодившей в ловушку. Она отчаянно всхлипнула, когда горячий рот Ника властно накрыл ее дрожащие губы. Он целовал ее долго и терпеливо, не давая опомниться, постепенно круша молчаливое сопротивление девушки. И она сдалась, приоткрыв губы. Жадный искусный язык Ника быстро проник внутрь ее рта и встретил своего робкого собрата. Марго вцепилась в футболку на его груди, чтобы удержать равновесие. Все здравые опасения, мысли и сомнения растворились в бесконечной нежности момента. В горле образовался комок, а к закрытым глазам подкатили горячие слезы. Что это было? Неловкость? Стыд? Раздражение? Нет. Марго знала, почему он спросил ее о том, что она чувствует. При помощи слов Ник не смог вытянуть правду, и...

— Ты — моя. — оторвавшись от ее губ, прошептал он. Синие глаза зачаровано наблюдали за смятением на раскрасневшемся лице девушки. Блеск глаз выдавал ее с головой. — Стоило бежать тогда? Ты лишила нас трех лет жизни.

— Нет. — закричала Марго, отталкивая мужчину и отступая назад. Теперь изумрудные глаза сверкали возмущением и негодованием. — Ты спятил. Никаких нас не существует. Только в твоём больном воображении. Боже, ты еще более безумен, чем я.

Девушка потрясенно покачала головой, продолжая медленно отступать. Ник не сердился на нее. Ей нужно время, чтобы успокоиться и принять правду.

— Значит, мы оба безумны, милая. — иронично заметил он. — Ты так же равнодушна ко мне, как и я к тебе. К чему условности? Мы знаем, чего хотим. В чем проблема? Просто будь со мной. Позволь себе быть счастливой.

— Ты забыл еще об одном звене в нашей истории, даже о двух звеньях.

— Диана и твой жених? — спокойно уточнил Ник.

— Точно.

— Они переживут.

— Так просто?

— А ничего сложного не существует, Марго. — он шагнул навстречу, не обращая внимания на протестующе вытянутые руки девушки. — Сложности мы придумываем сами. Ты придумываешь. Я люблю тебя и хочу быть с тобой. И буду.

— Как ты можешь любить меня? Ты не знаешь, кто я. — нервно воскликнула Марго. В глазах девушки застыл неподдельный ужас.

— Мне не нужно знать, кто ты. Неважно. Все неважно, кроме чувств и нескольких минут, в течение которых я смотрел на тебя три года назад в полумраке ночного клуба. Я увидел твои глаза, услышал голос и еще до того момента, как ты согласилась пойти со мной, знал, что не отпущу, никогда больше не отпущу тебя. Но ты сбежала. Я искал тебя. Целый год возвращался в Ярославль, болтался по клубам и различным мероприятиям, где собирается молодежь, бродил по центру города и дворам спальных районов, чувствуя себя полнейшим идиотом. Я ничего о тебе не знал, кроме имени, которое оказалось не настоящим...

— Я не могу больше это слушать! — яростно оборвала Марго эмоциональную страстную речь мужчины. — Я ухожу. Умоляю, не преследуй меня. Возвращайся домой. Тебя ждет Диана. Ей ты нужен. Ей! А не мне.

— Марго. — Ник вытянул руку, пытаясь поймать девушку, но она уже бежала по аллее, расталкивая недовольных прохожих. Прочь от него.

— Вот дурак. Все-таки испугал ее. — пробормотал себе под нос Никита, провожая взглядом мелькающий белый подол сарафана.

Марго не помнила, как вернулась домой. Очнулась уже в квартире, съездившаяся в комочек в мягком кресле возле окна. Она смотрела в одну точку, но совершенно ничего не видела. В мыслях и эмоциях полная апатия. Девушка прислушивалась к тишине, считая про себя. Она дошла до двух миллионов пятнадцати, когда поняла, что дальше считать нельзя. Без причин. Нельзя и все. Подняла голову и огляделась. Не заметила, как наступила ночь. Где-то в коридоре звонил мобильник. Она не хотела подходить. Для этого нужно было шевелиться, но внутреннее твердое убеждение говорило, что этого делать не нужно. Телефон затих, и гнетущая тишина стала давить на уши. Густой сумрак по углам комнаты наполнял душу паническим страхом. Ей казалось, что невидимые тени наблюдают за ней осуждающими жуткими глазами.

— Я не виновата. Я ничего не сделала. — крикнула девушка, закрывая лицо руками. И тени отвечали ей глухими скрипучими голосами...

Ник вернулся домой позже, чем обычно. Закончив дела в офисе, он в течение часа бродил по городу, анализируя события дня, странный и спутанный разговор с Маргаритой, ее бегство. Ему было необходимо выработать концепцию последующих действий, принять единственное верное решение. Сложно! Но, черт возьми, Ник нутром чувствовал, кто ему нужен на самом деле. Он ошибся один раз — когда решил, что покончил с одержимой влюбленностью в незнакомку. И мог бы жить дальше, если бы не встретил ее снова. Но она здесь! Совсем рядом. И мир катится в пропасть, разум дремлет, отдавая бразды правления сумасшедшей страсти.

Диана спустилась в гостиную, услышав хлопок входной двери. В полупрозрачном серебристом пеньюаре, утопающая в кружевах, с влажными после принятия душа волосами. Она беззаботно улыбалась. Спокойная, нежная, счастливая. У Ника сдавило грудь, когда он встретил умиротворенный взгляд женщины, которую еще вчера мечтал назвать своей женой. Сейчас она стала незнакомкой. Он не чувствовал ничего, кроме сожаления, когда смотрел на нее. Ужасно...

Едва заметная морщинка пролегла между бровей Дианы, заметившей, что ее возлюбленный чем-то обеспокоен. Вопросительный взгляд серых глаз устремился к нему и не отпускал. Никита чувствовал, как внутри закипает отчаянье и паника. Он никогда не разбивал сердца, не умел этого делать.

— Ник? Все в порядке? — тихий встревоженный голос и бесшумные шаги. Она остановилась в полуметре от него, положила руку на плечо, заглянула в лицо. Скворцов тяжело вздохнул, встречая настойчивый взгляд. В синих глазах промелькнула мука, раскаянье, печаль.

— Ди. — прошептал он мягко, сжав в ладони тонкие холодные пальчики. Женщина напряглась, чутко прочувствовав состояние любовника. Она не в первый раз видела на лице мужчины подобное выражение.

— Что? — громче спросила она, и теперь в голосе Дианы зазвенел страх.

— Прости меня.

Она хотела вырваться, но Ник удержал. Он прижал ладони Дианы к своей груди. Бледная, испуганная, изумленная женщина смотрела на него, не скрывая потрясения и потаенной надежды. Ди все еще верила, что ошиблась, и Ник просит прощения за опоздание, а не что-то другое...

— Диана, — в синеве глаз разливалось глубокое чувство вины. — Мне очень жаль. Мы должны расстаться.

Слова были сказаны. Роковые слова. Ударили, как плеть, оставляя шрамы. Диана отчаянно дернулась, слезы запутались в длинных густых ресницах.

— Так нельзя! — хрипло выдохнула она, резко вырываясь из рук Никиты. Ярость и гнев пришли на смену страху и недоумению. — Нельзя так со мной. Я не игрушка, я — живая.

— Я знаю. — кивнул Ник. И снова это выражение жалости. Диана со свистом втянула воздух.

— Ты говорил, что любишь меня.

— Я ошибся.

— Так просто?

— Так сложно, Ди. Прости меня. Ты заслуживаешь правды. Сейчас ты полна гнева, и он имеет право быть, но потом... Потом ты поймешь, что я поступил правильно, сказав правду сейчас. Я не хочу тебе лгать. Я уважаю тебя, и благодарен за каждый миг, что мы были вместе. Ты сделала меня счастливым, Диана.

Он шагнул навстречу. Женщина тряхнула головой, нервно улыбаясь. Она пятилась назад, слезы стекали по щекам.

— Если я сделала тебя счастливым, то почему ты прогоняешь меня? — дрогнувшим голосом спросила она.

— Я нашел ее, Ди. — хрипло выдохнул Никита.

Они смотрели друг на друга в застывшей тишине. Недоумение в глазах Дианы вытеснила безысходность. Она знала, о чем говорил Ник, точнее, о ком. В дни безоблачного счастья у них не было секретов. Ди была уверена, что он не найдет свою Алину никогда.

— Как? — ее голос напоминал глухое эхо, отражающееся от стен в пустом доме. Она опустила голову, поняв, что ее надежды на счастье умерли именно в этот момент.

— Случайно. Столкнулись на улице.

— И она любит тебя?

— Нет. Но полюбит. Ей нужно время. — Ник отвел глаза. Лгать было безумно сложно, но он обещал...

— Значит, все? Поигрался и выбросил? Так?

— Нет. Я говорил тебе!

— Ты говорил, что я помогла тебе забыть ее.

— Я не врал. Я действительно так думал. — с тоской произнес Скворцов.

— Черт бы тебя побрал. Мне не в чем тебя обвинить! — выкрикнула в сердцах Диана. — Я бы хотела обрушить на тебя шквал презрения и ярости, но не могу. Скажи, как мне жить дальше?

— Я не знаю. Прости меня.

— Простить? Я прощу, но станет ли мне легче от прощения? От смирения? От твоей правды? Я влюбилась в тебя. Первый раз... так сильно.

— У нас могло бы все получиться. Ты не виновата.

— Не рви мне душу. — она обхватила себя руками, закусил губы. Закрывает глаза, собираясь с силами, собирая по осколкам разбитое сердце. — Я сейчас уеду. — решительно сказала она.

Остатки достоинства. Смешная бравада. Попытка сохранить лицо.

— Не глупи. Уже поздно. Тебе некуда ехать. Мы решим этот вопрос завтра.

— Сейчас! — Диана закричала. Ник опустил глаза. — Я не останусь здесь. Ни на минуту. Видеть тебя не могу.

— Мне жаль.

— Не унижай меня еще больше.

— Куда ты поедешь?

— К племяннице. Мы заключили договор с агентством. Ты не аннулируешь оплату квартиры? Хотя бы на месяц.

— Полгода. Как и обещал.

Диана набралась смелости и посмотрела на Никиту.

— Это какой-то бред. Ты еще вчера пылинки с меня сдувал. Не мог оторваться... Так не бывает!

— Я тоже думал, что не бывает. — признался Ник. — Но в жизни случается всякое.

— Мне от этого не легче. Ты разбил мне сердце. Я больше не хочу жить.

— Не говори так.

— Иначе не могу. Я не понимаю тебя. — Диана отрешенно смотрела перед собой. Сквозь пелену слез его образ казался размытым, далеким, нереальным. Он больше не любит ее. Он принадлежит другой.

— Это правда. Меня сложно понять.

— А ты уверен, что у нее получится?

— Что?

— Полюбить тебя, так, как люблю я? Понять тебя?

— Это неважно.

Диана снова и снова набирала номер Маргариты, но ей никто не отвечал. Бесконечно долгие гудки. Женщина швырнула сотовый в сумку. Таксист встретился с ней взглядом в зеркале.

— С вами все в порядке? — спросил он.

— Нет. Я умираю. — зло бросила Ди. Шофер предпочел промолчать в ответ.

Странная нервная пассажирка вышла по указанному адресу и терпеливо дождалась, пока водитель такси выгрузит на тротуар три чемодана — два Дианы и один — Марго.

— Спасибо. — выдавила женщина, заплатив вдвое больше, чем показывал счетчик. Таксист замешкался, наблюдая, как хрупкая миниатюрная блондинка тащит к подъезду свой багаж. Она явно была в отчаянном положении.

— Вам помочь? — крикнул он вдогонку. Она отрицательно покачала головой, не оборачиваясь.

Диана барабанила в дверь квартиры не меньше двадцати минут, обругав Маргариту всеми безобидными эпитетами. Усевшись на брошенные на площадке чемоданы, женщина разрыдалась. Громко и от души.

Замок скрипнул, когда поток слез полностью иссяк, и Ди почти задремала, прислонившись плечом к холодной стене.

— Диана? — в дверях появилось бледное заспанное лицо Маргариты. Взгляд совершенно безумный, волосы включены. На мгновения мысли о собственных бедах отошли на второй план.

— Господи, Гоша. Что с тобой? — вскочив на ноги, Диана схватила племянницу за запястья и взглянула на ее ладони, на которых четко виднелись кровавые следы от ногтей. — Эй? Ты как?

Марго ничего не ответила. Молча, отняла руки и вернулась в квартиру. Диана выругалась. Снова придется самой тащить чемоданы.

Когда все вещи были загружены в коридор, женщина заперла входную дверь, разулась и прошла в темную спальню. Она щелкнула выключателем.

Марго безучастно сидела в кресле, глядя в пустоту. Совершенно лишенное эмоций лицо и неподвижность.

— Девочка моя, что случилось? — мягко спросила Ди, присев рядом с креслом. Она ласково погладила Марго по плечу. — Ты расстроена?

— Они говорят со мной. Я не могу их прогнать. — прошептала девушка, осознанно взглянув на Диану.

— Кого? — в глаза Ди закрался страх.

— Они ушли. Ты испугала их. — Маргарита облегченно вздохнула, огляделась по сторонам и словно впервые поняла, что разговаривает не сама с собой. — Диана? Что ты здесь делаешь?

— Сначала скажи, что с тобой произошло? Ты пропустила прием таблеток?

— Нет. Наверно, пора увеличить дозу. — равнодушно констатировала Маргарита. — Зачем ты приехала?

— Буду жить с тобой... — тяжелый вздох. Глаза на мокром месте.

— Почему?

— Мы с Ником расстались. Он любит другую.

— Он не сказал кого?

— Я и так знаю. Какая-то Алина. Ник познакомился с ней в клубе три года назад.

Потом долго искал. И вот — нашел. — горькая усмешка.

Маргарита опустила голову. Она ничего не сказала. Они просто обнялись. Диана плакала, а Марго думала о том, как страшно ничего не чувствовать. Ни жалости, ни вины. Полная и безоговорочная пустота.

— Как умерла мама? — спросила она, когда Диана немного успокоилась.

— Покончила с собой. Она была очень больна.

— А почему ты раньше не рассказывала?

— А ты не спрашивала. Как ты? Очень больно?

— Нет. Мне кажется, что я всегда это знала. — Маргарита отстранилась и встала. — Я вижу маму во сне. Часто.

— И что она говорит?

— Бумажные цветы никогда не завянут.

Диана напряженно уставилась на племянницу. Внутри все похолодело. Неужели такое возможно? Кошмар не должен повториться.

— Бумажный снег никогда не растает.

— Марго!

— Бумажная девушка никогда не умрет от старости. — странным певучим голосом продолжала Маргарита. — Они попытаются сжечь ее. Я спрятала все ножницы. Зачем они нарисовали нас? Почему не оставят в покое?

Диана в ужасе отшатнулась. Шестнадцать лет назад Мирослава Казанцева, мать Марго, покончила с собой. Она воткнула себе в горло ножницы и истекла кровью. У нее была тяжелая форма шизофрении.

Проснувшись утром, Маргарита в недоумении уставилась на спящую на соседней подушке Диану. Откуда она взялась? Что происходит?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Марго смутно помнила, как убежала от Никиты, их короткий разговор, поцелуй, его признание и собственные чувства, ошеломившие своей глубиной. Наверно, ему было невдомек, что бежала она не от него, а от самой себя и той опасности, которая замаячила в глубине подсознания, стоило ему прикоснуться к ней. Именно этот хаос и стал причиной нервного срыва и кратковременной потери памяти.

— Ди. — Марго тряхнула тетку за плечо. Та сонно поятнулась, и нехотя открыла глаза. Постепенно сфокусированный на племяннице взгляд приобрел осознанное выражение, чуть позже в него прокралась тревога.

— Как ты, детка? — мягко спросила Диана, ощупав лоб Марго. Девушка в растерянности пожала плечами.

— Не знаю. — призналась она. — Что-то случилось вчера? Я не помню, как ты приехала.

— Ты была не в себе. Бредила... Пришлось дать тебе успокоительное и уложить в кровать. Ты совсем ничего не помнишь?

— Нет. А что я говорила?

— Бессмысленные фразы. Что так тебя расстроило, милая?

Очередное пожатие плеч. Судорожный вздох.

— Возможно, на меня повлиял этот город. Я гуляла, заблудилась и испугалась. Но теперь все хорошо. Мне лучше. Но, что ты здесь делаешь, Ди? — внимательный и пристальный взгляд. Диана нахмурилась, ощутив, как возвращается боль и глухое отчаянье.

— Он сказал, что разлюбил меня, и я ушла. — тихо сказала женщина, отворачиваясь от Марго. Она не хотела, чтобы девочка видела ее слезы.

— Какой мерзавец! — гневно воскликнула Маргарита, порывисто вскакивая с кровати. — Гнусный лжец.

— Нет-нет. — Ди вскинула лицо и потянувшись вперед взяла Марго за руки. Губы изогнула жалкая трагичная улыбка. — Он сказал правду. Было бы хуже, солги он мне. Измена выжгла бы изнутри все то, что я обрела, пока была с ним. Я не злюсь на Ника. Однажды ты поймешь, что невозможно обижаться на того, кого по-настоящему любишь. Любовь... она прощает, желает счастья, и скрывается, становясь ненужной. Сама мысль о том, что он мог остаться со мной из жалости, кажется невыносимой и мелкой. Ведь в этом случае Ник пожертвовал бы личным благополучием. Я хочу, чтобы он был счастлив. Пусть с ней. Неважно.

— Диана... — потерянно прошептала Марго. Она могла бы сказать ей сейчас. Сказать правду, покаяться, но, увы, она не была настолько смела. Трусость и жалость. Чувства недостойные и низкие. Да, Марго боялась, что ее признание добьет Диану. Уничтожит все, что они искали друг в друге и находили. Утешение, покой и родственная близость двух одиноких душ.

— Прости меня. — выдохнула Марго, обнимая тетку. Она ткнулась носом в белокурые волосы, вдыхая их свежий аромат. — Тебе и так плохо, а тут я со своими срывами.

— Ты не виновата. — покачала головой Диана, мягко отстраняясь.

— Наверно, но мне от этого не легче.

— Ты не должна думать об этом, береги себя от расстройств. Вместе мы справимся с недугом. Я позвоню своей подруге, и она вышлет нам новые лекарства. Более действенные. Они помогут тебе.

— Да, помогут. — грустно согласилась Марго. — Но, если произойдет что-то непредвиденное... — девушка нервно сглотнула. — Пообещай мне...

— Все, что угодно, милая.

— Ты не отправишь меня в больницу. Никогда. Если понадобится, сама наденешь на меня смирительную рубашку или наручники, но только никаких лечебниц. Я так боюсь врачей. Они окончательно погубят мой разум.

— Я обещаю. — заверила ее Диана, серьезно поглядев в изумительные ярко-зеленые глаза.

— Ты сможешь забыть о Никите? — резкая смена темы разговора, поставила Ди в тупик. Она иногда недоумевала, как Марго удается, так быстро перескакивать с одной мысли на другую. Ее мозг работал иначе. Совсем не так, как у Дианы. Иногда это пугало, иногда завораживало...

— Нет. Это невозможно.

— Тогда тебе следует вернуть его. — уверенно заявила Маргарита.

— Но как?

— Он должен разлюбить ту, которую предпочел тебе, разочароваться в ней. Дай ему время. Ник вернется, когда поймет, что его чувства к другой женщине не более, чем фантазия и самообман.

— Видишь ли, Гоша, я в этом не уверена. — Диана потерянно повела плечами, лицо ее осунулось, в глазах безнадежное тупое отчаянье. — Он говорил мне о ней. Всего один раз, но я никогда не забуду, как светилось его лицо. Ник любит ее.

— Он разлюбит. — безапелляционно заявила Марго. Она выпрямилась, и подошла к шкафу с одеждой. — Давай сходим куда-нибудь. Нужно отвлечься. И развлечься... — игривая улыбка тронула губы девушки. — А вечером я уеду. Ненадолго. Вчера во время прогулки, я познакомилась с одним человеком, и он пригласил меня на ужин.

— Что за человек? Мужчина? — с тревогой спросила Диана.

— Да. — коротко ответила Марго. — Но не волнуйся. Он не опасен. К тому же я жду своего жениха.

— Тогда зачем это свидание?

— Хороший вопрос. — похвалила девушка, широко и искренне улыбнулась. — Макс ни о чем не узнает. Будем считать, что я решила в последний раз насладиться свободой.

— Ты уверена?

— На сто процентов. А теперь вставай. Смотри, какая чудесная погода. Не будем тратить драгоценные минуты на жалость к себе. Жизнь продолжается, Ди. Скоро все наладится. Ты получишь обратно своего прекрасного принца.

— Что за черт в тебя вселился, Ник? — Марк Стоянов вытянул ноги, вальяжно развалившись в удобном кожаном кресле. Он с любопытством поглядывал на мрачного, как туча, приятеля, гадая, какая муха его укусила. Марк ни разу не видел, чтобы сдержанный в проявлении эмоций Скворцов, вел себя, как припадочный тиран и неврастеник. Во время очередного рабочего собрания Ник разве что слюной не брызгал, обрушив лавину гнева на своих подчиненных. Не досталось только самому Марку. Однако в последнее время их дружба трещала по швам. Правильно говорят: хочешь потерять друга, возьми его к себе на работу. Марк надеялся в ближайшем будущем сгладить возникшие разногласия, ведь прежде они никогда не ругались.

— Все нормально. — отмахнулся Ник, холодно взглянув на Марка, нервно постучал костяшками пальцев по гладкой поверхности стола из добротного дорогого дерева. Много лет до прихода в компанию «Малена» Никиты, за этим столом сидел Андрей Скворцов, именно он создал все, чем теперь владел его сын.

— Нормально? — скептически спросил Марк. — Ты уволил двух бригадиров, сорвался на представителей заказчика.

— Они заслужили. У меня не завышенные требования. Я просто хочу, чтобы люди выполняли свои обязательства. Не выношу тупости и лени. Одни идиоты сорвали сроки, а другие не соизволили во время поставить меня в известность. Самонадеянные глупцы. Они ничего не понимают в бизнесе. А слово «менеджмент» для них все равно, что «абракадабра».

— Хорошо, Ник. Не будем спорить. Ты прав. Но согласись, что ты был не корректен.

— К черту корректность, когда ставится под удар имидж компании. — рявкнул Ник. — Ты тоже, между прочим, огорчил меня. Ты знал, что Слепцов решил закупать дешевые материалы и не доложил мне.

— Я думал, что нам не помешает экономия...

— Я здесь для того, чтобы думать, а вы — выполняете мои приказы. Все понятно?

— Конечно, босс. — Марк вымученно улыбнулся. Тон Ника задел его гордость, но он не подал виду. Должность директора по снабжению досталась ему не без труда, и он дорожил

обретенным статусом и финансовым обеспечением. — Ты уже купил подарок отцу? — Марк решил сменить тему, и его тактика благотворно подействовала на Скворцова. Лицо мужчины разгладилось, но в глазах мелькнула досада.

— Да, я выбрал отличные часы. Дорогие и стильные с именной надписью. Папе должно понравиться. Он любит роскошные безделушки. — сухо сообщил Никита.

— Тебя что-то беспокоит. — проницательно заметил Стоянов.

— Да, я сказал отцу, что приеду на его юбилей не один. Он давно ждет, что я остепенюсь, мечтает о внуках... — Ник криво усмехнулся.

— В чем проблема? — удивился Марк, в недоумении глядя на потемневшее лицо друга. — У тебя же есть подружка. Блондинка с серыми глазами. Она ничего.

— Да, ничего. Я собирался сделать ей предложение прямо на юбилее. Порадовать и ее и отца. Кольцо купил.

— Здорово. — искренняя улыбка озарила угловатое с резкими чертами лицо Марка. — Но ты, я смотрю, не больно рад.

— А чему радоваться? Я расстался с Дианой этой ночью. Она съехала.

Марк потрясенно открыл рот, но не сразу нашел слова для вопроса.

— Да не смотри ты на меня так. — раздраженно бросил Ник, вставая из-за стола. Он нервно подошел к окну, взглянул вниз на оживленную площадь. — Я встретил кое-кого. И все изменилось. Я просто посмотрел на нее и понял.

— Что понял? — тупо спросил Марк, ошалело наблюдая за другом.

— Что никто другой мне не нужен. Жаль, что я не нашел ее раньше.

— Подожди-ка... — лицо Стоянова прояснилось. — Так ты снова встретил ту девушку, о которой рассказывал? Здесь, в Москве?

Ник мрачно кивнул, поворачиваясь к Марку.

— И что она? — полюбопытствовал он. Теперь стало много понятно. И странное поведение Ника, и его яростный разбор полетов на собрании.

— А она племянница Дианы. Можешь поверить? Приехала вместе с Ди и сейчас ждет когда ее жених продаст дом в какой-то глуши и присоединится к ней.

— Так это для нее ты снял квартиру? — Марк нахмурился. — Какое-то жуткое совпадение. Не находишь? Ты уверен, что она не знала, кто ты?

— Уверен. Марго не очень-то обрадовалась, увидев меня в объятиях своей тети. Ужас. Я думал, у меня сердце остановится, когда она сняла темные очки.

— И что ты намерен делать?

— Понятия не имею. Завоевывать ее, что же еще?

— Все-таки странно. Снимаешь квартиру для незнакомой девушки, и она скоро приведет туда своего жениха, бросаешь женщину, которая тебя действительно любит. Ради чего? Что говорит эта Марго? Помнится, раньше ее Алиной звали.

— Она солгала. Мой расход с Дианой сильно усложнил задачу. Теперь она живет с Марго, а та, в свою очередь, умоляет меня не рассказывать тете о той ночи в Ярославле. Я просто не знаю, как дальше действовать.

— Ты — удивительный человек, Никита Скворцов. Вроде не глупый, взрослый, разумный, рассудительный, настоящий профи в бизнесе, а в сердечных делах ведешь себя, как юнец. Влюбиться в девчонку после одного единственного переписка. Что у нее там? Какая-то особенная ды...

— Помолчи, Марк. — резко оборвал друга Ник. — Ты не понимаешь. Дело не в сексе.

Нет, он важен, но я влюбился в нее, как только увидел. Она еще не обернулась, а я смотрел на стройную спину, красное платье, водопад волос и длинные ноги, и уже тогда понял, что пропал. Это было похоже на колдовство. Один взгляд, и мне показалось, что я знал ее всю жизнь.

— Да уж. — вздохнул Марк. — Мне действительно этого не понять. Ты — законченный романтик, Ник. Что же, дерзай. Может, у тебя и получится воплотить мечты в реальность. Это так красиво. Слушаю тебя, и начинаю верить в чудеса.

Маргарита нервно одернула подол короткой джинсовой юбки, поправила сползшую на плечо бретельку узкого топики ярко-оранжевого цвета с надписью «не знакомлюсь на улице» и улыбающимся зеленым смайликом на животе, с досадой топнула по асфальтированной дорожке, и мельком взглянула на часы. Семь вечера. Черт возьми, она торчит здесь полтора часа, а этот смазливый мачо так и не соизволил появиться. Девушка очередной раз нажала на кнопку видеофона, закрепленного на надежных металлических воротах, прекрасно зная, что ей никто не ответит. Она была рассержена и расстроена. Жара к вечеру отступила, но ей все равно было невыносимо душно, даже в тени раскидистого дуба, под которым она предусмотрительно скрывалась, а точнее занимала надежный наблюдательный пост. Только вести слежку было не за кем. Такси, на котором Марго приехала к резиденции Никиты Скворцова почти два часа назад, было единственным автомобилем, проезжавшим мимо этого уединенного места. И сейчас на девушку постепенно накатывала тихая волна ужаса. Что ей делать, если Ник не вернется домой? Она и адреса точного не знает. Ехала сюда по памяти. Неужели придется пешком тащиться до трассы? А это километра три, не меньше. Закусив губу, Марго устала на витиеватую ровную дорожку, которая петляла между многолетними дубами и исчезала в зеленеющей роще. Бесплезно... Никаких признаков других разумных существ и средств передвижения. Надо же забраться в такую глухомань! Параноик хренов. Она еще три года назад заметила, что у красавчика тараканов не меньше, чем у нее самой. Марго перевела на резные столбики ограждения и высокий забор, за которым колосились яблони. Место в общем-то красивое... Тихое и спокойное. Она ничего не имеет против уединения. Но неужели ему не страшно здесь одному? Солнце ненадолго скрылось за маленьким облаком, таким тонким и воздушным, что лучи пронизывали его насквозь. Получалось завораживающее приглушенно-золотистое свечение, отражающееся в верхушках деревьев. Все вокруг словно погрузилось в солнечную дымку. Марго тяжело вздохнула, прислушиваясь к звукам природы. Пение птиц, шорох травы, шуршание насекомых и прочей живности мелкого калибра, легкое дуновение ветра, звенящего зелеными листочками, стрекотание кузнечиков, и кваkanie лягушек где-то вдали. Все это, конечно, очаровательно, но Марго сейчас не до любования неоспоримыми красотами, в изобилии окружающими ее.

Звук подъезжающего автомобиля появляется внезапно. Укрываясь за широким стволом дерева, Маргарита осторожно выглядывает. Белый шикарный спортивный «Бентли» уже совсем близко. Как странно, что она не услышала его раньше. Просто бесшумный шпион, а не машина. Хотя ничего странного — при такой-то стоимости....

Девушка рассеяно следит за приближающейся иномаркой, пытаясь мысленно отработать стратегию поведения, но на раздумья совсем не остается времени. Машина притормаживает у ворот. Маргарита делает шаг из-под надежной тени дерева, и разочарованно бормочет проклятие. Из «Бентли» вышел не Ник. Другой мужчина. В строгом черном костюме, брюки рубашка, галстук и пиджак(в такую-то жару) — все, как полагается.

Личный шофер — осеняет Маргариту. Стекла авто тонированы, и ей остается только надеяться, что Ник внутри. Сбравшись с силами, девушка храбро выходит на дорожку. Ворота начинают открываться с механическим жужжащим звуком, незнакомец оборачивается. На квадратном лице удивление с примесью раздражения. Короткий белобрысый ежик воинственно топорщится, челюсть угрожающе сжимается, и он шагает ей навстречу с пугающей уверенностью.

— Это частная территория. Прошу вас покинуть охраняемые владения. — раздается грозный стальной голос.

Марго испуганно пятится назад, широко распахнув глаза. И в этот момент (словно ей мало бугая-альбиноса) огромная овчарка выскакивает из открывшихся ворот и бежит прямо на нее с недвусмысленными намерениями. Девушка пронзительно кричит и прячется за деревом, умирая от страха. Вот влипла. Это же надо так дуру свалить. Зажмурился глаза и приготовившись к самому худшему, она слышит хлопок автомобильной двери, и уверенный оклик. Голос, несомненно, принадлежит хозяину частных владений.

— Берта, ко мне.

Марго перевела дыхание, поняв, что опасность миновала. Неуверенно выглянула из укрытия.

Ник стоял, вальяжно облокотившись на капот машины и мягко, почти нежно трепал за загривок грозную овчарку.

— Вот так, девочка. Сидеть. Умница. — бархатистым ласковым тоном увещевал он свою псину. Сюсюкается, как с бабой, усмехнулась про себя Марго. Ее взгляд оценивающе скользнул по высокой фигуре мужчины. В отличие от своего шофера, он был одет в простые голубые джинсы, красовки и свободную белую футболку, на фоне которой его черноволосая грива бросалась в глаза. Широкие плечи, сильные руки с рельефными мышцами, подтянутый зад, ноги длинные, как у танцора. С каждой новой встречей он кажется ей все красивее. Так нечестно. Яркие синие глаза, наконец, находят ее. Умиротворенная улыбка сползает с губ, расслабленная поза сменяется напряженной стойкой. Марго замирает, пораженная совершенством его лица. Умопомрачительный образец мужской привлекательности. Ох, и опасную игру она затеяла. Можно обжечься.

— Ал... Маргарита? — во время поправившись, гортанно спрашивает красавец.

Марго сдается на волю его настроения, и снова выходит на дорогу, с раздражением понимая, что сама выглядит куда менее опрятно и свежо, чем он. И сандалии все в пыли. Песок между пальцев, шея под длинными волосами ощутимо вспотела, ладони влажные.

— Привет. — с наигранной небрежностью, бросает она.

Белобрысый шофер, переводит пристальный взгляд с раскрасневшегося лица девушки на своего босса.

— Твоя знакомая, шеф? — спрашивает он громовым баритоном. А этот парень не просто шофер, он еще и телохранитель, догадывается Марго.

— Да. — отвечает Ник, не глядя на своего подчиненного. Его глаза просто приклеились к лицу Маргариты. Неожиданно он подозрительно прищуривается, и сардоническая усмешка появляется на чувственных губах.

— Явилась отговаривать меня? — с вызовом спросил он. — Записалась в заступницы поруганной чести Дианы?

Марго смущенно вспыхивает. На ее белой коже румянец особенно заметен. А вот у Ника кожа другая, смуглая, красиво обожженная горячими солнечными лучами. В груди

становиться тяжело и сладостно одновременно, ноги немеют. Боже, нельзя же быть настолько потрясающим.

— А ты поругал ее честь? — голос звучит хрипло, выдавая волнение.

Ник отрицательно качнул головой. На лоб упала черная прядь волос.

— Тогда не вижу причин для разногласий. Я бы позвонила, прежде, чем явиться лично, но у меня нет твоего номера телефона, а у Ди было неудобно спрашивать. — прозвучало почти правдоподобно. По-крайней мере, Скворцов повелся. Настороженность постепенно ушла из небесной синевы глаз. Маргарита шагнула вперед, и овчарка снова грозно зарычала. Ник удержал ее за загривок.

— Свои, Берта. Сидеть. — приказным тоном бросил он. Снова взглянул на Марго, а она не сводила глаз с собаки. Бугай откровенно нервничал.

— Девушка пойдет с вами, шеф? — спросил он, потеряв терпение.

Во взгляде Ника появился лукавый огонек.

— А это мы у нее спросим. — небрежно произнес он. Маргарита усмехнулась.

— Если я не помешаю, Ник, я бы хотела заглянуть на минутку. Ужасно хочется пить. — сказала она, с опаской покосившись на собаку. — Только вот... эта мне не рада.

— Берта — очень добрая старая подруга. Она тебя не тронет. Безоговорочно слушается всех моих приказов. — снова ласково тербит псину за ушами.

— А где была твоя подруга в прошлый раз? — любопытствовала девушка. Берта не внушала ей доверия. Она с детства боялась собак. Ее ни разу не кусали. Просто так сложилось.

— В гостях. — с широкой улыбкой отвечает Ник. Марго ошеломленно затаила дыхание. Голливуд плачет по нему. Такая потеря для киноиндустрии.

— Какая умная Берта. И часто она в гости ходит?

Что за бред? О чем они разговаривают? Шофер смотрит на парочку с нескрываемым недоумением.

— Когда пригласят. — зубы непростительно белоснежны на фоне загорелого лица. Марго близка к обмороку. А этот негодяй смеется.

— Садись в машину, Маргарита. Дима отвезет тебя прямо к дому, а мы с Бертой пешком прогуляемся. Посекретничаем.

Девушка неуверенно топчется на месте. Карие глаза Берты прожигают ее насквозь. Марго делает еще один шаг — грозное рычание.

Ник обескураженно удерживает рвущуюся в бой овчарку.

— Я ей на нравлюсь. — замечает Марго.

— Похоже на то. — с ноткой удивления кивает Скворцов. Он уводит Берту в сторону, освобождая нежданной гостье место для маневра. Девушка проворно скрывается в салоне автомобиля, громко захлопывая за собой дверцу. Ник морщиться с притворным возмущением, и что-то говорит шоферу. Последний послушно кивает и садится за руль.

Марго снова в просторной новомодной гостиной Скворцова. Блаженно вдыхает воздух, охлажденный кондиционером. Какая свежесть, аж мурашки по коже.

— У стены в баре вы можете найти напитки на любой вкус и посуду. — сухо сообщает бугай Дима, кивнув в сторону барной стойки. Девушка благодарно улыбается.

— Спасибо. С удовольствием воспользуюсь. — вежливый кивок. Парень хмуро оглядывает ее с головы до ног. Интересно, чем она ему так не приглянулась? Марго оскорблена подобным отношением до глубины души.

— Будьте добры, передайте боссу, что я буду в гараже ожидать дальнейших указаний. — снизошел до просьбы принеприятнейший тип. Марго великодушно кивнула, проходя мимо него к бару. Она спиной чувствовала его напряженный взгляд.

Плевать. Девушка отбросила в сторону неуместные обиды. Какое ей дело до подозрений шофера Ника. Она приехала не к нему. Взяв один из подвешенных за ножку стеклянных бокалов, девушка прошлась глазами по богатому перечню бутылок. И остановилась на газировке. Утолив жажду, почувствовала себя увереннее и спокойнее... до тех пор, пока не появился Ник. Один. Собака отсутствовала. К счастью. Прижавшись спиной к прохладной стойке, Маргарита встретила изучающий пронзительный взгляд синих глаз. Сердце ухнуло в груди, в ушах зашумело...

— Что ты за шишка, Ник? Шофер с повадками профессионального убийцы и собака, готовая загрызть любого, кто посягнет на твою персону. Дом, напичканный камерами, сигнализация по периметру. Я была права, у тебя паранойя.

Скворцов подходит ближе, не сводя с нее напряженных глаз. Оттенок заметно темнее, чем минуту назад. Останавливается на расстоянии вытянутой руки.

— Я — богатый человек, Маргарита. — спокойно произносит он, по выражению лица ничего нельзя прочитать. Включил «мистера загадочность». — А у богатых людей мало друзей и много врагов. Ты очень наблюдательна. Камеры почти незаметны.

— Я всегда чувствую, когда за мной наблюдают. — сообщает девушка, нервно облизывая губы. Он неотрывно наблюдает за ней.

— Как же ты живешь с этим? — хрипло спрашивает он. Еще один шаг, и они стоят вплотную. От жара, исходящего от сильного стройного мужского тела девушку бросает в дрожь. Она с трудом улавливает смысл сказанной им фразы, растворяясь в глубине его глаз, очарованная чувствительными нотками голоса. Как он сексуален. Ходячий тестостерон.

— Что? — вяло спрашивает Марго, всерьез остерегаясь за свой рассудок.

— За тобой невозможно не наблюдать. — отвечает ей божественный голос. — Преступление — не смотреть на такую красоту. Я хочу твой портрет. В каждой комнате и фото на заставку в ноутбук и телефон. И тебя в своей постели. Каждую ночь. И день. И утро. Каждую свободную минуту.

Марго хлопнула ресницами, судорожно сглотнув комок в горле. Ноги подкашивались, и она из-за всех сил вцепилась в стойку за своей спиной. Напряжение между ними раскалилось до предела, стало ощутимым, осязаемым, густым и обволакивающим. Волны обоюдного неистового влечения сталкивались в узком пространстве между их телами, сыпля снопами искр. Боже... Боже, это сродни жажде. Все внутри сжалось в предвкушении и требовательном призыве. Она помнила, что он может сделать с ней, как восхитительно и умело делал это в один единственный раз. Никто другой не сравнится с ним. Ник был прав. Три года назад. Когда сказал, что она никогда его не забудет.

— Ты понимаешь, на что подписалась? — хриплым шепотом спрашивает он, кончиками пальцев касаясь ее лица, лаская, изучая, вспоминая...

Марго отрицательно качает головой. Говорить нет сил. Она просто комок чувств, обжигающих, мощных и неумолимых. Что у нее был за план? Какой к черту план...

— Я расскажу тебе. — бархатистый баритон снимает последний заслон здравого смысла девушки. Качнувшись вперед, она опускает руки на его талию, чтобы удержаться на ногах. Ник склоняет голову, лбы их соприкасаются. От запаха его туалетной воды и сильного мужского тела она дуреет. Глаза в изнеможении закрываются. Его ладони скользят по

прохладным плечам.

— Ты пришла ко мне, Маргарита. Пришла сама. — шепчет он, и от его горячего дыхания волоски на ее правом виске становятся дыбом. — Я никогда больше не отпущу тебя. Слышишь? Ты будешь моей гостьей, и, если понадобится — пленницей. Ты отдашь мне все, что задолжала за три года. А еще... — он резко отстранился, очень удивив Марго. Нежные пальцы еще мгновение назад, вдруг почти грубо обхватили ее лицо, поднимая вверх. Неистовые глаза прожигали неожиданным гневом. В помутневшем сознании мелькнул колокольчик тревоги. — А еще я накажу тебя.

— За что? — опешив, спросила Маргарита, вернувшись в реальность.

— За бегство, за ложь, за измены. — совершенно спокойно сообщил Ник. Девушка опешила. Он серьезно? Или шутит?

— И как ты собираешься воплотить свое наказание? — напряженно спросила она. Сердце гулко забилося, когда в синих глазах проскользнуло торжество и твердая уверенность.

— Тебе понравится. — порочная улыбка раздвинула красивые губы Ника, на мгновение ослепив ее. Когда-нибудь она перестанет так замирать от каждой его улыбки. Даже к шокирующему совершенству можно привыкнуть.

— Наверно, мне пора домой. — пролепетала Марго. Единственная здравая мысль за все время пребывания на вражеской территории.

— Ты уже дома. — безапелляционно заявил мужчина. Девушка ахнула, когда его губы властно накрыли ее рот. Дыхание смешалось, языки нашли друг друга, чтобы начать свою страстную игру. Его руки в ее волосах, на плечах и спине, обхватывают ягодицы и, приподняв, прижимают к выпирающему доказательству его одержимости растерявшейся от накала чувств Маргаритой. Нетерпеливый стон срывается с его губ, и одним резким движением он задирает ее юбку, оглаживая обнажившиеся ягодицы. В поисках опоры, Марго откидывается на прохладную панель барной стойки, и Ник наваливается на нее всем телом, раздвигая коленом ее дрожащие ослабевшие ноги. Она чувствует его напряженную плоть сквозь одежду и с раздражением кусает за губу, подначивая к более решительным действиям. Ее откровенное желание и нетерпение вызывают у Ника легкий смешок, но уже в следующую секунду, он снова обрушивает на губы девушки яростный, требовательный и голодный поцелуй. Оторвавшись, чтобы отдышаться, они изумленно смотрят друг на друга.

— Сейчас. — хрипло говорит он. Его глаза черны от мощного примитивного желания. Он неумолим и тверд. И она хочет его в эту секунду. Без промедлений и сомнений. Марго согласно кивает, в голове ни одной порядочной мысли. Сплошной разврат и похоть. Ник просовывает руку между их телами, и наглые пальцы забираются во влажные трусики девушки, проверяя, так ли она готова, как говорят ее глаза и приглушенные поцелуями стоны. Горячая, шелковистая и божественно мокрая.

— Я не дойду до спальни. — ставит перед фактом. Марго удивленно моргает. Можно подумать, она дойдет! Рывком он стягивает с нее трусики, и снова погружает пальцы во влажное горячее лоно, одновременно поглаживая клитор. Девушка стонет и изгибается, в глазах мольба и жажда.

— Быстрее. — шепчет она, дергая ремень его джинсов. Вместе они отлично справляются с задачей. Ремень, пуговица, ширинка. И теперь он в ее руке. Прекрасный, пульсирующий и твердый. Подхватив Марго под колени, Ник входит в нее одним мощным толчком. Торжествующий обоюдный крик. Она заполнена им до предела. Все чувства

фокусируются в одной точке, горячая волна поднимается из глубин ее существа, грозясь затопить куда раньше, чем она ожидала. Он глубоко и сильно входит в нее, тяжело дыша сквозь стиснутые от напряжения зубы. Ни грамма нежности. Только грубое и примитивное проявление яростного желания. Жесткий, беспощадный, неумолимый.

— Ааах. — Марго вцепляется ногтями в его спину, выгибаясь дугой. Мучительное наслаждение достигло верхней ступени, обожгло легкие, выпустив на волю крик блаженства. Ее бедра охватывает дрожь освобождения, сокращающиеся с оргазме мышцы лона доводят мужчину до капитуляции, и он кончает, рыча ей в губы.

— Вот так. — тяжело дыша, говорит он. Ее голова обессилено падает на его плечо, и Ник мягко опускает ее ноги, но девушка не в состоянии стоять. Повиснув на нем, она тихо постанывает, все еще пребывая в сладостном ощущении безграничного удовольствия.

Он нежно гладит ее волосы, пока она приходит в себя, покрывает быстрыми легкими поцелуями лицо.

— Прости, что я так набросился. Не смог удержаться. — приподняв ее подбородок, он заглянул в изумрудные глаза. — Ты не обиделась?

— На что? — туманная глупая улыбка трогает опухшие от поцелуев губы. «А ведь я пришла поговорить» — мелькает запоздалая мысль. «Вот и поговорили».

Ник скользит по ней изучающим очень нежным взглядом и снова целует с приглушенным стоном.

— Мне мало. — признается он. Она ловит губами его улыбку.

— Мне тоже.

Счастливый смешок, и Ник подхватывает девушку на руки. И несет к лестнице, потом по коридору, напрямиком в спальню.

Ощущение дежа вю, когда он опускает ее на прохладный шелк простыней.

— Массаж бы сейчас не помешал. — томно шепчет она, разглядывая своего прекрасного любовника сквозь опущенные ресницы. Ник широко улыбается, снимая джинсы и футболку, и забираясь на кровать. На плечах и груди играют мышцы, очень сильное тело. Ни одного мягкого места. Рельефный пресс, и то, что ниже... О, он неподражаем и очень вынослив.

— Все, что пожелает, моя богиня.

— Хм... — подняв руку, Марго проводит тыльной стороной ладони по его щеке. Нежная кожа и легкая щетина. Убийственное сочетание. — Богиня? Честно говоря, чувствую себя сексуально порабощенной.

— Я польщен. — лукавая улыбка растворяется в нежности и обожании его взгляда. — Ты прекрасна, Маргарита. У меня дух захватывает, когда я смотрю на тебя. Позволишь мне раздеть тебя?

— Ну, разумеется. — к чему церемонии после всего, что только что было.

С невероятной осторожностью Ник, медленно снимает с нее юбку, опуская к ступням, не забывая покрыть поцелуями каждый обнажившийся участок кожи, потом топик со смешным смайликом, кружевной лифчик. Его губы деликатно пробуют твердые вершинки сосков, легонько касаясь языком. Жалящие быстрые движения, и Марго снова охвачена желанием. Возбуждение неумолимо нарастает, бьется в пульсе, по мере того, как Ник становится все смелее, увереннее и настойчивей. Соски, губы, снова соски, чувствительная впадинка на шее, ключицы, каждая клеточка обласкана искусными губами и языком Ника. Девушка задыхается, погружая пальцы в его мягкие волосы, притягивает к себе и жадно

целует. Он мягко отстраняется, встает на колени и закидывает ее ноги на свои сильные плечи. Она изумленно смотрит на него. Смущение. Робость. Ник поражен. Сердце затопляет нежность.

— Я только твой. — шепчет он, лаская ее бугорок вращающимися движениями. Всклипнув, она выгибает спину. И он не в состоянии противостоять ее призыву и собственному желанию.

Он снова в ней. Пульсирующий и мощный, осторожный и медлительный. Он сводит ее с ума неторопливыми движениями.

— Ник... — отчаянно просит она. И он ускоряется. Ритмично, глубоко, яростно. И только так, как нравится ей.

— Боже, я... — вскрикивает Маргарита, подавшись к нему всем телом. Сладкая дрожь и эйфория. На этот раз еще сильнее и дольше... Сквозь пелену блаженного забытья, она слышит его глухой стон, и тяжесть мужского тела закрывает ее от жесткой реальности.

«Что происходит? Что же мы наделали? Почему мне так хорошо с ним? Только с ним...»

Увы, у нее не было ответов ни на один вопрос.

«Я только твой.»

Какое счастье и какая боль.

— Маргарита... — доносится до нее его голос. Она с трудом осознает, что Ник лежит рядом, а она доверчиво прижимается к его плечу.

— Да, Ник. — глаза слипаются от усталости. Спать... Чтобы не думать.

— Я не дам тебе сбежать. На этот раз — нет.

— Мне некуда бежать, Ник.

— Я люблю тебя.

— Мне кажется, что я тебя тоже. — совершенно искреннее признание срывается с губ. Девушка чувствует, как влага стекает по щекам.

— Ты делаешь меня счастливым, Маргарита.

Ник улыбнулся во сне и, перевернувшись на бок, протянул руку, чтобы обнять... холодную подушку. Сон, как рукой сняло. Мужчина резко сел, и огляделся. Маргариты нигде не было видно, ровно, как и следов ее пребывания, этой ночью в его постели. «Сбежала» — промелькнула жестокая догадка. Сердце резанула боль, и он схватился рукой за грудь, чтобы удержать биение, успокоить отчаянный галоп обезумевшего от тревоги органа.

Просидев так несколько минут, Никита собрался с мыслями и справился с приступом паники. Включился разум, и именно он подсказал, что теперь Маргарита не сможет скрыться от него, как три года назад. Он знал ее имя, адрес в Ярославле. Найти девушку не составит большого труда, с его-то связями и положением.

Овладев ситуацией, Никита встал, принял душ, и спустился вниз.

С кухни доносился запах еды и шорохи. Окаменевшее сердце радостно подпрыгнуло, отогрелось. Маргарита не сбежала. Она готовит ему завтрак. На душе стало легко и свободно.

Он бесшумно прошел через гостиную и замер в проеме кухни. Прислонился плечом к стене, с улыбкой наблюдая, как Марго суетится у плиты. Она чудесно выглядела. В его футболке, скрывающей округлые ягодицы, но в полной мере демонстрирующей длинные стройные ноги. Темные спутанные волосы собраны на затылке в небрежный хвост, ни грамма косметики на изумительно красивом и трогательно юном лице. Девушка пританцовывала босыми ногами и напевала под нос, переворачивая очередной блинчик. Одурманивающе пахло кофе. Сосредоточившись на приготовлении завтрака, Маргарита не замечала Никиту, и он вдоволь налюбовался ее непосредственными легкими движениями и безоблачной улыбкой. Умиротворенная, счастливая. Именно такой он хотел видеть Маргариту. Всегда.

Ник дождался, пока девушка положит готовый блинчик на тарелку, и, подкравшись сзади, нежно обнял ее за талию, привлекая к себе. Почти сразу почувствовал, как она напряглась, а потом расслабилась и доверчиво прижалась спиной в его груди, откинула назад голову. Зеленые глаза встретили горящий взгляд мужчины.

— Привет. Я сварила кофе. — мягко промурлыкала Маргарита. Ник наклонился и жадно припал к губам девушки. От нее пахло молоком и радостью.

— Я хочу тебя съесть. — признался он тихо. Она нежно провела рукой по его щетине, задорно улыбнулась кончиками губ. Масло на сковороде зашипело, вернув обоих в реальность.

— Замечательная мысль. Но сначала блины и кофе. Мы вчера ничего не ели. — решительно толкнув его на стул, заявила девушка.

— тебе очень идет моя футболка. — произнес Ник, откидываясь на спинку стула. Он не сводил с нее горячих потемневших глаз.

— Правда? — довольная улыбка растянулась по лицу девушки. Покрутившись, она снова вязалась за лопатку. Сама серьезность. — Ты не будешь против, если я оставлю ее себе?

— Футболку?

— Да. Что же еще? — она быстро обернулась. Взгляд прошелся по нему, как в замедленной съемке. Сожаление и восхищение. Не сочетаемое сочетание.

— Ты такой красивый. — с ноткой грусти заметила Марго. — Утром я думала, что ты

приснился мне, а потом повернулась и увидела, что ты настоящий. И спишь, как младенец, улыбаясь и сопя.

— Младенец? — шутливо нахмурился Ник, скрестив руки на груди. — Это я-то? Неужели я вызвал в тебе материнские чувства, пока сопел и улыбался?

— О, нет... — с шальной улыбкой, девушка медленно покачала головой. — Мои чувства были совершенно развратными. Я едва сдержалась, чтобы не разбудить тебя и не проделать все то, что нарисовало мне порочное воображение.

— А почему не разбудила? Сейчас я бы не чувствовал себя сексуально озабоченным юнцом, мечтающим выбить лопатку из твоих рук и не опрокинуть на стол, чтобы воплотить собственные порочные фантазии.

Маргарита фыркнула и издала приглушенный смешок, вновь повернувшись к нему спиной. Пришло время переворачивать блинчик. Ник надеялся, что этот будет последним. Господи, у нее умопомрачительная попка. Его тело напряглось, острый приступ желаний накатило совершенно некстати. Он собирался поговорить, но опьяненные мысли путались и разбегались. Наваждение.

— Маргарита, у моего отца сегодня юбилей. — с трудом выжал из себя Ник, скользя глазами по голым стройным ногам. Девушка кивнула, не оборачиваясь. Убрала с варочной панели сковородку, и, сдвинувшись влево, достала кружки, чтобы разлить в них кофе.

— Ты пойдешь со мной? — спросил Ник. Маргарита подошла к столу, поставила перед ним дымящуюся кружку, тарелку с блинчиками. Вернулась к холодильнику, открыла его и взяла пакет со сметаной.

— Маргарита. — настойчиво произнес Никита. Она посмотрела на него спокойно и ласково. С обожанием и нежностью. Вылила на тарелку немного сметаны и тоже поставила на стол. Села напротив, положив подбородок на переплетенные пальцы, локти упираются в поверхность стола, робкая улыбка прячется в уголках губ.

— Нет, Ник. Я не пойду. — произнесла она. И кивнула на блинчики. — Поешь, я старалась. Для тебя.

Скворцов растерянно взглянул в безмятежные глаза. Сейчас они казались еще ярче и чище. Изумруд, настоящий изумруд.

— Почему? — не скрывая недоумения, спросил Ник, придвинув к себе тарелку с завтраком. Она старалась. Для него. И все же отказывается идти на юбилей. Он совершенно не понимал, что творится в этой маленькой прелестной головке.

— Ты приглашал другую женщину. — пояснила Марго. У Ника полегчало на сердце. Какая ерунда...

— А теперь ты моя женщина, Маргарита. И я хочу представить тебя отцу. — серьезно заявил он. Все так же спокойно улыбаясь, девушка отрицательно качнула головой. Протянув руку, она пригладила его растрепавшиеся волосы. Он действительно не понимает — промелькнуло у нее. Марго вздохнула. Ее распирало от нежности, от любви. Да, она влюбилась в него. Бог знает когда. Вчера или три года назад. Разве сейчас важны сроки? Он казался таким красивым и расстроеным ее отказом, что хотелось плакать и целовать его прекрасные губы. Не прикасаться к нему... Это невозможно, когда он рядом. Совершенный и божественный, греховно-сексуальный, как самая запретная мечта.

— Я буду ждать тебя здесь. — выдохнула она, скользнув пальцами по мощной шее Ника в легкой ласке. Потребность вербального контакта походила на зависимость. — Я никуда не уйду.

— Но ты нужна мне там. Я хочу, чтобы ты пошла со мной. — настаивал Ник.

— Ты совсем не ешь. Я отвлекаю тебя. — девушка грустно улыбнулась, посмотрела в непонимающие синие глаза. — Ник, я искала расческу... — произнесла она, внимательно наблюдая за сменой выражений на его лице. Он начал догадываться. Губы плотно сжались. — Утром... Мне нужно было расчесать волосы, и я заглянула в прикроватный столик. И нашла там кольцо. Обручальное, с надписью на внутренней стороне ободка. Ты хотел сделать Диане предложение сегодня?

Не вопрос, а утверждение. От досады на собственную неосторожность, у Никиты перехватило дыхание.

— Твой отец ожидает увидеть не меня, Ник. Пожалуйста, не обижайся.

— Это я должен просить тебя не злиться на меня. — прошептал Скворцов, опуская глаза. — Прости, ты... Я...

— Ничего не нужно объяснять. Я все понимаю. Эта ночь не входила в мои планы. Честно говоря, я пришла, чтобы убедить тебя вернуться к Диане. А теперь... Я не отпускаю тебя, даже если ты сам захочешь. — она серьезно и твердо посмотрела в его глаза. — Со мной не будет легко, Ник. Ты многого обо мне не знаешь. Два с половиной года назад я чуть не убила человека.

— Что ты такое говоришь! — недоверчиво усмехнулся Ник. Никто из них по-прежнему не притронулся к кофе и блинам.

— Правду. — печально сказала Марго. — Может быть, тебе будет неприятно услышать то, что я расскажу. Но это необходимо. После того, как мы... — она запнулась, покраснела. — В общем, я все-таки получила парня, о котором говорила. Мы начали встречаться. И однажды, когда Вадик вышел на кухню, в комнату (мы виделись в университетской общаге), вернулся его друг и стал ко мне приставать.

У Ника заходили желваки и округлились глаза, руки яростно сжались в кулаки. Марго опустила глаза, положив ладони на колени.

— Я вцепилась зубами в его шею. Укусила, понимаешь? И что-то повредила. Все вокруг было в крови. Парень выжил, но... он провел в реанимации несколько дней и еще долго восстанавливался. Вадим не захотел меня больше видеть. Я его здорово напугала.

— Трусливый ублюдок. Что тебе оставалось делать? — воскликнул Никита. Марго вздрогнула, несколько раз взмахнула ресницами. Печально улыбнулась.

— Тот парень... он ничего такого не сделал. А я покалечила его. Без особых причин. В общаге всегда много народа. Достаточно было закричать в случае опасности. Мой гнев... Он плохо управляет. Иногда мне приходится пить успокоительное.

— Не нужны тебе никакие лекарства. — уверенно заявил Ник. — Ты просто среагировала, испугалась. И этот Вадик — круглый идиот, если не понял, что должен был защищать, а не осуждать тебя.

— Тебя там не было. — глухо произнесла Марго. Но слова Ника успокоили девушку, наполнили надеждой и верой в себя. — Я боюсь, что однажды причиню тебе боль.

— У тебя не будет на то причин, Маргарита. Никто и никогда не обидит мою девочку. Никто и никогда. Я отменяю все запланированные наказания. Отныне главная моя задача — сделать тебя самой счастливой женщиной на этой планете. Ты мне веришь?

Марго судорожно вздохнула, робко взглянув в синие бездонные глаза.

— Тебе. Верю. Всегда. — прошептала она.

— Давай поедим, милая. А потом вернемся в спальню. Или я за себя не ручаюсь. —

многообещающая эротичная улыбка изогнула чувственный рот мужчины.

Позже, в залитой солнечным светом спальне, Ник оправдал все ожидания и потаенные мечты девушки. И даже больше... Его страсть казалась такой же не иссекаемой, как бесконечен был полет фантазии. Возможно, в их изошренных ласках проскальзывало что-то неправильное, очень порочное, диктуемое самым древним инстинктом на земле. Но Маргарита не думала о черте дозволенного во время их жарких утех, возносящих ее на самый край вселенной. Ослабевшая от его натиска, полусонная и уставшая, она лежала на влажных простынях и улыбалась, мечтательно и глупо.

— Я дотянулась до облаков. — прошептала она, прежде чем провалиться в сон. Но успела почувствовать, как его губы нежно прижимаются к пульсирующей венке на ее шее.

— Ты еще не видела звезд. Я покажу тебе. — прорываясь сквозь туман затихающего сознания, ласково пообещал его голос.

Ей снился космос. Огромная вселенная сжалась до узкоограниченных размеров. Она сидела на желтом шаре луны, такой маленькой и холодной луны, болтала ногами и смеялась. Вокруг проплывали кометы, планеты, переливался разными цветами млечный путь, похожий на пестрый шелковый шарф, подброшенный в воздух. Она протягивала вверх руки и хватала горящие ярким светом звезды. Они были теплыми, с острыми краями. Целые горсти звезд. Она опустила глаза вниз, чтобы взглянуть на крошечную землю. Вращающийся глобус. Девушка могла бы дотянуться до него и сжать в своих ладонях. Но не сделала этого. Снова рассмеявшись, она осыпала маленький шарик золотым дождем из звезд. Так красиво. Но внезапно ее охватила тревога. Чего-то не хватало. Девушка растеряно огляделась и поняла, что не видит солнца. Внутри стало холодно и горько. Сорванные звезды закончились, а новые были слишком далеко. А потом пошел снег. Холодный и шуршащий. Она вытянула ладони, и зачарованно смотрела, как белоснежные снежинки ложатся в них, и не тают. Девушка удивленно сжала ладони в кулаки и снова открыла. Белые крупинки слегка помялись. Снежинки были бумажными...

Маргарита открыла глаза, и сразу поняла, что все изменилось. Мир окрасился в другие цвета. Более яркие и насыщенные. Она улыбнулась. Это любовь творит чудеса.

Девушка встала с кровати. Ник уже ушел на юбилей отца. Без него на девушку накатила тревога и тоска. Второй раз за день приняла душ. Нашла на стуле свои вещи, аккуратно сложенные стопочкой. Одевалась и взглянула на часы. Цифры показывали половину пятого. Почти вечер. Марго нахмурилась и впервые за последние сутки вспомнила о Диане. Точнее, о том, что забыла позвонить ей и предупредить, что не явится ночевать, но разве им с Ником было до телефонных переговоров? Теперь ей предстоял долгий отчет и объяснения перед теткой. Марго заранее расстроилась. Чувство вины притупилось, она отчаянно придумывала ответы на возможные вопросы Ди. Существовал и еще один человек, о котором Маргарита забыла на несколько сумасшедших блаженных часов. Максим. Наверно, на ее сотовом куча неотвеченных вызовов и смс-сообщений. Девушка обшарила взглядом комнату в поисках своей сумки и телефона, но так и не нашла. Смутно вспомнила, что могла оставить сумку в гостиной. Приведя себя в надлежащий порядок, Маргариты вышла из спальни и спустилась в гостиную, где к своему удивлению обнаружила водителя-телохранителя Диму, который рассевшись на диване, смотрел спортивную передачу по огромному жидкокристаллическому телевизору в пол стены. Услышав шаги на лестнице, парень повернул к ней свое квадратное лицо и вежливо улыбнулся. Почти искренне и без вчерашней подозрительности.

— Добрый вечер, Маргарита. — сказал он.

Девушка неуверенно взглянула на него и прошла на середину комнаты. Дима пристально наблюдал за ней. Марго мельком осмотрела гостиную.

— Вы что-то ищете? — поинтересовался широкоплечий верзила.

— Да, свою сумку. Вы ее не видели?

— Держите. — он неожиданно протянул Марго искомую вещь. Девушка благодарно улыbnулась, и принялась рыться в содержимом сумки. Растерянно нахмурилась. Телефона нигде не было. Может, дома оставила. Вздохнув, Маргарита села рядом с водителем Ника.

— Вы можете мне помочь? — спросила она у парня. Тот любезно кивнул.

— Никита Андреевич именно для этого и оставил меня. Я полностью в вашем распоряжении.

Марго подозрительно прищурилась, заправив за ухо выбившийся локон.

— Вы присматриваете за мной? — в лоб спросила девушка. Видимо, Ник одержим мыслью, что она сбежит. Для этого и приставил к ней своего телохранителя.

— Что вы! — притворно удивился Дима. — Никита Сергеевич распорядился, чтобы я выполнял все ваши пожелания. И он оставил вам кое-что. — парень кивнул на простую квадратную коробку без рисунков и опознавательных знаков.

— Что там? — растерянно спросила Марго. Парень пожал своими мощными плечами. Без пиджака и галстука, он выглядел не менее внушительно, чем при полном параде. Краем глаза девушка отметила наличие кобуры на поясе Димы. Она оказалась права. Охранник.

— Не могу знать, Маргарита. Посмотрите.

Марго взяла коробку обоими руками и поставила на колени, сняла крышку. Парень тактично отвернулся. Взглянув внутрь, девушка не смогла сдержать изумленного возгласа. На дне коробки лежал новенький телефон последней модели, жутко дорогой, конверт, планшет, связка ключей, магнитная карта от ворот, у которых вчера она куковала два часа и записка. Посомневавшись, Марго начала с записки.

Милая, прости, что я не разбудил тебя и не передал лично все то, что ты видишь сейчас. Прошу, не стесняйся и пользуйся необходимыми вещами, именно необходимыми. Это не плата и даже не подарки. Необходимость. Я должен знать, что всегда могу связать с тобой, где бы ты ни была. В телефоне есть сим карта и вбит мой номер, только мой. Пусть так и останется. Не хочу ни с кем тебя делить. В планшете настроена электронная почта, и все элементарные сервисы. Я буду писать тебе, когда мы не вместе. Пожалуйста, отвечай. Ключи — от дома и всех комнат, доступ в которые ограничен для прочих людей. От тебя у меня нет секретов. Пластиковый ключ — от главных ворот. Я буду спокоен, зная, что ты в любой момент сможешь попасть домой. Пожалуйста, будь бдительна. Не теряй ключи, телефон и планшет. Следующее — конверт. Я уже догадываюсь, как негативно ты воспримешь то, что внутри. Прошу отбрось предрассудки. Теперь ты моя женщина. А у моей женщины должно быть все, что она пожелает. Любой каприз. Маргарита, умоляю, не отказывайся. В конверте карточка с неограниченным лимитом (в пределах разумного, конечно). Я знаю, как ты скромна и порядочна, именно поэтому я доверяю тебе, как никому другому. Я надеюсь, что ты правильно поняла мои действия. Если я не ошибся в тебе, позвони мне прямо сейчас. Я уже безумно скучаю. И люблю тебя. Бесконечно.

ПС. Ты тоже сопишь и улыбаешься во сне. Я понимаю, почему утром ты не

решилась разбудить меня. Любовался на тебя целую вечность. Никак не мог уйти. Опоздаю, наверно...

ПС.2. Мне так жаль, что ты не пошла со мной. Пожалуйста, пообещай, что этот прием без спутницы — будет последним.

ПС.3. Ты до сих пор не позвонила мне...

Марго сложила записку и убрала обратно в коробку. В мыслях царила полная сумятица. Она не знала, как реагировать на подарки Ника. Тут явно пахнет одержимостью. Но тон его письма казался таким нежным, трогательным, полным мольбы, что отказать у девушки не было ни сил, ни желания.

Больше всего ее возмутила карточка с деньгами, но с другой стороны, она может принять ее, как дар, но не пользоваться. Ник точно не хотел ее подкупить или обидеть, и это видно из письма. Слова «теперь ты моя женщина» приятно грели душу. Она и не мечтала стать любимой женщиной такого мужчины. Сильный, красивый, щедрый, нежный, заботливый, успешный и безумно сексуальный Никита Скворцов. Многие мечтали бы оказаться на ее месте, но Ник остановил свой выбор именно на ней — Маргарите Казанцевой, девушке без денег и связей, психически неуравновешенной сироте. Сердце затопила бесконечная благодарность и любовь. И зачем она сбежала от собственного счастья три года назад? Какая глупая ошибка. Непростительная и грубая. Ценой ее глупости стало разбитое сердце Дианы и бесцельно прожитые годы, напрасно потраченные нервы.

Маргарита достала из коробки телефон. Действительно в записной книжке был только один номер. «Любимый». А вот это совсем нескромно и самонадеянно. Но Ник, несомненно, прав. Он — любимый. Нажав на кнопку вызова, Марго затаила дыхание. Он ответил сразу. Бархатистые ласковые нотки его голоса ввели ее в состояние, близкое к эйфории.

— Маргарита... Ты все-таки позвонила. Я боялся...

— Ник, я скучаю по тебе. — с придыханием призналась Марго. — Без тебя я теряю почву под ногами.

— Я скоро вернусь. Официальная часть затянулась, а уйти раньше, чем мне предоставят слово — неудобно. Думаю только о тебе. Гости отца косятся в мою сторону. Я похож на инопланетянина, не выучившего язык. Не понимаю ничего из того, что мне говорят, и только тупо улыбаюсь.

— Я чувствую тоже самое. Мы оба сошли с ума?

— Нет. Наоборот. Теперь мы в полном порядке.

Марго ощутила, как он улыбается в трубку. Представила его ямочки на щеках и завораживающую синеву глаз. Внизу живота потеплело, все мысли испарились.

— Скажи, Маргарита, ты возьмешь вещи, которые я оставил для тебя? — в голосе слышится настойчивая мольба.

— Да. Для тебя это важно.

— Очень важно. — подтвердил Ник. — Что ты делаешь?

— Ничего, говорю с тобой. — улыбнулась в трубку.

— Я вижу твои глаза. Я знаю, что ты улыбаешься. Я так хочу к тебе.

— И я.

— Тебе нужно было поехать. — легкий укор и сожаление.

— В следующий раз. — уверенность и обещание.

— Каждый раз. — твердое утверждение.

— Да. — покорное согласие. — Я буду ждать тебя.

— Осталось немного. Папа хотел поговорить со мной после поздравлений и вручения подарков, но не думаю, что он сильно задержит меня.

— Пожалуйста, Ник, оставайся столько, сколько нужно. Не огорчай отца. У него юбилей.

— Спасибо. — нежный шепот.

— За что? — легкое удивление.

— За то, что ты моя.

— Не за что. — мягкая улыбка.

— Мне это нравится.

— Что?

— Твоя сговорчивость и улыбка. Ты больше никогда не будешь хмуриться. Привыкай быть счастливой. Каждый день. Со мной.

— Спасибо. — растроганное придыхание.

— За что?

— За то, что ты мой.

— Не за что, любимая. Я всегда был твоим.

Маргарита отключилась, и еще долго зачарованно смотрела на погасший дисплей телефона. Реально ли происходящее? Не иллюзии ли? Не грезы? Не наивные мечты сумасшедшей девушки? Бывает ли так? Один день — и ее судьба тесно связана, привязана к другому человеку. И в душе твердая уверенность, что так суждено с начала времен. Они рождены, чтобы встретиться и быть вместе.

— Все в порядке? — учтивый голос Димы вернул Марго из мира фантазий на грешную землю, где у нее оставались неразрешенные дела и обязательства.

— Да. — кивнула она, блуждающая улыбка приклеилась к губам. Ей было все равно, что парень слышал разговор с Ником. Пусть знает, что она не очередная подружка на ночь.

— Дима, вы отвезете меня по одному адресу? — спросила она, переложив в сумку дары Никиты.

— Разумеется. — заверил ее парень. — А потом сюда?

— Да. Скажите, Ник давно пользуется этой машиной?

— Вы хотите знать, видела ли ваша тетя «Бентли»? — он проницательно посмотрел на девушку. Марго закусил губу. Вот это да! Ник держит охранника в курсе всех дел. Что ж, так еще проще. Меньше вопросов и объяснений.

— Я встану так, что Диана не увидит машину из окна. — спокойно произнес Дима. Марго кивнула. А они поладят. Громила явно смышленнее, чем кажется на первый взгляд.

Когда они выходили, Маргарита с недовольством услышала злобный лай Берты из дальнего угла сада, и замешкалась на ступенях крыльца. Дима обернулся к своей подопечной и развеял ее сомнения.

— Берта заперта в загоне. Не волнуйтесь, она к вам привыкнет. На самом деле она очень добрая собака.

— Не похожа она на ласкового пуделя.

— Это внешне. Честно говоря, я не замечал за Бертой такой агрессивности. У вас нет кошки? Возможно, она учуяла запах.

— Нет. Кошки нет. Я не люблю животных. — сухо сообщила Марго, ступая по

вымощенной камнем дорожке. Дима взглянул на нее с удивлением, но ничего не сказал.

Марго отперла дверь квартиры, и неуверенно прошла внутрь. В коридоре было темно. Посредине валялись туфли Дианы. Самой ее видно не было. Очень тихо и сумрачно. Скинув сандалии, девушка прошла в большую комнату. Шторы плотно закрыты, затхлый запах сигаретного дыма и кислятины.

Ди лежит на диване, укрывшись пледом. На полу почти пустая бутылка водки и стакан. Переполненная пепельница, коробка от пиццы.

— Где тебя черти носили? — раздается недовольный пьяный голос женщины.

Маргарита подходит к окну и раздвигает шторы. Поворачивается к Ди, тяжело вздыхает. Ничего нового. Марго сто раз наблюдала подобную картину. Пьяная, взлохмаченная, неопрятная Ди, заливающая очередной разрыв с любовником внушительной дозой алкоголя. Через пару дней она будет в полном порядке. Энергичная, улыбающаяся и готовая к новым ошибкам. Обычно стресс Дианы после расставания с парнем можно мело разделить на три этапа. Первый — духовные поиски истины и разглагольствования о смиренном принятии собственной невезучести. Второй — к черту демагогию, дайте напиток водки и уйти в себя, поплакать, понуть и пожаловаться, послать всех к черту. Третий — жизнь продолжается. На ее век дураков хватит.

— Ты как? — проигнорировав вопрос, мягко интересуется Марго, присаживаясь в кресло напротив дивана. Ди щурит глаза с размазанной тушью. Красные воспаленные белки, серая кожа. Сейчас она выглядит на свои тридцать семь.

— Ужасно. Я умираю. — выдохнула Диана.

— Ты не умираешь, Ди. Все наладиться и быстрее, чем тебе кажется. — Марго ласково улыбнулась. — Хочешь, я приберусь и что-нибудь приготовлю.

— Нет. — женщина отрешенно качает головой. — Ничего не хочу. Зачем я живу, Гош? Я никому не нужна. Никому.

— Ты мне нужна, Ди.

— Тогда, где ты шляешься?

— Я встретила человека. Мне с ним очень хорошо.

— Ты такая же дура, как я. — перевернувшись на спину, Ди застонала, дотронувшись до висков. — Как же гудит голова. Почему ты не позвонила?

— Я оставила телефон дома.

— Его здесь нет. Я звонила всю ночь.

— Значит, потеряла. — предположила Марго не без удивления. — Я купила новый. Я напишу тебе номер.

Диана резко посмотрела на племянницу.

— На какие шиши? И что значит, ты напишешь мне номер? Ты опять уходишь?

— Прости, Ди. Но я пришла только, чтобы проведать тебя и сказать, что у меня все хорошо. — виновато потупившись, призналась Марго. Глаза Дианы заблестели от подступивших слез.

— Бросаешь меня? Ради мужика, которого знаешь один день! — возмущенно прохрипела она, доставая из-под пледа смятую пачку сигарет. Закурила, задумчиво разглядывая племянницу. Не замечая катящихся по щекам слез. Марго опустила глаза. Стыдно не было. Хотелось уйти.

— Ты нужна мне, Гоша. Помнишь, как пару дней ты сказала мне, что я нужна тебе? — всхлипнула Диана. Пепел упал на плед, и она небрежно скинула его на пол.

— Ему тоже нужна. — тихо ответила Маргарита.

— Это он тебе сказал? — криво усмехнулась Ди. — До или после того, как трахнул тебя. Если до, то это полная чушь, а после — только отсрочка. Им всем нужно от нас одно, а когда им надоедает, ищут новую давалку.

— Не всем. — печально произнесла Марго. Она понимала ожесточенность тетки. И сочувствовала ей.

— Ты всерьез веришь, что нужна твоему принцу больше, чем на пару ночей? Тебе недостаточно моего опыта?

— Тебе не повезло, Ди. Мне очень жаль.

— Жаль ей. — хмыкнула Диана, глубоко затягиваясь сигаретой. — Дура. Приползешь потом зализывать раны. Я-то тебя не брошу.

— Я не бросаю тебя. Я приеду завтра.

— Нет уж, наслаждайся своим хахелем. А мне так даже легче. Никто не жалеет. А что ты с женихом делать собираешься?

— Не знаю. — пожала плечами Марго. — Я же телефон потеряла. Не помню его номер.

— Ну-ну. — Ди уставилась в потолок. — Уходишь от ответственности, девочка. Или решила придержать запасной вариант? Куда делась твоя неземная любовь? Знаешь, милая, ты, вообще, ничего не знаешь о любви.

— Зачем ты так?

— А как? Ты у нас взрослая. Приказывать не могу. Советов ты не слушаешь. Закрутила с каким-то парнем, наплевала на жениха, на меня. Что я должна делать? Радоваться? Благословить тебя?

— Нет. Просто поверь. У меня все хорошо.

— А когда будет плохо, ты к кому придешь?

— Плохо не будет, Ди. — твердо ответила Марго. Женщина вперила в девушку долгий пронзительный взгляд.

— Уверенность. Я была такой же еще два дня назад. — горько изрекла она. — Не дай себя облапошить, Гош. Будь на страже. И не забудь таблетки.

— Мне кажется, что я могу пока обойтись без них. Мне стало лучше. — робко сообщила Марго. Диана резко приподнялась, затушила сигарету.

— Не глупи. Тебе не может быть лучше. Прекратишь принимать лекарства и слетишь с катушек. Мы это уже проходили.

— Я так не думаю. — холодно отозвалась девушка.

— Твоя мать тоже не думала, и где она сейчас?

Марго почувствовала, как холод сковывает грудь. Она всегда избегала разговоров о матери. Ее пугала правда.

— Я не моя мать. И прошу, не говори о ней.

— Так нельзя, Гоша. Ты прячешь голову в песок. Но вчера, когда ты была не в себе, ты сказала мне, что давно знаешь правду. И еще кое-что. Ты испугала меня. Пей таблетки, Марго. Тебе без них нельзя. Это единственное, о чем я прошу.

— Хорошо. — сдалась Маргарита. — Я возьму пузырек.

Ди облегченно вздохнула и откинулась на подушки.

— Так-то лучше. Запомни, Гош, ты сколько угодно можешь считать себя здоровой, но

на самом деле это не так. Мы обе знаем, что я права.

— Я напишу номер. — Марго достала из сумки блокнот, и, вырвав листок, быстро переписала новый телефонный номер, положила на прикроватный столик. — Позвони мне, когда соскучишься, или просто так.

— Проваливай уже. Меня мутит от твоей счастливой физиономии. — махнула рукой Ди.

Маргарита скрылась в ванной. Там она оставила свои лекарства. Подумав, девушка переложила таблетки в пузырек из-под витаминов, и бросила его в сумку.

Вернувшись в комнату, она обнаружила, что Ди спит. Быстро поцеловав тетку в лоб, Марго вышла из квартиры. И только на улице на нее накатила волна облегчения. Жгучее чувство свободы...

Дима ждал ее за домом. Все хорошо. Теперь можно ехать.

Но на полпути к дому Никиты, девушку охватили сомнения, настроение резко испортилось, возникли вопросы. Слова Дианы, ее резкость пустили в хрупкую душу Марго свои коварные ростки. И она всерьез задумалась, а что, если Ди права? И любовь — все еще запретное и незнакомое для нее чувство? Обманчивая сторона физического влечения, сильное увлечения неоспоримыми достоинствами Никиты Скворцова. Роскошь, красота, вспышка безумного притяжения, его сила, ее слабость. Желание быть защищенной, спрятанной от жесткого мира и собственной глупости. Ник тот, кто может и способен спасти ее. Но любовь ли это? Маргарита откинула за спину волосы, и принялась следить за дорогой. Впервые позволила себе вспомнить о Вадиме. Ей тогда тоже казалось, что она любит... Любила ли? А, если да, то почему не боролась? Почему позволила уйти? Ответ пришел сразу. Вадим никогда бы не стал для нее опорой, тихим омутом, где можно расслабиться и не думать. Глупый заикленный на себе мальчишка. Разочарование разбило их отношения, в вовсе не инцидент с его другом. Максим... Совсем другой. Мечтатель, идеалист, самодур. Но он так же ставит на пьедестал одно единственное божество — себя. Никто из избранников Маргариты на самом деле не видел ее, не знал, не пытался понять, не растворялся в ней. Не повелевал уверенно и твердо, но взамен отдавая ровно столько же, сколько забирал сам. Вадим позволил завоевать себя и думал, что он сам и есть награда за приобретение. А Максим жаждал поглотить ее волю и мысли, самоутвердился за счет другого человека, козырнуть своей силой и мужественностью. Но отношения должны строиться на гармонии и согласии, на равноправии и желании дарить, не прося ничего взамен.

Она подумала о Нике, и мысли о других мужчинах мгновенно вылетели из головы. Он — необыкновенный, не похожий ни на кого. Удивительный. От одного взгляда в синие глаза ей хочется плакать и смеяться, снимать с себя одежду и бегать гольшом по пляжу где-нибудь на островах Карибского моря. А еще она чувствовала в нем скрытую боль и уязвимость, и хотела научиться противостоять ударам судьбы так же, как делает это он. С уверенной улыбкой и открытым забралом. Оставаясь добрым и щедрым. Не теряя души. Закаляя сердце.

— Приехали. — повернувшись к ней, сообщил Дима. Марго рассеяно кивнула.

— Иногда мы глухи к знакам судьбы. — проговорила девушка. — И вместо того, чтобы принять дар и быть счастливыми, проходим мимо.

Шофер впал у ступор, глядя на нее с нескрываемым недоумением.

— Жарко сегодня. — заметил он. Видимо, другого объяснения странному поведению

Марго у парня не нашлось. Девушка улыбнулась, легко и радостно. Она больше не сомневалась.

Никита Скворцов был послан ей. Подарок на день рождения. Любовь, о которой она мечтала. Пришло время принять дар и насладиться плодами. Третьего шанса может и не быть.

— Ты сегодня на себя не похож. — Андрей Скворцов подошел к сыну, в одиночестве расположившемуся с одним из столов арендованного ресторана. Ник, словно вернувшись из мира грез, взглянул на отца рассеянным взглядом. Андрей отодвинул стул и сел рядом, вытянул руку, демонстрируя запястье с подарком Ника. — Отличная вещь. Ты угадал.

— Видишь, как хорошо я успел изучить твои вкусы. — с ноткой иронии ответил Никита. Мужчина посмотрел на него задумчиво и грустно. Сын имел право на иронию и не только. Его прощение стало для Андрея благословением небес, расплатой за совершенные прегрешения, и он не хотел ворошить прошлое, в котором было слишком много черных пятен.

— Выпьешь со стариком?

Ник улыбнулся одними губами.

— Какой же ты старик, па? Посмотри на свою новую подружку. Она тебе в дочери годится... — его голос дрогнул, когда было произнесено слово «дочери». Андрей тоже напрягся. Они не будут говорить о ней. Только не сегодня.

Андрей Скворцов разлил виски по бокалам и улыбнулся сыну.

— Ты уже пожелал мне много хорошего. — произнес мужчина. — И я хочу выпить за тебя, мой мальчик. Я горжусь тобой. Каждую минуту своей жизни.

Никита печально качнул головой, поднимая бокал. Он не собирался пить, но отказываться юбиляру неудобно.

— Спасибо, па.

Мужчины выпили и закусили. Андрей с тревогой наблюдал за отстраненным выражением лица своего сына.

— У тебя что-то произошло? Ты поссорился с женщиной, которой хотел сделать сегодня предложение? Поэтому ты один? — обрушив на Ника целый град вопросов, Скворцов умолк в ожидании. Сын послал ему свою фирменную улыбку, надежно прячущую истинные чувства.

— Я расстался с той женщиной, о которой рассказывал тебе. — ответил Ник, крутя в пальцах опустевший бокал.

— Бывает. Помиритесь.

— Нет. Дело в том, что я встретил другую.

Андрей изумленно вскинул седеющие брови. На зрелом породистом лице промелькнуло недоумение.

— Когда это ты успел?

— Три года назад. Я не говорил с тобой о ней. Случайно встретились после долгой разлуки, и все закрутилось снова.

— Тогда почему ее здесь нет?

— Она знает, что я собирался сегодня сделать... Папа, Маргарита — родная племянница Дианы.

— Ого. — выдохнул Андрей. — Мир тесен.

— И не говори. — подтвердил Ник. Улыбка коснулась его глаз, лицо расслабилось.

Маргарита задремала на диване в ожидании Ника. Ей снились чудные цветные сны, но без сложных картин вселенной, это были простые и удивительно яркие кадры, не связанные между собой смыслом. Девушку разбудили губы Никиты и нежные прикосновения. Они занялись любовью, не сказав друг другу ни слова. Словно не виделись год, а не восемь часов. Вспышка страсти перешла в долгое и чувственное удовольствие. Слияние душ и тел — так могла охарактеризовать Марго то, что с ними происходило. Тягучее блаженство, жидкий мед по венам, песня любви в каждой клеточке тела.

Они очнулись в спальне, когда ни один из них больше не мог двигаться. Маргарита улыбалась, глядя на счастливое умиротворенное лицо Ника.

— Я никогда не привыкну к твоей красоте. — прошептала она, очерчивая кончиками пальцев контур его губ. Он открыл глаза. Бездонная синева пронзила ее сердце, глаза наполнились слезами. Ник нежно поцеловал ее пальцы.

— А я к твоей. — просто ответил он. — Ты — самое настоящее чудо. Не могу поверить, что вижу тебя не во сне.

— Если это сон, то давай никогда не будем просыпаться. — вздохнула Марго, доверчиво прижимаясь к сильному и горячему телу. Ник обнял ее одной рукой и прошептал в затылок, согрев своим дыханием.

— Не забывай слов, сказанных сейчас. Я принимаю их, как признание. И как клятву. Я никогда не оставлю тебя, не обижу и не причиню боль, выполню любое желание, и ни о чем не попрошу.

— Так уж и ни о чем? — приподнявшись на локте, Марго заглянула в его лицо.

— Кроме любви, но она уже моя. Ты — моя. Без всяких штампов и обрядов. Навсегда. — серьезно произнес Ник. Марго замерла, потрясенная глубиной чувств в его глазах.

— А если я захочу штампов и обрядов?

— Хоть завтра, хоть сегодня. Я же сказал — любое желание. — он улыбнулся и поцеловал девушку в кончик носа. — Спи. Завтра у нас большие планы.

— Правда? — сонно поинтересовалась Маргарита.

— Да. Поведу тебя по магазинам.

— Я думала, что мужчины не любят магазины.

— Не любят. — кивнул Ник. — Если не любят женщину, которую мечтают побаловать.

— Никит, я больше не могу. Мы скупили пол Москвы. Куда я развешу эту грудку барахла? — простонала Маргарита, переминаясь с ноги на ногу. В новых красивых босоножках на каблуках ее нижние конечности ныли от усталости, но Скворцов, похоже, не собирался останавливаться. А у девушки голова шла кругом от обилия нарядов, которые он заставлял ее примерять. Сначала было весело и интересно — со вкусом у Ника не было проблем, но во второй половине дня Марго выдохлась и уже не испытывала никакой радости от обновок и мечтала вытянуть ноги в джакузи и подремать часок-другой.

— Грудка барахла? Где благодарность, милая? Я делаю из вас леди! — Ник шутливо щелкнул любимую по носу, нежно обнимая за талию. — Посмотри, как ты прекрасна! — он развернул ее к большому зеркалу.

Маргарита послушно взглянула на свое отражение, и устало улыбнулась. Высокая жгучая брюнетка в белоснежном элегантном и безумно дорогом брючном костюме с широким поясом действительно выглядела сногшибательно. Так же она смотрелась и в других нарядах, что Ник выбрал за нее и оплатил. Дима едва успевал грузить в «Бентли» пакеты с фирменными лейблами и коробки с обувью.

— Все самое лучшее — для тебя. — прошептал ей в ухо Ник. Дыхание его было горячим и прерывистым. Ему нравилось то, что он видит. Взгляд мужчины придирчиво прошелся по отражению Марго, задержавшись на обнаженной шее. — Я хочу купить тебе бриллианты, золото, жемчуга и самые изысканные меха.

— Ты — сумасшедший. — Марго улыбнулась, покачав головой. Но выражение глаз Ника было до безумия серьезным. Он не шутил. — НЕТ!!!! — взмолилась девушка. — Только не сегодня. Я устала. Я хочу есть.

— Хорошо. — разочарованно вздохнул Ник, разворачивая Маргариту к себе. Его пальцы нежно коснулись шеи девушки, и она заметила краем глаза, как продавщица с завистью и восхищением смотрит на Скворцова. Еще немного и точно слюной закапает начищенный пол бутика. Марго обвила его плечи руками и смачно поцеловала в губы, дабы пуце позлить завистницу.

— Спасибо, милый. — промурлыкала Маргарита. Ник уловил фальшивые нотки, подозрительно прищурил глаза, потом перевел взгляд на продавщицу, разинувшую на них рот, и понимающе хмыкнул.

— Хулиганка. — шепнул он, возвращая поцелуй.

— Вам оформлять или как? — напомнила о себе продавщица. Марго очнулась, оторвавшись от губ Ника, взглянула на девушку затуманенными глазами.

— Да, пожалуйста.

— Оформляйте все, что примеряла эта прекрасная леди. — широко улыбаясь, уточнил Скворцов, не обирая рук с талии Маргариты.

Когда очередной ворох пакетов был заброшен в багажник, Ник распорядился, чтобы Дима отвез их в ресторан на набережной.

— Тебе понравится. — пообещал Скворцов. — Есть столики под шатрами на свежем воздухе, отличная кухня, а неподалеку ювелирный салон.

Марго демонстративно закатила глаза. Ник рассмеялся и сгреб девушку в охапку.

— Пожалуйста. Последний магазин. Я хочу подарить тебе украшения. Они завершат

образ, и завтра не придется тратить время на покупки. — он просительно улыбнулся. Господи, мужчина умоляет позволить ему потратить еще полмиллиона! Как мило! И нереально!

— Так нельзя, Ник. Я же не кукла. Ты хочешь рядить меня, словно новогоднюю елку, а обещал любить. — Марго с укоризной взглянула в синие глаза.

— Ты не понимаешь, милая. Истинная красота засияет ярче бриллианта в достойном обрамлении. Я хочу ослепнуть от твоего совершенства.

— А я уже оглохла от твоих комплиментов. — покачала головой Марго. — Я боюсь всего этого. Ник, так просто не бывает. Мы вместе второй день, а ты готов купить для меня целый мир. Это наводит на определенные мысли.

— Я не хочу купить ТЕБЯ! Если ты имеешь в виду это! — Скворцов резко отстранился и уставился в окно. — Возможно, ты права. — вдохнул он, не дождавшись от Марго ответной реплики. — Я плохо знаю женщин. Да, я и не пытался узнать, если быть до конца честным. Те, которых я знал, всегда хотели подарков, но я не хотел дарить... А теперь хочу, а ты... Ты не хочешь...

— Ник. Мой бедный, глупый мальчик. — Маргарита растроганно прижалась к его плечу, и нежно погладила взъерошенные волосы. — Неужели ты никого никогда не любил? До меня?

— Так сильно — нет. — твердо ответил он. Марго вдруг загрустила, она опустила голову, глубоко задумавшись, вспомнила, что ей говорила Диана о первой встрече с Ником, и как они смотрели друг на друга, пока он не узнал ее — Маргариту. Что, если ему только кажется? И он просто влюблен, чуточку больше, чем был влюблен в Ди?

— Не вздумай сомневаться. — словно угадав ход ее мыслей, Никита повернулся к Марго и обхватил ее лицо ладонями, заставил посмотреть на него. — Неужели ты не чувствуешь? Когда мы рядом? Все, что за твоей спиной... пейзажи, стены, дома, другие лица... все исчезает, теряет смысл. Я вижу только тебя. Хочу только тебя. Живу только для тебя.

— Так нельзя, Ник! Я — просто женщина. И даже не самая красивая. Я не жду поклонения, обожествления. Люби меня, и все. Больше ничего не нужно. Ничего не важно. — ласково прошептала Маргарита. Глаза ее сияли.

— Хорошо. Я пугаю тебя своим напором? — спросил он.

— Немного. — кивнула она. — Но мне приятно, что я так сильно вскружила тебе голову, что ты потерял рассудок.

А в ресторане произошел странный инцидент. Маргарита и Никита только дождались своего заказа, как проходящий мимо их столика высокий худощавый мужчина средних лет замер, уставившись на Марго. В принципе ничего удивительного в том, что на нее засматриваются, не было. В новом стильном костюме, окруженная ореолом любви и благополучия она ослепляла, каждый нормальный мужчина провожал ее долгим восхищенным взглядом. Но этот оказался очень настырным. Под темными очками его глаз не было видно, но мужик стоял, не шевелясь, повернувшись в сторону Марго, а значит, именно она стала объектом его временной парализации. Ник какое-то время терпеливо ждал, пока наблюдатель отойдет, но потом, спустя пару минут, прожег мужчину раздраженным взглядом.

— Мы знакомы? — с ледяной вежливостью спросил Ник. — или вы знакомы с моей спутницей?

Мужчина по-прежнему не шевелился. Ничего не подозревающая Маргарита, наконец,

заметила, что стала объектом пристального наблюдения. Она вскинула на странного типа глаза и спокойно улыбнулась.

— Вы что-то хотели? — поинтересовалась она, промокнув губы салфеткой. Мужчина снял очки и сунул в карман оранжевой рубашки с коротким рукавом. Улыбка ее замерла и сползла с лица. С загорелого лица незнакомца на нее смотрели ярко-зеленые глаза. Такие же, как у нее. Что-то тревожное шевельнулось в груди. Девушку охватила паника и страх. Черты мужчины почти в точности повторяли ее собственные.

— Мы знакомы? — севшим хриплым голосом спросила Маргарита. Ник, безошибочно почувствовав ее тревогу, протянул через стол руку и мягко сжал ледяные пальцы.

— Все в порядке, милая? Хочешь я его прогоню?

— Нет-нет. Кто вы? — она снова обратилась к незнакомцу.

Мужчина молчал, продолжая изучать ее. Даже сквозь загар было заметно, как сильно он побледнел. Морщинки в уголках глаза обострились, изумрудные глаза изумленно распахнуты, уголки губ опущены. Красивый мужчина и молодой. И очень печальный. Кто же он? Почему они так похожи?

— Как ваша фамилия? — спросил мужчина, медленно выговаривая слова. Его сковало напряжение, даже вены на шее вздулись.

— Казанцева? Но почему вы спрашиваете?

— Моя тоже. Я — Даниил Казанцев. Я — родной брат твоей матери, Маргарита. Мы не знакомы, но я сразу узнал тебя. Ты на нее очень похожа. — натянутая улыбка не тронула глаз мужчины. Марго потрясенно молчала, глядя на объявившего себя ее дядей. Да, и что можно сказать в такой ситуации? Диана никогда не говорила, что у них был еще один родственник.

— Марго? — первым опомнился Ник. Он вопросительно посмотрел на любимую, потом на Даниила Казанцева. — Ты знаешь его?

— Нет. — тряхнула головой девушка. В душу закралось подозрение. Кто-то решил подшутить над ней? — Этого не может быть! — воскликнула она. — Моя тетя никогда не говорила, что у нее был брат.

— Я разорвал отношения с семьей много лет назад. Сразу после похорон твоей бабушки. Эта старая история, и я не хочу ворошить былое. Диана правильно сделала, что не рассказала обо мне. Я не должен был тебя встретить, но просто не смог пройти мимо. Бог мой, как же ты похожа на нее! — глаза Данилы Казанцева просто впились в лицо Маргариты. Ей стало трудно дышать. Ее дядя! Подумать только. Нет оснований не верить ему. Слишком сильное сходство. И он знает имена. Как странно, что Диана совершенно другая.

— А мне кажется, что я похожа на вас. — столь же пристально изучив лицо новоиспеченного родственника, сообщила Марго. Какая-то затаенная боль и отчаянье промелькнули в зеленых глазах мужчины. Он тяжело дышал, словно пробежал кросс.

— Мы с Мирой были, как близнецы. Два года разницы. Я старше. — отрывистыми фразами произнес Данила. — Можно я сяду с вами? — теперь дядя Марго смотрел на Ника, как бы спрашивая разрешения. А Ник, в свою очередь, переадресовал вопрос Маргарите. Последняя едва заметно кивнула.

— Простите, что потревожил вас. — взяв стул от соседнего столика, Данила сел между влюбленными. — Я скоро уйду. Просто немного посмотрю на тебя. Как ты живешь, Маргарита? Ты здорова? Счастлива?

— Да, все хорошо. — кивнула она, чувствуя страшную неловкость. Ощущение нереальности не отпускало. — А вы, ты...?

— Не стоит обо мне беспокоиться. — отмахнулся он. — Это — твой муж?

— Будущий. — резко вставил Ник, подозрительно изучая собеседника. — У вас с Марго действительно одно лицо. Это поразительно.

— Простите, вы не представились.

— Никита Скворцов.

— Очень приятно.

Мужчины обменялись рукопожатиями. Марго заметила, что на руке дяди нет обручального кольца. Как странно — он очень хорош собой, и на бедняка не похож. Как могла Ди утаить, что у нее есть брат?

— Сделайте мою девочку счастливой. — внезапно попросил Данила, обратившись к Никите. И что-то в интонации и смысле брошенной фразы заставило девушку напрячься. — Она заслужила. Я совсем не знаю ее, но я знал Мирославу. Она была чудесной, но очень несчастной. Пусть Маргарита будет счастливой за двоих.

— Что случилось? Почему я ничего о тебе не знаю? — задала вопрос Марго. Странные слова дяди пугали ее.

— Не поняли друг друга. Диана не хотела больше со мной общаться. Мама умерла, а Мира... — взгляд мужчины наполнился горечью и страданием. — Мира была больна. Ей было тяжело меня видеть, я только усугублял ее состояние.

— Что за болезнь? — хмуро спросил Ник, сузив глаза. Марго встревожилась, услышав незнакомые нотки в голосе любимого.

— Теперь неважно. Мирослава умерла, а вы — молоды и красивы. Не нужно тревожить скелеты прошлого. Ничего хорошего там нет. Как поживает Ди?

— Не очень. Ей бы сейчас не помешала поддержка. Не везет в личной жизни. — сообщила Марго. — Ты оставишь нам свои координаты? Уверена, что Диана давно забыла свои обиды и будет рада встретиться с братом.

Мужчина грустно усмехнулся.

— Это вряд ли. Лучше не говори, что видела меня. Она придет в ярость, узнав о том, что я рассказал тебе.

— Вы так сильно не ладили?

— Ты даже представить не можешь. — кивнул Данила. — Но я оставлю тебе свою визитку. Звони в любое время. Я живу здесь, в Москве. А ты? Давно переехала?

— Пару дней. — Марго удалось расслабиться, и она улыбнулась. — И столько случайных встреч!

— Ты работаешь?

— Нет. Я собираюсь переводиться с МГУ.

— Похвально. И кем будешь?

— Филологом.

— Странный выбор, но мне нравится. — широкая улыбка совершенно преобразила лицо мужчины. Усталость и напряжение на мгновение покинули его, и он стал заметно моложе. Маргарита просчитала про себя его возраст. Сорок один год. Выглядит он максимум на тридцать пять, только вот безысходное тоскливое выражение глаз выдает истинный возраст. Она исподтишка изучила его высокую подтянутую фигуру, не атлет, но явно следит за собой. Ни грамма жира, стильные дорогие брюки, хорошие туфли и модная рубашка, в вырезе которой поблескивает тонкая золотая цепочка с крестиком.

— А ты чем занимаешься, Даниил? — решила спросить Маргарита. Дядя отстраненно

улыбнулся.

— Небольшое собственное дело.

— Какого плана?

— Грузоперевозки. Сам ничего не делаю. Только сдаю в аренду автотранспорт.

— Дальнойбой?

— Да. — сухо отозвался Даниил. Ему явно не нравилось говорить о себе. — Я учился на техническом отделении. Мне ближе автомобили, нежели торговля.

— А дети есть? Жена? Или подруга? — не отставала Марго. Ей почему-то хотелось узнать о своем загадочном, тщательно скрываемом родственнике как можно больше.

И снова тень поселилась в глазах Даниила. Он отрицательно качнул головой.

— У меня нет семьи, Маргарита. С тех пор, как умерла твоя мама, я стал круглым сиротой и одиночкой.

Девушка поджала губы, не решившись задать следующий вопрос. Шестое чувство подсказывало ей, что он не ответит. Какая-то страшная тайна была связана с гибелью Мирославы Казанцевой, его сестры и матери Марго, и, возможно, он винил себя в ее смерти. Как иначе истолковать столь странное поведение? Может быть, на Миру напали, а он не смог ее защитить? Или она заболела, а Даниила не оказалось рядом, или он не успел ей помочь... Предполагать можно до бесконечности. Впервые Маргарита захотела узнать правду. Любопытство перечеркнуло страх.

— Теперь мне многое стало понятным. — задумчиво произнесла Марго. Оба мужчины вопросительно посмотрели на нее, и девушка пояснила. — Я как-то попросила Ди показать мне фотографии бабушки и мамы, хотя бы детские, но она сказала, что случайно выбросила альбом с другими бумагами во время приборки. Мне еще тогда показалось странным, как можно не заметить среди хлама альбом с фотографиями. Ты говоришь, что я похожа на маму, и я верю, но понятия не имею, как она выглядела.

— Как ты. Посмотри в зеркало... — Даниил улыбнулся кончиками губ.

— Или на тебя? Мне аж жутко стало, когда ты очки снял. На кого вы были похожи? На бабушку?

— Нет. В маму пошла Диана, а мы с Мирой в отца, которого никогда в глаза не видели. — сообщил Казанцев.

— Я бы очень хотела узнать тебя, Даниил. Ты мне кажешься хорошим человеком. — неожиданно для самой себя сказала Марго.

— Никогда не верь первому впечатлению. — тягостно вздохнув, покачал головой мужчина. Ник поспешил не согласиться.

— Со всем уважением, должен признаться, что сам придерживаюсь противоположного мнения. — заговорчески подмигнув мне сказал Никита. — сложишься иначе, мы бы с Марго не были вместе.

Даниил Казанцев с тоской взглянул на переплетенные пальцы влюбленной парочки.

— Я рад за вас, ребята. — искренне сказал он. — Берегите друг друга, не смотря ни на какие трудности и препятствия. Есть такие ошибки, исправить которые невозможно. Существуют слова, которые ты не успел сказать, и поступки, жалеть о которых слишком поздно. Живите сейчас и будьте смелыми, говорите правду и любите друг друга так, словно другого шанса быть вместе никогда не представится.

— Ого. — удивленно выдохнул Ник, с любопытством разглядывая Даниила. — Это из собственного горького опыта?

— Опыт не бывает горьким. Он — наше прошлое, судьба, от которой, увы, не уйдешь или рок, противостоять которому не хватило смелости. Преступление, у которого нет срока давности.

— Маргарита, теперь я понимаю, почему ты выбрала филфак. — усмехнулся Скворцов. — У вас это в крови.

— Увы, я не учился этому в институтах. Школа жизни дает больше знаний, чем вы почерпнете в любом из учебных пособий. — с ноткой ностальгической печали подытожил Даниил. Он внезапно встрепенулся, взглянул на дорогие часы с широким браслетом на своем запястье. — Мне пора. Я очень рад был познакомиться с тобой, Маргарита, и с твоим другом тоже.

— Ты оставишь мне номер телефона? — спросила девушка, глядя в глаза родственника. Он едва заметно кивнул, достал из верхнего кармана рубашки визитку и протянул ей.

— В любое время, Маргарита. Но Диане не стоит говорить. Пожалуйста...

— Хорошо. — пообещала она, убирая визитку в сумочку.

Все трое обменялись рукопожатиями, и Даниил Казанцев ушел. Марго проводила его взглядом до платной стоянки, где ее дядя сел в серебристый «БМВ» и уехал прочь.

Как только авто Казанцева скрылось из виду, Маргарита посмотрела на Никиту, который, в свою очередь, пристально наблюдал за ней.

— Что ты думаешь об этом? — в лоб спросил он. Марго пожала плечами, взглянув на свой остывший обед.

— Он — глубоко несчастный человек. И очень одинокий. — выдохнула она. Ник нахмурился, покачал головой.

— Я не об этом!

Девушка прекрасно понимала, куда клонит Скворцов.

— Я верю, что он мой дядя. Диана вполне могла скрыть от меня сам факт его существования. Это в ее стиле. — призналась Маргарита. — К тому же ты видел его лицо.

— Пока он не назвался твоим дядей, я грешным делом подумал, что мужик, возможно, твой отец. Исключительно по причинам неоспоримого внешнего сходства.

— Я хочу выяснить, что случилось, почему Ди вычеркнула Даниила из нашей жизни.

Ник понимающе улыбнулся, нежно прикоснувшись к щеке Марго.

— Я никогда не спрашивал, как умерла твоя мама... — осторожно начал он. В глазах девушки мелькнул холодный блеск.

— Я тоже. И я не знаю. — сообщила она. Никита потрясенно замер.

— Неужели тебе не было интересно?

— Интересно? — вспыхнув от возмущения воскликнула Маргарита. — Как может быть интересной чья-то смерть, и в особенности — смерть родной матери?

— Прости меня. Я не так выразился. — примирительно сказал Ник. — Ты совсем ее не помнишь?

— Нет. Только Диану. Не знаю, что именно останавливало меня, но я никогда не спрашивала о маме. Я боялась правды. Ты первый — кому я призналась.

— Думаешь, что с ней случилось что-то очень страшное?

Марго кивнула, опуская глаза. Ей вдруг захотелось расплакаться. Почему так происходит? Еще полчаса назад она была счастлива и довольна. Одна встреча перевернула привычный мир вверх дном.

— Ты просишь у Дианы? — спросил Ник. Его настойчивость начинала раздражать.

Откуда столько любопытства.

— Все, что касается тебя — крайне важно и для меня, Марго. — объяснил Ник. Он безошибочно угадывал все ее тайные мысли. Сверхъестественное понимание. — Я рядом. Что бы ни случилось. Я готов выслушать и понять. Я с тобой. Верь мне, пожалуйста.

Маргарита посмотрела в нежные любящие синие глаза, и тревога медленно отступила. Стало легче дышать и мыслить.

— Я думаю, что Ди ничего не расскажет. — тихо сказала Марго. — И надеюсь, что Даниил рано или поздно ответит на все вопросы. Может быть, он знает, кто мой отец. Может быть, в нем корень всех зол?

— Гадать бесполезно, милая. Просто не забивай голову раньше времени. Наберись терпения. Время все расставит по своим местам.

— Ты такой мудрый, Ник. — девушка улыбнулась, но в глазах мелькала тень грусти. — У тебя тоже есть прошлое. Но ты мне не говоришь о нем.

— У нас не было подходящего момента для откровений. И сейчас не время взваливать на твои хрупкие плечи ворох моих прошлых обид и терзаний. Однажды ты спросишь, а отвечу. Давай поедим, и пойдем домой. Я тоже чертовски устал.

Уже в машине Ник мягко привлек к себе задумчивую немногословную девушку и поцеловав в затылок, задал один единственный вопрос.

— Ты позвонишь ему?

— А разве я могу поступить иначе? Ты бы смог?

— Нет. Я не смог. — покачал головой Ник. Марго не могла видеть, какая боль пронзила в этот момент его глаза.

— Завтра я поеду навестить Диану, пока ты будешь на работе. — сообщила она после небольшой паузы. Слушая биение его сердца, девушка медленно расслаблялась.

— Ты уверена, что ей это нужно?

— Да. Она плохо выглядела вчера.

— Ты ничего не расскажешь ей?

— О нас или Даниле?

— Обо всем.

— Пока нет. Она не готова.

— Как ты объяснишь, что живешь не с ней?

— Я уже объяснила.

— Как?

— Ты не отстанешь?

— Не-а.

— Я сказала, что встретила парня и влюбилась. Ди в шоке, но я взрослая девочка.

— Я против лжи, Марго. Ты думаешь, что хочешь уберечь Диану от нового удара, но на самом деле трусишь сказать правду.

— Я не эгоистка.

— Еще какая.

Как не пыталась Маргарита убедить себя не думать о смерти матери, об объявившемся дяде и скрывающей его существование Диане, в голове ее только прибавлялось предположений и тревожных мыслей. Пока рядом находился Ник, девушке удавалось создавать видимость беспечности и довольства. Она цвела и бурлила жизнью, она дышала и

радовалась, любила и дарила всю нежность, на которую была способна. С ним так легко забыть, сойти с ума, погрузиться в поток иллюзий и сладострастия. С ним так легко мечтать и верить, что он способен исполнить каждое желание. Ник не играл, не притворялся. Он действительно был таким. Щедрым и искренним, горячим, пылким, самозабвенно обожающим ее. Умирая от счастья и возрождаясь к жизни в плену влажных простыней, как единственную молитву в мире она в забытьи шептала его имя. Она уснула на рассвете, так до конца и не утолив безумную жажду друг в друге. А когда утром Ник ушел на работу, расцеловав ее на прощание, Марго вернулась к реальности, в которой ее поджидали вопросы и сомнения. В том мире, где не было Ника, она терялась. Однажды Диана сказала правильную вещь.

— Ты ищешь гавань, в которой можно спрятаться до конца жизни. Дай Бог, чтобы ты нашла ее, Гоша. Только не ошибись. Придуманный мир рано или поздно рухнет, оставив руины и пепел. И не в каждом есть силы птицы Феникс, чтобы отряхнуться, воскреснуть и снова воспарить. Будь очень осторожна.

А еще Марго слышала об одной заповеди, которая в данный момент показалась ей очень актуальной. «Не сотвори себе кумира». Никита Скворцов казался слишком совершенным, чтобы быть настоящим. Существует ли он в реальности или она придумала его?

Чтобы познать себя, узреть истинный путь и положение вещей, взглянуть в лицо реальности, нам необходимо понять две простые истины. Кто мы? И откуда пришли?

А еще... Что сделало нас такими, какие мы есть.

Не всегда нужно искать ответы в глобальном масштабе, охватывающем вопросы мироздания. Каждый человек — маленький космос. И в данный момент времени Маргарита собиралась открыть свою личную вселенную.

Марго застала Диану за приборкой. Никаких задернутых штор, сигаретного смога и неопрятных халатов. Ди снова сияла улыбкой и была полна сил. Теория циклов, выдвинутая Маргаритой, с лихвой оправдала себя. Она неожиданно осознала, как предсказуема Диана. Возможно, у нее легкий характер и удивительная стойкость к ударам судьбы. В этом ей можно только позавидовать. Ди, как легкокрылый несгораемый мотылек, порхающий с одного огонька на другой, и не шадящий свои крылья, твердо уверенный в том, что новые непременно отрастут.

— Ну, как твой бой-френд? — с порога спросила Ди, бросая на пол влажную тряпку. Марго широко улыбнулась в ответ, и тетя все поняла по ее лицу. — Цветешь! Я рада. Чай будешь?

За аккуратным столиком в сверкающей чистотой кухне, женщины болтали о всякой ерунде, ни разу не упомянув имени Никиты, чему Марго была несказанно рада.

— Когда поедем в МГУ? — поинтересовалась Ди, убирая кружки в мойку. Маргарита сидела на стуле возле окна, размахивая ножкой в аккуратной туфельке. Она надела одно из изысканных платьев, подобранных вчера Ником, и тетя успела по достоинству оценить выбор кавалера племянницы. — Не затягивай с переводом. Я с трудом договорилась. Ты знаешь, как трудно туда попасть.

— Понимаю. Можно завтра поехать. — пожалала плечами Маргарита.

— Отлично. А когда ты познакомишь меня со своим мистером Икс?

Девушка напряглась, глядя на спину Дианы. Та, ни о чем не подозревая, мыла посуду.

— В ближайшее время. — уклончиво ответила она.

— Он точно не женат? — Ди закрыла краны, и повернулась к племяннице, облокотившись на мойку. Марго отрицательно покачала головой, а тетя снова прошлась по ней пронзительным взглядом, закусил губу... В какой-то момент девушке показалось, что Ди осенила догадка.

— Я понимаю. Ты не хочешь ни с кем делиться своим счастьем. Боишься, что спугнут. Со мной было так же. — Диана печально усмехнулась. — Не помогло. Но мне нравится, как ты выглядишь. Это главное. Ты светишься, но не болезненно и нервно, как с Максом. Тогда я сразу догадалась, что парень тебе не подходит. Нет ничего хуже одиночества. Уж мне ли не знать. А мы с тобой из одного теста. Придумываем себе проблемы, а счастье-то оно рядом. Бери и держи крепко-крепко. Я не удержала, но не по своей вине. Мне сложно встретить мужчину, который еще никого не любил. Возраст другой. В двадцать лет любят от души и самозабвенно, а в сорок — от отчаянья и безысходности.

— Не сгущай краски. Любви все возрасты покорны. Сама говорила. — с легкой улыбкой напомнила Марго.

— Это у меня постдепрессивный период. — Диана отодвинула стул и села напротив Маргариты. — Пройдет. Слушай, а что ты будешь делать с Максом?

— В смысле? — не поняла Марго.

— Ты не говорила ему адрес этой квартиры? Он может и нагрянуть.

Девушка смертельно побледнела. Она думала, что потеря сотового телефона решила проблему с Максимом, но только сейчас вспомнила, что звонила ему, после заключения сделки с арендой квартиры. Адрес он не записывал, но мог запомнить. Господи, что же

будет, если он заявиться сюда? Зная Макса, не сложно предугадать, какой скандал он закатит и будет прав. Нельзя просто исчезнуть, ничего не объяснив. Окунувшись в безумный роман с Ником, она совершенно не подумала о последствиях. Ди все поняла без слов.

— Ясно. Значит, со дня на день мне нужно ждать гостей. И что я ему скажу? — хмуро спросила Диана.

— Что я потеряла телефон, сменила номер.

— Он спросит новый.

— Не говори. Позвони мне, и я все решу.

— Интересное дело. — возмутилась женщина. — Пока ты едешь, я буду вынуждена слушать его вопли?

— Не усугубляй. Может, он и не приедет.

— Смешная ты. Какой дурак откажется от Москвы и такой красавицы? — усмехнулась Ди. Марго уныло посмотрела на нее. Вот засада. Проблем только добавляется.

— Я быстро приеду.

— Гош, я все понимаю. Ты влюблена и счастлива. Так бывает. Но Максим — живой человек. Он сейчас продает свое единственное имущество в надежде в скором будущем стать твоим мужем. Ты не помнишь номер его телефона? Или общих друзей? Еще не поздно позвонить и отменить все, что вы запланировали. Поговори с ним, объясни.

— Ты знаешь, что у меня нет памяти на цифры. — потупив глаза, напомнила Марго.

— Как тебя угораздило! — вздохнула Диана. — И я не догадалась записать его координаты. Знала же, что так все и случиться. Потому и увезла тебя.

Маргарита распахнула глаза. Губы застыли в горькой усмешке. «Увезла себе на беду». Знала бы Ди, что родная племянница отобьет у нее парня, никогда бы не позвала с собой в Москву. Но, как там говорил Даниил? Прошное и есть судьба. Сделанного не вернешь. У совершенных преступлений нет срока давности.

— Ди, а вы с мамой в детстве дружили? — вспомнив о Данииле, спросила Маргарита. Тетя слегка смутилась, но умело скрыла удивление. Серые глаза заволокло дымкой.

— Нет, я бы так не сказала, милая. Я заботилась о Славе, не смотря на то, что была младше на год. Твоя мама была очень хрупкой и ранимой, и очень долго оставалась ребенком. У нее была слабая психика и боязнь внешнего мира. Она плохо училась и не ладила со сверстниками.

— А бабушка? Она не пыталась как-то на нее повлиять помочь?

— Бабушка, моя милая, работала на двух должностях. — печально сообщила Диана. — С дневной смены уходила в ночную. Отец бросил нас, когда родился... родилась я. Не знаю, может, у него появилась женщина без детей и проблем. Мы его больше не видели и не слышали. Мама тащила на себе все тяготы по нашему воспитанию. Женщине очень сложно выжить без поддержки с... двумя детьми. А потом еще затворница Слава умудрилась забеременеть. Это скосило маму. Она умерла от сердечной болезни, не дожив до твоего рождения.

— Тебе было семнадцать лет. Как вам удалось удержаться на плаву?

— Кто-то посылал нам деньги, Гош. — Ди отвела взгляд. — Каждый месяц. Возможно, твой отец решил хоть как-то загладить вину за свое отсутствие. Я поступила на заочное и стала работать.

— Но ты не знаешь, кто он? — Марго настойчиво посмотрела в глаза тети. Она считала. Диана солгала ей трижды. Первый раз — когда сказала, что она родилась последний, второй

— про женщину с двумя детьми, третий — опосылающем деньги. Девушка была уверена, что Диана знает, кто этот неизвестный благодетель.

— Кто он? — переспросила тетя. Она взглянула в требовательные глаза Маргариты. И снова солгала. — Я не знаю, кто твой отец. Какой-то подонок, воспользовавшийся беззащитностью твоей матери. Наверно, он до сих пор не знает, что у него родилась дочь.

— Что случилось с мамой? Как она умерла? — Марго выдавала вопрос за вопросом, понимая, что уже не остановиться, не обращая внимание на потрясение и боль в глазах Дианы.

— Ты действительно хочешь это знать? — спросила она убитым голосом.

— Да. Сейчас я готова.

— К этому нельзя быть готовой, Гош. Подумай еще раз.

— Я хочу знать. — по слогам произнесла Маргарита.

— Я говорила тебе, но ты была не в себе и не запомнила. Подсознание защищает тебя. Так лучше.

— Я устала от неведения. Я встретила человека, с которым собираюсь встретить старость. Я должна знать свою историю и то, что могу предложить ему.

— Ты... — глаза Дианы наполнились слезами. Она обхватила запястья Марго. — Ты — хорошая девочка. Вот, что важно.

— Я больна. Мы обе знаем, насколько серьезно. Я. Хочу. Знать. Почему.

Ди сдалась. Она еще не начала говорить, но по выражению ее глаз, Маргарита поняла, что сейчас узнает правду. Какой бы она не была. И Ник не бросит ее. Он обещал. Она выльет свою боль на его груди и смирится. И больше не будет бояться.

— Сначала мама думала, что Мирослава очень впечатлительная и эмоциональная девочка со слабой и ранимой психикой. — глухо начала Диана. Марго замерла, боясь спугнуть ее. — Эти приступы смеха, безудержной радости и веселья, сменяющиеся молчаливостью и полным уходом в себя. Она могла не разговаривать с нами неделями, а потом снова становилась обычным ребенком. Год, иногда два Слава вела себя нормально. Но потом появлялись нестабильные признаки. Она закрывалась в комнате, подозревая всех и каждого в том, что мы скрываем от нее что-то важное или осуждаем, разговаривала сама с собой, плакала или хохотала, не замечала нас или начинала оскорблять. Она была жестока, Гош. Очень. Била по самому больному, а потом рыдала, умоляя о прощении. Новый период затишья и сравнительной стабильности, и мы начинали верить, что Слава изменилась, пошла на поправку. Мы запутались. Списывали странности на переходные периоды, недостаток отцовского воспитания, нехватку внимания от вечно работающей матери, трудности в школе. Мама проглядела Славу, и она не отрицала своей вины, но, видит Бог, она делала для нас все, что могла. Мощный рецидив случился, когда Слава забеременела тобой. Мы еще не знали. Она стала такой тихой, словно потеряла всякое желание жить. Просто лежала в кровати и смотрела перед собой. Отказывалась от еды, пребывая в уверенности, что мы хотим ее отравить, бредила, не мылась, не причесывалась. Мама вызвала врача, когда Слава попыталась воткнуть ножницы в свое запястье. Тогда все и открылось. Тяжелая форма параноидальной шизофрении. Уже в лечебнице, куда ее срочно госпитализировали, выяснилось, что Слава находится на пятом месяце беременности.

— Слишком поздно для аборта. — потрясенно выдохнула Марго. Ей казалось, что с каждым словом Ди из нее по капельке уходит жизнь.

— Я могу остановиться сейчас. — сказала Диана дрогнувшим голосом.

— Нет. Продолжай.

— Об аборте никто и не думал. Мы понимали, что ребенок ни в чем не виноват. Ты появилась не по ошибке. Слава очень любила тебя. И я люблю тебя, как дочь.

— Ди, что было дальше?

— В больнице она вела себя ужасно. Лекарства не помогали. Она умоляла нас забрать ее, боялась врачей. Но мы не могли рисковать. Там за ней присматривали. Твоя бабушка умерла от внезапного приступа, не справившись с постоянным стрессом, и я осталась одна. Как я могла позаботиться о Мирославе?

— Я родилась в психбольнице? — ужас застыл в глазах Маргариты.

— Да. — выдохнула Ди. — Но я сразу забрала тебя домой. А потом и Слава пошла на поправку. Она по тебе скучала. И именно благодаря тебе продержалась еще три года. Я работала, а она заботилась о тебе. А потом наступил новый кризис. И она больше не была собой. Пару месяцев в больнице на мощных транквилизаторах, чтобы снять обострение и полгода дома. Слава обманывала меня, пряча таблетки под язык, и все начиналось вновь. Последний раз я забрала ее в мае, тебе было четыре годика. Она не узнавала нас. Красивая и равнодушная, словно восковая кукла. Никаких эмоций. Она умерла гораздо раньше, чем... Марго... Я не могу. — отчаянно всхлипнула Ди.

— Говори! — девушка яростно схватила руки женщины.

— Она почти не двигалась, не могла обслуживать себя. У меня на руках оказалось двое детей. Ты и Слава. А мне было столько же, как тебе сейчас. Я не справлялась, Гош. Я тоже проглядела ее. Когда мне нужно было уходить на работу, я оставляла тебя с соседкой, которая потом переехала в другой район. Но в тот день к ней нагрянули родственники, и тетя Маша пришла к нам. Она рассказала, что вы находились в большой комнате, когда из спальни Славы донесся странный звук. Она зашла, чтобы посмотреть... Твоя мама. Она была мертва.

— Как? Как она умерла! — глаза Марго прожигали Дианы насквозь. Она вскочила на ноги, почти грубо поднимая тетю вслед за собой. Девушка требовала ответа каждой клеточкой тела и всеми фибрами души.

— Она убила себя ножницами. — выдохнула Диана, устав сражаться и обессилено опустив лицо в ладони.

Маргарита хрипло втянула воздух, словно задыхаясь, обхватывая пальцами свое горло. Глаза наполнила страшная боль. Сердце рвалось из груди, билось о ребра, посылая спазмы по всему телу. Она на мгновение покинула реальность. И вспомнила то, что пятилетняя девочка стерла из своей памяти.

Белое сломанное тело на полу в кровавой жиже. Забрызганная бардовыми пятнами ночнушка, голые согнутые ноги и раскинутые руки. Мертвенное бледное лицо в обрамление рассыпанных по плечам черных волос, распахнутые спокойные глаза и стальные колечки ножниц, торчащие из шеи. На обкусанных посиневших губах застыла улыбка. Она обрела покой, так и не познав его при жизни.

Маргарита горько заплакала, чувствуя, как Ди осторожно расцепляет ее пальцы. В приступе отчаянья, она не осознавала, что только что пыталась на себе зажать рану, которую нанесла Мирослава. В глазах все еще стояло лицо матери. И толчками вытекающая кровь из горла, пронзенного ножницами.

— Я помню ее. — рыдала Марго. — Я помню свою маму.

В тот страшный день соседка была настолько испугана и ошарашена увиденным, что не

заметила, как за ее спиной возникла фигурка маленькой девочки. Девочки, увидевшей тело своей матери.

— Маргарита... Милая, поговори со мной. — далекий глухой голос звал из темноты, в которой заблудилась душа Марго. И та, что звала ее к свету, победила, вырвала из оков отчаянья.

В комнате было светло и прохладно. Работал кондиционер и сквозь чистые оконные стекла пробивались неподкупные солнечные лучи. Золотистые искры рассыпались перед глазами Маргариты Казанцевой, пока одно за другим к ней возвращались чувства. Осязание, обоняние, слух, но первым было зрение. И теперь девушке казалось, что она способна видеть даже с закрытыми глазами.

Марго лежала на кровати под пушистым пледом. На языке вкус лекарств, а в руке Дианы — стакан с водой. Девушка со страхом подумала, что может случиться, если она откажется регулярно пить таблетки. Следующая, долгая мысль была посвящена матери и вернувшимся воспоминаниям о страшном дне, когда она умерла. Скорбь, боль, страдание. Но не страх, не желание скрыться, забыть, притвориться, что Диана ничего ей не рассказала. Правда и принятие правды, какой бы пугающей и ужасной она не была, неожиданно принесла успокоение, смирение и понимание. Мир перестал раскачиваться, поезд судьбы больше не путал пути и встал на одни единственные рельсы. Истина многоликая и неуловимая. Могущественна и немилосердная. Она спряталась в уголке ее подсознания на долгие годы, но в эту жуткую минуту вышла на шатающихся кривых ногах и предстала во всем своем отвратительном лике, смотрела пустыми черными глазницами и с тяжелой холодной улыбкой кивала головой. «Прими меня и освободись». — шептала страшная тень. «Или отринь и сломайся». Маргарита знала, что у нее есть выбор.

— Диана. — прошептала она одними губами. Женщина склонилась над ней, запечатлев на холодном лбу поцелуй. Марго порывисто обняла тетку и та прилегла рядом с ней. — Я думала, что ты мотылек. Я ошиблась. Ты — крепость с непробиваемыми стенами, ты озеро боли и забвения. Ты самая смелая женщина на свете. Ты бесстрашна. Я восхищаюсь тобой. Как же ты пережила все и сохранила разум и желание идти дальше?

— Я не имела права опускать руки. У меня была ты, Гоша. Ты держала меня на плаву, придавала смысл всему хаосу, который творился вокруг. И однажды все изменилось. Жизнь наладилась, или нам так показалось. Но пока я спасала других, я пропустила что-то важное. Не научилась строить отношения, любить и быть любимой. Бросалась с головой в самые неперспективные романы, словно в омут, а на самом деле искала лишь облегчения и забвения. Меня тоже мучают призраки прошлого. И пока моя жизнь заполнена новыми чувствами, вспышками счастья и горькими утратами, я не вспоминаю. Чувство вины способно разрушить самые крепкие стены, от него нет спасения и укрытия. Только миг, тонкая грань отделяет нас от пропасти, за которой нет ничего, кроме безумия.

— Тебе не в чем себя винить, Ди. Ты сделала все, что смогла. — возразила Марго. — Ты спасла меня и до сих пор спасаешь. А я недостойна твоей доброты и великодушия.

— Не говори так. Ты же знаешь, как сильно я люблю тебя. Сейчас мне кажется, что я зря открыла тебе правду. Ты так же ранима, как Мирослава, но в тебе есть сила и сопротивление, которых в ней не было.

— Я боюсь, Ди. Боюсь, что болезнь однажды начнет прогрессировать. Она дремлет во мне, выжидает удобного часа, чтобы нанести сокрушительный удар. Я видела итог. Я не хочу так. Не хочу. — Марго снова заплакала, уткнувшись в плечо Дианы. Женщины обнялись.

Теперь плакали обе. Море, целое море слез.

— Ты — другая, Гош. — успокоившись, произнесла Диана. — Сильная и смелая. Ты справишься. Твоя мама с детства проявляла все признаки заболевания.

— И я унаследовала этот страшный ген. Не спорь. Это так. Не в полной мере, но кто знает, какой я буду завтра? Через год? Надолго ли хватит сдерживающего действия лекарств и моего сопротивления.

— Береги сердце от боли, милая. Стресс опасен для тебя. Счастливому человеку не страшны никакие болезни. Поверь мне. Будь самой счастливой, Гош. А я порадуюсь за тебя.

— Даже, если мое счастье причинит боль тебе самой? — подняв голову, Маргарита взглянула в глаза тети. Диана удивленно улыбнулась.

— Твое благополучие не может причинить мне боль. — ответила она.

Если бы это было так... Марго понимала, что сейчас ей представился шанс, самый удобный и правильный момент для признания, но не решилась. Такой сумасшедший день. И у нее еще оставались вопросы. Но не к Диане. Эта маленькая женщина с огромным сердцем не заслужила дальнейших расспросов. И у Марго не было сомнений, что Ди сделала для нее и Мирославы все, что могла, больше, чем могла. Теперь Маргариту интересовало, где был Даниил, где был старший брат, пока младшая сестра спасала среднюю, взвалив на свои детские плечи не только опеку над душевнобольной, но и вырастила ее дочь, поставила на ноги. Сама, одна, без помощи и подсказок. Без защиты и поддержки.

Марго вернулась в светлый и уютный дом Никиты Скворцова в сумерках. Она сильно задержалась, позволив Диане залечить ее раны и успокоить боль. Не хотела, чтобы Ник видел ее такой. Удивительно, но еще утром, девушка была твердо уверена, что хочет узнать правду о матери, не ради себя, а ради счастливого будущего с Никитой. Все оказалось страшнее, много страшнее, чем она представляла. И упасть на его грудь с подобной исповедью теперь казалось не естественным поступком, а глупостью и самоубийством. Какой нормальный мужчина решится завести семью с женщиной, осознавая, что существует риск психологического заболевания для их совместных детей? Испорченный ген. Ошибка.

Марго замерла на последней ступеньке. Опустила глаза на ключи в своей руке. Еще не поздно развернуться и уйти. Дать ему шанс на нормальное будущее со здоровой и любящей его женщиной. Имеет ли она право решать за Ника? Скрывая правду и возвращаясь к нему, не оставляя выбора, подвергая риску... Обманывая, притворяясь здоровой, обещая любовь, которая однажды причинит ему страшную боль. Эгоистичное желание быть рядом с любимым пересилило все доводы разума. Шаг вперед и снова...

Сомнения... Оставить ключи на крыльце, убежать и спрятаться.

Тоже нечестно.

Страдание в любом случае.

Разбить его сердце уходом.

Это выше ее сил.

«Прошу тебя, дай мне шанс. Всего один». — прошептала в отчаянье девушка, обращаясь в невидимому слушателю.

Она верила, что справиться.

Она надеялась, что не подведет Никиту.

Она нуждалась в нем больше, чем в лекарствах.

Она искала спасение и знак.

Дрожащими пальцами девушка развернула связку ключей и открыла дверь.

Ник с самого утра ждал окончания рабочего дня. Трудовой процесс протекал все так же сумбурно, как и обычно. Встречи, переговоры на повышенных тонах, эмоциональные планерки, непредвиденные обстоятельства и расходы, осмотр объектов и выговор бригадирам за грубые нарушения, бесконечные манипуляции со сметами, в последнее время подозрительно растущими в цене, обед впопыхах и грандиозное событие — сдача двухлетнего проекта. После пяти сорвавшихся попыток на этот раз заказчик выглядел удовлетворенным, и не предъявлял претензий, ни по качеству, ни по цене.

Марк Стоянов и другие заместители долго уговаривали руководителя отметить вместе столь важное событие, но он вежливо, но решительно отказался. Его мысли уже неслись домой, туда, где его ждала самая прекрасная девушка на планете. Он думал, что ждала...

Ник по дороге просил Диму заехать в ювелирный и долго выбирал для Марго подарок. Вчера они не успели, а после случайной встречи с дядей Маргариты и вовсе забыли, что хотели выбрать к обновкам украшения. Ник купил изумительной красоты комплект с изумрудами. Колье, серьги и брошь. Сверкающие камни, блеск белого золота. Она затмит всех женщин на самом фешенебельном приеме. Уже в машине, Никита бережно держал на коленях завернутый в подарочную бумагу футляр и предвкушал радость Марго, когда она откроет подарок. Не удержавшись, Ник в очередной раз набрал номер ее телефона. В течение дня он многократно пытался дозвониться до любимой девушки, но ее номер молчал. Отгоняя мрачные мысли и опасения, Никита успокаивал себя и практически убедил в том, что Марго, по натуре человек рассеянный, могла попросту забыть телефон дома и отправиться к Диане без него. Но и в этот раз ему никто не ответил. Ник взглянул на часы. Семь вечера. Улыбка и хорошее настроение померкли. Подозрение и дурное предчувствие отравили кровь. Слишком затянулся визит к тете. О чем можно разговаривать так долго? Марго не могла не заметить, что забыла и телефон и планшет, и не могла не знать, как сильно он станет беспокоиться, когда она ему не ответит. Что это, если не пренебрежение? Неужели так трудно выполнить единственную просьбу? Разве ему много нужно? Просто знать, где она, и что с ней.

— Ник. Приехали. — окликнул Дима, заметив, что шеф сидит неподвижно и смотрит в одну точку. Машина въехала во двор несколько минут, а он и не собирался выходить. Услышав голос шофера, мужчина мгновенно собрался, выражение глаза стало осмысленным. Открыв дверцу, Никита покинул автомобиль.

— Я могу ехать? Завтра, как обычно? — поинтересовался Дмитрий.

Ник остановился на нижней ступени парадного крыльца и обернулся.

— Да, Дим. Только с Бертой погуляй. Я устал.

— Без проблем.

— И покорми ее.

Распрощавшись с шофером, Скворцов вошел в дом. Его шаги гулким эхом раздавались в пустой гостиной. Он напрасно надеялся. Маргариты не было дома. Тоска, обида и гнев сдавили грудь стальным кольцом. В глубине души мужчина осознавал, что не имеет права контролировать каждый ее шаг, злиться и нервничать. Но он боялся снова потерять Марго. У них было всего три дня, чтобы узнать друг друга. Недостаточный срок для установления полного доверия и взаимопонимания. Их многое объединяло, и иногда Никите казалось,

что он знал эту девушку много-много лет, и порой мог с легкостью угадать ход ее мыслей в тот или иной момент. И все же в ней было столько противоречивого и неразгаданного, что ему становилось жутко и страшно, что он никогда не сможет проникнуть за невидимый барьер ее души и надежно поселиться в охраняемых глубинах сердца Маргариты. Знакомая незнакомка. Именно так он назвал ее про себя, когда увидел впервые. Знакомые жесты и мимика, быстрые или чрезмерно замедленные движения, живость лица, но совершенно иные черты. Она напомнила ему кого-то, давно забытого, но очень дорогого... Всколыхнула чувства, о которых Ник и не подозревал. С самой первой минуты знакомства он понял, что обязан быть рядом с этой девушкой. Словно искал ее всю жизнь, и узнал с одного случайно брошенного взгляда. Теперь случившееся три года назад не казалось мужчине безумным наваждением или импульсом. Она уверенно и в тоже время робко вошла в его жизнь, чтобы дать еще один шанс, и изменить все, что было до нее. Подарить надежду и успокоение, вернуть веру в любовь.

И вот ее нет. Он стоит посередине гостиной с подарком в руках и тоской в сердце. Страх постепенно овладевает всеми чувствами мужчины. Что-то не так, говорит внутренний голос. И на подсознательном уровне Никита тонко чувствует, что с Маргаритой происходит нечто страшное, дурное.

Перерыв весь дом Ник к своему ужасу убеждается, что Марго не забыла ни телефон, ни планшет. А, значит, ничто не мешает ей ответить на звонок или сообщение. Не хочет, игнорирует. Он неуместен? Она не одна? Снова сбежала? Приехал Макс? Мысль с несостоявшимся обманутом женихе только подхлестнула негодование Скворцова. Ревность — самое страшное из чувств, и оно бьет без промаха. Прямо в сердце. Долгие годы Никита не знал, что такое ревность. У него было много женщин, и с некоторыми складывались сравнительно длительные отношения, но он никогда не ревновал, не безумствовал от мысли, что его спутница может быть равнодушна к кому-то еще. И ему не изменяли. Никогда. Отношения заходили в тупик и распадались. Ник уходил раньше, чем приходило желание изменить самому. Обидеть женщину — что может быть хуже и вероломнее? Но он обидел Диану. И сожалел об этом, не сделать ничего не мог. Страсть к Марго стерла все прежние установки и мировоззрения.

И вот ее нет.

Скинув пиджак в кресло, Никита ослабил галстук и резким движением сорвал его, расстегнул верхние пуговицы рубашки. Дышать стало гораздо легче. Взгляд остановился на покинутой, никому не нужной коробочке в розовой бумаге с сердечками. Она небрежно валялась на диване, а он с таким трепетом выбирал...

— Какой дурак. — горько усмехнулся Ник, проходя к стойке бара. — Она сейчас придет. Не может не придти.

С этими мыслями, он взялся за бутылку коньяка. Напиться, чтобы не думать. Да, в чем-то мы все очень похожи между собой. Праведники и грешники одинаково сбегают от проблем. Ищут забвения. Кто в религии, кто в бутылке, кто, с головой погружаясь в работу. А для некоторых мятежных душ единственным пристанищем становится безумие. Именно безумия Ник боялся больше всего. Но оно преследовало его, шло по пятам, будило каждую ночь. Страх отступил, когда пришла Маргарита.

И вот ее нет.

Когда бутылка коньяка опустела ровно наполовину, Никиты Скворцов признался себе, что одержим. И у его одержимости есть имя.

Когда хлопнула входная дверь, Ник уже был мертвецки пьян. Открыв глаза, он увидел прекрасное видение, взирающее на него с нескрываемым изумлением.

— Ты напился? — вместо приветствия, прозвучал вопрос.

Маргарита медленно подошла к нему, подняла с пола пустую бутылку, повертела в руках и отнесла в мусор. Ник следил за каждым ее движением, ища подвох в любой мелочи. Небрежная прическа, помятое платье, осыпавшаяся под глазами тушь.

— Где ты была? — голос звучал неровно, и Ник из-за всех сил пытался взять себя в руки. Кого черта он столько выпил?

— Ты же знаешь. — обернувшись, сказала Марго. Зеленые глаза скользили по его лицу со смешанным чувством осуждения и теплоты. — Я навещала Ди.

Девушка подошла и села рядом. Заметила подарок. Нежная улыбка оживила ее черты.

— Мне? — спросила она. Ник мрачно кивнул.

— Так мило. Спасибо, милый. — наклонившись Марго легко коснулась губами небритой щеки. Развернув подарочную бумагу, она открыла футляр. Глаза расширились от восхищения и восторга. И Никита смягчился. Она не была похожа на предательницу, и ее искренность успокоила его.

— Боже, Ник, какая красота. — воскликнула девушка, с благоговением проводя кончиками пальцев по переливающимся драгоценностям. — Наверно, ты снова потратил кучу денег. Ну, зачем? — она с укором подняла на него глаза.

— А ты не понимаешь? — сухо спросил он, приподняв ее лицо за подбородок. Недоумение Марго не было наигранным.

— Нет, я не понимаю.

— Я хочу делать подарки той, кого люблю. Что в этом плохого?

— Ты поэтому напился? Обмывал мой подарок? — робко улыбнувшись, спросила девушка.

— Ты не отвечала на мои звонки! — рыкнул Ник. Марго нахмурилась, отстранила его руку и принялась рыться в своей сумке, которая лежала на ее коленях. Она достала телефон.

— Черт, наверно, я случайно перевела его на беззвучный режим. — пробормотала она. — На, сам посмотри.

Ник наступил на горло мужской гордости, и взял телефон. Марго не обманула. Но она могла и специально отключить звук перед тем, как войти в дом. Но ее чистые и лучистые глаза развеяли последние сомнения. Девушка широко улыбнулась.

— Ты ревновал? Да? Боже, Ник. Ты ненормальный. — она мягко рассмеялась, погладив мужчину по щеке. Взгляд ее приобрел задумчивое выражение.

— А если бы я не вернулась? — спросила она неуловимо изменившимся голосом. Ник вдруг понял, что ей важен ответ, и это не праздное любопытство.

— Я найду тебя даже на краю земли. — ответил он, серьезно глядя в глаза.

— А если не найдешь?

— Я умру. — выдохнул Ник и порывисто заключил ее в объятия. Он тяжело дышал в ее затылок, и девушка ощутила под своими ладонями неровное и сильное биение сердца мужчины. Она поверила ему.

— Завтра я познакомлю тебя с отцом. Он придет к нам на ужин. — прошептал Ник.

— Хорошо. Я буду рада.

Запланированную на следующий день встречу с дядей пришлось перенести. Марго решила порадовать Ника и до самого вечера готовилась к ужину с Андреем Скворцовым.

Она собиралась блеснуть кулинарными способностями, приготовив множество изысканных блюд. Раньше ей не приходилось собирать стол для гостей, но она часто присутствовала на кухне, когда готовила Диана и нередко помогала ей. Получилось очень неплохо для новичка. Пара салатов, запеченный картофель, жаркое с грибами, со вкусом сервированный стол. Цветы и фрукты.

— Как в лучших домах Парижа. — самодовольно заметила Марго, изучая творение своих рук со стороны.

Хлопоты с ужином помогли девушке отвлечься от внутренних проблем и тяжелых мыслей. Она словно щелкнула невидимым выключателем, и двинулась на другой, размеренной и спокойной волне. Дала себе отсрочку и передышку. Марго улыбалась, поправляя салфетки на столе, и вспоминала, как жарко было в спальне этой ночью. То, что творил с ней Ник, заставляло гореть ее лицо даже спустя много часов. Его прекрасное сильное тело, перекачивающиеся мышцы и искусные ласки доводили ее до иступления. Он был неутомим и бесподобен в своей страсти. Щедр, настойчив, требователен и бесконечно нежен. Чуток и изобретателен. Порочен, но этот факт ее только вдохновлял. Если каждая ночь будет такой, они однажды сгорят или... остынут. Хотя последнее маловероятно. Фантазиям Ника не было конца.

Переодевшись в длинное шелковое струящееся платье, подробно повторяющее каждый изгиб стройного тела, и распустив по плечам черные, как смоль, волосы, Марго спустилась в гостиную и присев на один из стульев возле сервированного стола, принялась ждать Ника и его родителя. Никита мало рассказывал об отце. То, что ей было известно о этой загадочной фигуре, Маргарита почерпнула из разговоров с Дианой. Кажется, он на длительный период исчез из жизни сына, и ему пришлось заботиться о матери и младшей сестре, выживать в сложных условиях. Но Марго не знала, где была его мать сейчас, и как отец снова вернулся к нему, и что случилось с сестрой Ника. Дни, что Марго провела с Никитой, были наполнены страстью и счастьем, им обоим было не до разговоров. И эпизод с Даниилом стал единственным исключением. Девушка радовалась, что ей представился случай узнать побольше о семье любимого человека.

Отец и сын прибыли ровно в шесть вечера. Марго встречала их в просторной прихожей. Андрей Скворцов оказался совсем не таким, каким его представляла Маргарита. Ниже ростом, чуть шире в плечах, подтянутый и серьезный мужчина. Легкая седина на русых волосах и внимательный цепкий взгляд голубых глаз, волевое лицо, твердая линия подбородка, тонкие губы. Ник не был похож на отца. Совсем. Ник не на кого не был похож. Девушка приветливо улыбнулась Андрею Скворцову, пожав его руку, и перевела взгляд на Никиту. Его лучезарная голливудская улыбка отозвалась сладкой болью внизу живота, щеки предательски вспыхнули, когда он наклонился, чтобы поцеловать ее. Температура вокруг них резко повысилась.

— Привет, малыш. — прошептал он, обжигая ее губы дыханием. — Скучала?

— Да. — кивнула она, и смущенно отстранившись, посмотрела на гостя. — Пожалуйста, проходите в гостиную. Уже все готово.

Андрей внимательно наблюдал за девушкой. Она показалась ему чрезвычайно привлекательной и милой. Ее отличала от других искренняя доброжелательность и открытость. Девчонка явно не искала выгоды от отношений с его сыном.

Когда все уселись за стол, избранница сына принялась суетливо ухаживать за мужчинами. И они с трудом уговорили ее присоединиться к ним. Марго села рядом с Ником,

оказавшись напротив его отца.

— Маргарита, простите меня за нетактичность, но скажите, пожалуйста, сколько вам лет? — неожиданно спросил Андрей Скворцов. Его любопытство объяснялось просто. Девушка показалась ему очень юной. Слишком юной. Его сын был, несомненно, красив и держал себя в отличной форме, но все равно разница в возрасте бросалась в глаза. Никите, конечно, не понравился вопрос, о чем свидетельствовал грозный взгляд, брошенный на отца. А вот Марго совершенно не смутилась.

— Двадцать один. Но многие говорят, что я выгляжу младше своих лет. — улыбнулась девушка.

— Это так. Вы — очаровательное создание. Я прекрасно понимаю, почему мой сын в последнее время сам не свой. Он практически сбежал с моего юбилея. — Скворцов старший отведать один из салатов. — Вкусно. Вы сами готовили?

— Конечно. Вы знаете, что Ник — великолепный кулинар?

— Нет. Мы не жили с ним в одном доме... — Андрей посмотрел в потемневшее лицо сына. — С тех пор, как он научился готовить. А я, признаться, терпеть не могу суету на кухне. Для меня готовит проходящий повар.

— Красиво жить не запретишь. — усмехнулся Ник. — Но мне нравятся пирожки тети Маши. Как она? Еще не рассыпалась? Ей, наверно, уже семьдесят.

— Но бегают, как семнатка. — хохотнул Андрей. — Я ей даже завидую. И ее мужу тоже.

— Сам-то жениться не надумал? — спросил Никита, накладывая в свою тарелку картофель.

— Только после тебя. — пошутил Скворцов старший и подмигнул Маргарите. — Знаешь, милая, ты первая девушка, с которой меня познакомил сын. Так что ждать мне осталось не так долго.

— Папа!

— А что? Мне много лет, сын. Я еще хочу понянчить внуков, пока не одряхлел.

Марго внезапно побледнела, отвела взгляд, и снова начала суетиться. Она подлила мужчинам вина и убежала за горячим.

— А разговоры о браке и детях ее нервируют. — задумчиво заметил Андрей, провожая девушку взглядом.

— Просто ты смущаешь Марго. — заступился Ник.

— Хорошо, если так. — покачал головой его отец.

Когда Маргарита вернулась, отец и сын подняли более безопасные темы. Поговорили о политике и погоде, и веяниях в бизнесе, которым занимался Ник. Особенно долго Андрей хвалил достоинства сына. Но ни один из мужчин не вспоминал о матери Ника или сестре. Попахивало семейной драмой. Марго усмирила разыгравшееся любопытство. Ей бы в своей жизни разобраться.

— Маргарита, Ник говорил мне, что вы учитесь на филолога. И как вы видите свое будущее? — неожиданно обратился к ней Андрей Скворцов. Девушка встрепенулась. Она задумалась о своем, и не уловила суть вопроса.

— Простите? — смущенно уточнила Марго. Мужчина нахмурился, брови сошлись на переносице, но улыбка оставалась дружелюбной и вежливой.

— Профессия. — пояснил Андрей. — Вы думали, где будете работать?

Маргарита растерялась, пожала плечами, быстро взглянула на Никиту.

— Я... я не знаю. У меня еще есть два года, чтобы определиться. — пробормотала она,

чувствуя нарастающую панику.

— Но вы же строили предположения, когда поступали. — настаивал Скворцов старший.

— Нет. — нервно тряхнула головой Маргарита, пальцы инстинктивно потянулись к новым серьгам из подаренного Никитой комплекта. Она теребила то застёжку от серьги, то выющийся локон, заправленный за ухо. Пристальный взгляд Андрея Скворцова не упускал ни одного движения, отмечая и запоминая каждый жест девушки. Подруга сына вела себя странно. Неестественная улыбка теперь казалась приклеенной к губам, лихорадочные манипуляции с руками бросались в глаза постороннему наблюдателю и слегка раздражали, а еще эта беготня туда-сюда и чрезмерно оживленная мимика лица.

Словно прочитав мысли гостя, Маргарита одернула руки от лица и сложила их на коленях.

— Моя тетья — декан филологических наук. Я думаю, что сей факт объяснить мое решение относительно выбранной профессии. — голос девушки выдал ее внутренне напряжение. Она вдруг не к месту рассмеялась, правая рука потянулась к сережке.

Андрей бросил на сына долгий многозначительный взгляд, но Никита наблюдал за любимой со слепым обожанием.

— Простите, я смутил вас. — Андрей выдавил улыбку. — Я настойчив. Сын ругает меня за прямолинейность. Я замечаю странную тенденцию в последние годы. Молодежь ни к чему не стремиться, не строит планов. Мы, например, мечтали стать космонавтами, пожарными или военными.

— Но стали бизнесменами. — закончила за него Марго. Андрей облегченно вздохнул. С логическим мышлением у девчонки все нормально. — А я никогда не мечтала. Так сложилось. Может быть, я просто не чувствовала потребности в мечтах. Моя тетья — мечтатель, и ничего хорошего фантазии ей не принесли.

— Выходит, что вы — материалистка?

— Наверно, больше да, чем нет. Я молода, имею в запасе достаточно времени, чтобы изменить свои планы и взгляды на жизнь.

— Это так. — согласился Андрей Скворцов, и откинувшись на спинку стула, мечтательно вздохнул. — Эх, юность. Дети, как я вам завидую. У вас все впереди.

— Пап, ты опять! — усмехнулся Ник. — Марго, он все время записывает себя в стариканы, но на самом деле напрашивается на комплимент. И это действует. Последней его подружке тридцать восемь лет.

— Она меня жалеет. — отмахнулся мужчина.

— Ну, конечно. — покачав головой, иронично улыбнулся Никита.

Маргарита внезапно напряглась, взгляд ее устремился к открытому окну.

— Господи, Ник. Почему твоя собака все время воет? — воскликнула она, прижав кончики пальцев к вискам. — Как меня раздражает этот лай.

— Я ничего не слышу, милая. Ты преувеличиваешь. Загон Берты находится в глубине сада. Она просто просится на прогулку.

— Вы не любите животных? — тут же ухватился за фразу девушки, любопытный гость. Марго отрицательно покачала головой.

— Почему?

— Откуда мне знать? У нас в доме никогда не была питомцев.

— Пап, вряд ли выбранная тема так уж важна. — вступился Ник, почувствовав, что Марго начинает нервничать.

— Да, как скажешь. — кивнул Андрей, задумчиво разглядывая непроницаемое лицо избранницы сына. Он не мог определить, что именно его так сильно смущает в ее поведении, и боялся, что дальнейшие расспросы испортят отношения с сыном.

Ужин закончился неожиданно быстро. Разговор не клеился. Марго витала в своих мыслях, а мужчины чувствовали себя неловко от того, что не могут заинтересовать девушку. Она оживилась, только, когда Андрей Скворцов изъявил желание покинуть гостеприимный дом сына. Проводив гостя до ворот, Марго искренне улыбнулась на прощание и сказала, что была безумно рада познакомиться с отцом своего любимого.

— Тебе не понравился папа? — осторожно поинтересовался Никита, когда они вернулись в дом. Маргарита убирала со стола, не глядя на него.

— С чего ты взял? По-моему, это я пришлась ему не по душе. — сухо ответила девушка, складывая на поднос грязную посуду.

— Ты придумываешь.

— Думаешь?

— Да. Просто папа любит задавать каверзные вопросы. — сообщил Ник. — Я помогу тебе. — Он подошел к Марго, забрал поднос и унес на кухню. Тема была закрыта.

Маргарита последовала за ним.

— Я помою посуду, а ты отдыхай. — сказала она, прямым направлением к мойке. Но Ник остановил ее, мягко взял за плечи и развернул к себе. Марго неуверенно взглянула в глаза мужчины.

— Ты приготовила чудесный ужин. Очень старалась. Это тебе нужен отдых. Я все уберу. А ты иди наверх, и жди меня. Хорошо? — нежная улыбка согрела ее сердце. Девушка с благодарностью прильнула к нему, обняла за талию.

— Ты самый лучший, Ник. Не думала, что однажды встречу мужчину, готового мыть посуду и готовить... и ходить со мной по магазинам. — она глухо рассмеялась, уткнувшись носом в его плечо, втянула знакомый и волнующий аромат Никиты. Туалетная вода, виски и неповторимый мужской запах.

— Я хочу баловать тебя, Маргарита. — признался он, проводя ладонями по распущенным волосам девушки.

— И ты преуспел. — подняв лицо, она потянулась за поцелуем. И Ник не заставил себя долго ждать.

— Ну, все. Я наверх. — с трудом оторвавшись от любимых губ, Марго шаловливо погрозила Скворцову пальцем. — Только не заставляй меня долго ждать, иначе усну.

— Я тебя разбужу. — многообещающе улыбнулся Ник.

Переодевшись в легкий прозрачный пеньюар, Казанцева прилегла на кровать, включила телевизор, чтобы отвлечься от раздражающего лая Берты за окном. Ни одна из транслируемых передач не показалась девушке достойной внимания. И она отправилась в кабинет Ника на поиски книжки, за которой можно скоротать время. В большом шкафу со стеклянными дверцами была собрана впечатляющая библиотека, но Маргариту заинтересовал стол Никиты, заваленный бумагами и папками.

— Вот, неряха. — с улыбкой, бросила Марго, открывая верхний ящик стола. Она сделала это неосознанно, автоматически, без всякого умысла. У нее и в мыслях не было рыться в личных вещах Ника.

— О, именно ее я и искала. — обрадовалась девушка, взяв в руки томик со стихами Асадова. Лирика привлекала Марго больше чем слезливые женские романы. Она открыла

книжку, пробежав глазами по первым строчкам.

— «Стихи о бездомной дворняге». Ник, ты точно равнодушен с страданиям животных. — вслух комментировала девушка. Углубившись в чтение, она села в большое и удобное кожаное кресло, так же инстинктивно протянула руку, чтобы закрыть ящик, и совершенно случайно ее взгляд скользнул внутрь. Отложив томик со стихами в сторону, Марго нахмурилась. На долю секунды она решила, что у нее разыгралось воображение или зрение подвело. Она даже с остервенением захлопнула ящик. Задумалась, прикусила нижнюю губу, снова открыла.

Нет, не показалось. Поколебавшись, Маргарита взяла свой мобильный телефон, который считала безнадежно утерянным. Если бы не розовый чехол, она могла бы подумать, что обозналась, и придумать массу оправданий для Никиты.

Она напряженно смотрела на темный экран. Сердце тревожно екнуло. Сотовый не включался, зарядка давно закончилась.

Как это понимать?

Марго растерялась, мысли смешались. Она пыталась найти объяснения поступку Ника, и не находила.

— Малыш, ты здесь? — веселый жизнерадостный голос любимого вывел девушку из состояний протрации.

Ник энергично ворвался в кабинет, и сразу все понял, заметив в руках Марго мобильник. Сначала он побледнел, потом смутился, скулы резко обозначились на напряженном лице мужчины.

— Ничего не хочешь объяснить? — холодно спросила Марго, положив телефон на стол. Он не моргал, и не сводил с нее глаз. Губы плотно сжались, на щеках играли желваки.

— Ник? — она требовала объяснений. И была права.

Сунув руки в карманы брюк, Никита продолжал сканировать ее взглядом. И молчал. Маргарита начала закипать. Его упрямое нежелание отвечать только подливало масло в огонь ее праведного возмущения.

— Что ты искала в моем столе? — вместо объяснений, он начал предъявлять претензии. Ну, конечно, лучшая защита — это нападение. Но не на ту напал.

— Твоим столе? — на повышенных тонах спросила Маргарита. — У нас разве есть секреты друг от друга, Ник? Или ты считаешь, что имеешь права присваивать мои вещи, а я не могу взять книжку со стихами, не спросив разрешения? Какого черта?

— Не ругайся, тебе не идет. — Никита отвел взгляд. Она успела заметить стыд в его глазах. Все-таки он понимает, что свалил дурака. Это хороший симптом.

— Послушай, я не хочу сориться. Но я не могу оставаться с человеком, страдающим маниакальной манией преследования. — миролюбиво сказала Марго.

— Я не преследую тебя. — возмутился Ник.

— Ты украл мой телефон, купил новый, в который записал только свой номер и дал мне понять, что не желаешь видеть в записной книжке телефоны других абонентов. Ты по сто раз на дню звонишь мне, заваливаешь сообщениями и устраиваешь допрос, когда я не отвечаю. Ты, что всерьез думаешь, что, если я буду с тобой, то, все остальные близкие мне люди, исчезнут из моей жизни?

— Что значит — если ты будешь со мной? Ты уже со мной. — Ник шагнул к разделяющему их столу, и пронзительно взглянул в глаза Марго.

— Это ты так решил? — скрестив руки на груди, спокойно осведомилась девушка. Боль

и гнев затопили синеву глаз Ника. Он отшатнулся от нее, словно она ударила его.

— Зачем ты мучаешь меня, Маргарита? — тихо спросил Никита, опускаясь на стул возле стены.

— Я хочу понять тебя, Ник. Ты не доверяешь мне?

Обогнув стол, девушка медленно приблизилась к Скворцову.

— Или себе? Что с тобой происходит, Ник? Ты хочешь держать меня здесь, как в клетке? Рядишь, как куклу, даришь подарки, водишь по ресторанам, выгуливаешь. Но я не Берта, не твой домашний любимец.

— Я знаю! — крикнул он, вскакивая на ноги. Они стояли напротив друг друга, тяжело дыша от злости, обиды и непонимания. Внезапно выражение лица Никиты неумолимо изменилось. Глухое отчаянье исказило красивые мужественные черты. Никогда он не казался ей таким уязвимым и нуждающимся в ней, как в этот момент. Сердце Марго болезненно сжалось и потянулось к нему. Он неуверенно и нежно коснулся пальцами ее лица, медленно провел вдоль линии скул, заправил за ухо непослушный длинный локон. Она слышала, как оглушительно бьется его сердце, глаза защипало от слез. Его боль была осязаемой. Почему ему так больно?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Прости меня. — прошептал он. Длинные черные ресницы прикрыли полные тоски глаза. — Больше всего на свете... Я боюсь потерять тебя. Сам не знаю, что на меня нашло. Я ревную тебя даже к воздуху, которым ты дышишь, к твоей одежде и мыслям.

— Ты не потеряешь меня, если научишься доверять. — мягко произнесла Марго, перехватив и ласково сжимая его пальцы, ласкающие ее лицо.

— Я доверяю, Маргарита. — он порывисто прижал ее к себе, вдохнул аромат ее волос. — И все равно боюсь. Ты не знаешь, как это страшно, когда...

— Когда что? Скажи мне. — попросила она, обнимая его.

— Когда ты одинок. Совсем. Когда все, кто тебе дороги, уходят, не объясняя причин. И ты во всем винишь себя, потому что искреннее не понимаешь, почему они бросили тебя.

— Ты имеешь в виду родителей?

— Прошу тебя, милая, не спрашивай меня. Только не сейчас. Я не хочу, не могу... Просто пообещай, что не оставишь меня, и я поверю.

— Я с тобой, Ник. — Марго отстранилась, чтобы взглянуть в его глаза. У нее дух перехватило, сколько в них затаилось отчаянья и грусти. — Всегда. Я тебя люблю. Очень.

Спустя несколько часов, засыпая на его плече, Маргарита подумала о том, что на самом деле в жизни не существует случайностей. Чтобы не мучило Никиту, чтобы не скрывала она сама, они должны были встретиться и облегчить, разделить боль и одиночество друг друга. Как две половинки разбитого сердца, обреченные соединиться и обрести покой. Если получится, если они сумеют, если справятся...

— Даниил, здравствуй. Это Маргарита Казанцева. Мы могли бы встретиться? — Марго прижала к уху трубку сотового телефона и затаила дыхание в ожидании ответа. Взгляд рассеянно скользнул по прямой и мощной фигуре Дмитрия, стоявшего в сторонке. Ник снова оставил своего преданного водителя в полное распоряжение Маргариты, и она надеялась, что сделал он это не желая проследить за ней, а для ее удобства и безопасности. С самого утра Дима ходил за девушкой по пятам с непроницаемым мрачным лицом, и надоел ей до смерти. Но совсем скоро, возможно... и для него найдется настоящая работа.

— Да, я рад, что ты позвонила, Маргарита. Не ожидал, что так скоро удастся снова тебя увидеть. — после короткой паузы, взволнованно ответил Даниил. Марго облегченно выдохнула, и даже скупно улыбнулась бугаю-телохранителю, но этот профессионал с каменным лицом даже бровью не повел.

— Когда тебе удобно? Я свободна целый день. — быстро проговорила Марго, отворачиваясь от Дмитрия. Чудесный день, солнечный, не очень жаркий. Она вышла поговорить по телефону в сад, где наслаждалась комфортной погодой. Даже Берта не сильно злила своим бесконечным воем. Наверно, Дима успел выгулять любимицу Ника.

— Сейчас я в офисе, но могу приехать домой. Где бы ты предпочла поговорить? — вежливо поинтересовался дядя.

— Твоя квартира подойдет. У меня тут личный водитель под рукой, так, что найти адрес не составит труда. Если, конечно, ты согласен пригласить меня к себе. Разговор будет очень личный, и свидетели ни к чему. — деловым тоном сообщила Маргарита.

В трубке снова повисла неловкая пауза, Марго нервно прикусила нижнюю губу и сделала неправильный вывод.

— Я готова подъехать в любое место. Просто скажи, где тебе удобнее.

— Что-то случилось? — напряженно спросил Даниил. — Ты говорила с Дианой? Сказала ей обо мне?

— Нет, не волнуйся. У меня действительно был откровенный разговор с тетей, но тебя я не упоминала. Мне нужно знать и другую версию событий, чтобы сделать окончательные выводы. — голос Марго прозвучал убедительно и спокойно, но Даниил по-прежнему нервничал.

— Маргарита, я не уверен, что знаю больше, чем Диана. Не стоит ворошить прошлое. Это было так давно...

— Я знаю, как умерла мама. Мне нужны ответы. — настойчиво произнесла Марго. — Ты можешь отказаться от встречи, и мы больше никогда не увидимся.

— Звучит, как ультиматум. — печально заметил оппонент.

— Он и есть. Так что?

— Запомнишь адрес?

— Да, диктуй.

Квартира Даниила Казанцева располагалась недалеко от станции метро Бабушкино. Небогатый район, старенький десятиэтажный дом, неубранный двор и алкаши на лавочке, распивающие настойку «Боярышника». Даже в Москве есть места, очень сильно напоминающие о «родине». Марго уныло огляделась и, заметив припаркованный

автомобиль своего дяди, сразу определилась с подъездом. Диму оставила внизу, сторожить машину.

— Вы недолго? Мне нужно будет забрать шефа около шести. — перспектива провести полдня в кишачем подозрительными личностями районе, его явно мало радовала.

— Успеем, Дим. Можешь пока съездить на обед. Только не задерживайся. Вдруг разговор не склеится. — попросила Марго.

Подъезд находился в плачевном состоянии. Грязные обшарпанные стены, лифт, пропахший мочой. Девушка перевела дыхание, лишь оказавшись у заветных дверей. Дядя открыл сразу. Видимо, заметил, как она подъехала.

— Привет. Проходи. — широко распахивая дверь квартиры, пригласил Даниил. Он радушно улыбался, но в глазах читалась тревога. Девушка скользнула по нему быстрым оценивающим взглядом. Он успел переодеться в домашнее. Спортивные брюки, свободная футболка неопределенного цвета и тапочки. Волосы включены, в коридоре полумрак, но мебель дорогая, качественная и за порядком мужчина явно следит.

Даниил проводил Маргариту в просторную комнату, которая по всем признакам служила гостиной. Идеально чисто, светло и уютно.

— Ты точно не женат? — окончив досмотр обстановки, спросила Марго, оборачиваясь к дяде. Он наконец-то улыбнулся по-настоящему. И все-таки цвет его глаз немного отличается. Темнее, насыщеннее. Малахитовый оттенок.

— Нет. Не удивляйся. Я мало бываю дома. Некогда разводить кавардак.

— А у меня с этим запросто. — усмехнулась Марго, пристраиваясь на удобном темно-коричневом диване с обитыми кожей боковинами и деревянными подлокотниками.

— Чай? Кофе? Покрепче? — спохватившись, поинтересовался Даниил. Девушка благодарно улыбнулась. Какой гостеприимный! Диане бы поучиться у брата встречать гостей и следить за чистотой в доме.

— Чай. Спиртное мне противопоказано. — ответила Марго.

— Посиди, я быстро. — кивнул Даниил и поспешно скрылся в кухне.

Оставшись одна, Маргарита снова прошлась глазами по немногочисленному убранству гостиной. Полный одобрения взгляд остановился на старинном серванте, до отказа заполненном книгами. Еще один любитель литературы. И судя по состоянию книг, Даниил скупает их не ради коллекции. Потрепанные корешки, отсутствие пыли на полках, далеко не алфавитная расстановка, и даже не жанровая. Сразу видно, что библиотекой пользуются постоянно. Это хорошо. Начитанный мужчина всегда интересен, как собеседник. Отметив про себя издания, с которыми она сама ознакомилась в прошлом, Марго неожиданно заметила на верхней полке небольшую рамку с фотографией. Кровь отхлынула от лица, когда она догадалась, кто был на ней изображен. Девушка вскочила на ноги и два шага оказалась перед сервантом.

Дверцы скрипнули, когда она распахнула их нетерпеливым движением. Руки дрогнули, когда она взяла фотографию. Время остановилось, когда она узнала в девушке не снимке свою мать.

Маргарита прежде не видела лица Мирославы Казанцевой. Живого и улыбающегося, юного и очень похожего на ее собственное. Красивая девушка с копной темных кудряшек, задорными смешинками в глазах и нежной улыбкой. Как ни всматривалась Марго в фотографию матери, ей не удалось разглядеть ни одного признака душевного заболевания. Наоборот, Мирослава казалась счастливой и полной жизни, излучающей внутренний свет.

Марго не помнила ее такой. Сердце в груди заныло, тугой узел образовался в области живота, глаза защищали предательские слезы.

Что же с ней случилось? С этой девочкой с лучиками в глазах?

— Маргарита, чай готов...

Она не слышала шагов Даниила, но мгновенно распознала нотки напряжения в его голосе. Он не договорил заготовленную фразу, заметив, чем занята гостя. Поставил две кружки с чаем на круглый столик возле дивана.

Марго обернулась, с трепетом сжимая в руках образ матери. Глаза ее были полны чувства, а его — неприкрытой боли.

— У тебя есть еще фотографии? — приглушенным голосом спросила она, преодолев расстояние между сервантом и диваном, присела на самый краешек.

— Да. — кивнул Даниил. Выражение лица не поддавалось объяснению. Он умело спрятал чувства, которые Марго успела подсмотреть минуту назад.

— Ты покажешь мне?

— Ты уверена, что хочешь этого? — спросил Даниил, пристально наблюдая за бледным лицом племянницы.

— Уверена. Я хочу помнить ее такой, как здесь.

— Я тоже. — в его словах было гораздо больше смысла, чем он хотел показать. Маргарита начала понимать то, что сначала казалось необъяснимым, преступным и кощунственным. Даниил не бросил семью. Он не мог смотреть, как его сестра медленно угасает.

— Это ты посылал деньги? — осенило ее. Даниил отвел глаза. Марго попала в точку.

— Диана не знает?

Мужчина отрицательно покачал головой, бесстрастно отвечая на требовательный взгляд Маргариты.

— Но почему? Неужели ты не мог объяснить ей? Диана — она сильная, храбрая. Она бы поняла. Знаешь, зачем я пришла?

Еще один кивок головы. Сегодня Даниил не настроен много разговаривать. Но Марго осознала, что и без слов хорошо его понимает. Неудивительно — они же семья.

— После нашей встречи в кафе, я решила узнать правду о смерти мамы. Когда ее не стало, я была маленькой и ничего не помнила... — Марго передернула плечами. Ей вдруг стало очень холодно. Потянулась к кружке с горячим чаем. — И у Ди не спрашивала. На самом деле, мне не хотелось знать. Я боялась правды, словно чувствовала, какой страшной оказалась судьба мамы. А потом увидела тебя... И поняла, что не имею права и дальше прятать голову в песок. Я поехала к Диане, учинила ей допрос, но о тебе ни слова, как и обещала.

— И... она рассказала? — самообладание на долю секунды оставило Даниила Казанцева. На лице явственно читался страх.

— Да. — тяжело вздохнув, ответила Маргарита. Блестящие от непролитых слез глаза замерли на снимке матери, которой она все еще сжимала в левой руке. — Это так страшно, Даниил. Когда Диана закончила говорить, я отчетливо вспомнила маму... Мертвую, в крови на полу. Ее нашла соседка, которая приглядывала за мной. Так несправедливо, что именно этот момент отпечатался в моей голове.

— Мне очень жаль, Маргарита. — пронзительным, полным горечи голосом произнес Даниил. — Жаль, что меня там не было. Чтобы помочь ей и уберечь тебя от душевной

травмы.

— Но я за этим и пришла. — Марго сморгнула слезы, прижала ладонь к влажной щеке. — Пришла спросить... Почему тебя там не было?

Немое страдание отразилось в каждой черточке Даниила Казанцева. Марго покачала головой. У нее тоже не было слов.

— Прости, Маргарита. Я и сейчас не могу тебе помочь. — хрипло сказал он. — Слишком поздно, чтобы исправлять ошибки.

— Но я понимаю. — воскликнула Марго, протягивая руку и накрывая подрагивающую ладонь дяди. — Тебе было страшно. Так бывает. Диана тоже боялась. Но женщины порой бывают сильнее мужчин. Я знаю. Так часто случается. Мужья уходят от жен, узнав, что их ребенок безнадежно болен, отказываются наблюдать за страданиями близким, понимая, что дни их сочтены, не потому что не любят их... нет.

— Ты так добра ко мне, девочка. — горько сказал Даниил. Необъяснимое выражение застыло в глазах. Он осторожно убрал руку. — Ты просто очень молода. Я не заслужил твоей жалости и понимания. Я виноват, Маргарита. Только я один и виноват.

— Почему? В чем ты виноват? Мама была больна. И ты не нашел в себе сил, чтобы...

— Нет, Марго, нет. — Даниил прервал взволнованную речь Марго. — Не ищи мне оправданий. У меня было много лет для раздумий, и я не нашел даже маломальского объяснения своей трусости. Я думал, что без меня Мирославе станет лучше. Тогда я не понимал, что теряю ее навсегда, не понимал, что... убиваю ее. Хотел исправить, думал только о себе...

— О чем ты говоришь? — в недоумении спросила Маргарита. Сбивчивая речь Даниила только больше запутала ее. — Или ты знаешь то, что не знает Диана? Скажи мне. Это о моем отце? Ты был с ним знаком? Он что-то сделал с мамой, а ты не смог ей помочь? И поэтому сбежал? Кто он? Почему бросил ее в таком состоянии?

— Он не знал, Маргарита. Не знал, что она... что Мира была в положении. Он уехал в другой город, когда твои родственники отказались поддерживать с ним отношения. — Даниил не смотрел на Маргариту, каждое слово давалось с трудом. За пару минут мужчина постарел на десяток лет. — Ему не сообщили. Даже о смерти Мирославы... он узнал только через несколько месяцев. И никогда не возвращался домой, не видел ее могилы.

— Не понимаю. — Марго нахмурилась, разглядывая исполненное боли и раскаянья лицо Даниила Казанцева.

— Подожди. Сейчас... — мужчина порывисто встал и вышел из комнаты, оставив девушку в полном смятении чувств. Что это сейчас было? Она совсем ничего не поняла из сбивчивого монолога Даниила.

Казанцев вернулся быстро, в руках он держал старый потертый альбом с фотографиями в обитой бархатом обложке.

— Ты просила. Тут все, что удалось сохранить. — Даниил сел рядом с Марго и положил ей на колени альбом. Нервным движением руки открыл его. Взгляд Маргариты остановился на черно-белом ряде фотографий. — Это мама. Твоя бабушка. Такая молодая. Дианка очень на нее похожа. Правда?

Марго согласно кивнула, погружившись в изучение снимков. Даниил листал страницу за страницей, и на каждой частичка истории ее семьи. Она затаила дыхание. Это, как путешествие в прошлое. Захватывает. И наполняет сожалением и тоской.

— А это папа. Он ушел от нас, когда мне было шесть лет. Я его плохо помню.

— Ты в него. — заметила Маргарита. — И мама тоже. Почему он ушел?

— Встретил другую женщину. Мы никогда больше не встречались. А это я иду в первый класс.

— Смешной. А что за девчонка за спиной?

— Мира. — теплая улыбка согрела глаза Даниила. — Она с детства ходила за мной по пятам. А вот мы в зоопарке. Динка в стороне. Мы ее раздражали. Она воображала, что самая умная и взрослая, хотя была младшей в семье. Смотри, это твоя мама в Крыму. Красавица, правда? Ей здесь пятнадцать. Мы в первый раз выбрались на отдых к морю все вместе. Я устал отгонять от Миры джигитов. Проходу ей не давали.

— О, а это твоя подружка? — усмехнулась Марго, ткнув пальцем в цветную фотографию, где совсем юный Даниил обнимает невысокую рыжую девочку.

— Да, это мой выпускной. — губы мужчины дрогнули, улыбка погасла.

Маргарита продолжила листать альбом. И чем дальше, тем тревожнее становилось на душе. Почти на всех снимках была ее мать и ее брат. Улыбающиеся, молодые, радостные. Или только Мирослава, загадочно смотрящая в объектив. И на одиноких кадрах она не улыбалась... Ее глаза выражали печаль и тайну, и... любовь?

— Кто ее фотографировал? — тихо спросила Маргарита, подняв задумчивый взгляд на Даниила.

— Я. — ответил он.

Девушка вздрогнула, открыв последнюю страницу.

Выпускной ее матери. Прекрасная Мирослава Казанцева в струящемся белом платье с открытыми плечами. Развевающиеся на ветру черные локоны и тихая печальная улыбка. А рядом с ней в этот знаменательный день не самый красивый и популярный мальчик из класса, и даже не очкастый ботаник, и не студент-старшекурсник, а ее брат...

— Маргарита, ты не должна верить Диане. Мира... твоя мама родилась здоровой девочкой. Все, что случилось потом...

— Нет. — побледнев, Марго захлопнула альбом, резко вскочила на ноги. Она смотрела на Даниила Казанцева диким взглядом. То, что Маргарита увидела сейчас в его глазах, в глазах матери на снимке наполняло ее душу ужасом и гневом. Она отказывалась верить, боялась признаться, взглянуть в лицо фактам... Понять скрытый смысл фраз Даниила...

Марго думала, что больнее, чем в тот день, когда Диана рассказала о болезни мамы, уже не будет, невозможно. Она ошиблась.

Есть что-то пострашнее безумия души.

Безумие любви. Запретное, преступное чувство...

Мирославу убила не болезнь.

Это сделала любовь.

Любовь, которой не было места в нормальном мире. И она ушла в ту реальность, где не существует границ и запретов.

Бумажная девочка никогда не умрет, и будет жить вечно на снимках, запечатлевших их преступления.

Вот он — вымышленный мир ее матери. Марго только что держала его на своих коленях.

Огонь и ножницы.

Мирослава выбрала второе.

А у Маргариты выбор был богаче. Она могла выбрать жизнь...

Но безумие не выбирает.

Кто знает, может, оно живет в каждом из нас и ждет своего часа. И достаточно одного шага, чтобы сорваться в бездну.

Есть тайны, которые не следует раскрывать, ибо мы не знаем, какую тьму способны пробудить своим неосторожным стремлением к правде.

— Ник, ты не занят? — в приоткрывшихся дверях личного кабинета Никиты Скворцова, появилось хорошенькое личико Софии Руслановой. Солнечные лучи, падающие из окна, вспыхнули, встретившись с золотом волос девушки. Он знал Соню много лет, но никогда не уставал удивляться тому, как щедро ее наградила природа. И по личному опыту знал, что огненными были не только волосы Софии. Их яркий и бурный роман закончился семь лет назад, но им удалось сохранить дружеские отношения. А настоящих друзей Ник умел ценить по достоинству. Разбогатев и заняв кресло отца, он не забыл о тех, кто был рядом и поддерживал в трудную минуту. Таких людей было трое. Сонечка Русланова, Марк Стоянов и Светлана Слепцова. И только Светлана не согласилась работать в компании старого друга, что не сильно расстроило Никиту. Слишком много тяжелых воспоминаний было связано с этой женщиной, слишком много она знала о нем. Иногда они созванивались, и даже встречались, чтобы выпить кофе, но в последнее время общение происходило все реже. Ник прекрасно понимал, в чем причина. Сердобольный инспектор по делам несовершеннолетних решила, что мальчик вырос и больше не нуждается в ее опеке и утешении. И отчасти была права...

Задумавшись о своем, Никита не сразу осознал, что Соня все еще топчется в дверях, не решаясь войти без разрешения.

— Прости, София. Я отвлекся. Заходи. — кивнул он, закрывая крышку ноутбука. — Присаживайся. — легким жестом указал на стильное кожаное кресло возле стола.

Соня лучезарно улыбнулась, смело проходя внутрь. В руках зажат планшет, ручка торчит из небрежного скрученного на затылке пучка волос. Она всегда строго следовала установленным в компании правилам дресс-кода, но даже в официальном костюме умудрялась выглядеть чертовски соблазнительной. Нужно быть слепым, чтобы не заметить ее неоспоримой женственности. И в этом заключался секрет высокого коэффициента заключенных сделок, проводимых Руслановой. Она излучала энергию и неугасаемый оптимизм. Грациозная, пышущая здоровьем, гибкая, как молодая лань, и изумительно-красивая. Но даже огромный перечень достоинств Сони не смог надолго удержать внимание Никиты Скворцова. Хотя... Все могло сложиться иначе, если бы он не погряз с головой в проблемах сестры. На тот момент Никита не мог думать ни о ком, кроме Юли. София поняла и приняла его решение, и сама предложила дружбу. И вот уже пять лет, как она трудится в его компании, и справляется со своими обязанностями на пять с плюсом.

— Что за лицо? Ты где витаешь? — плюхнувшись в кресло, любопытствовала Соня. Ник повел плечами, откидываясь назад. В голубых глазах девушки появились задорные смешинки. — О, я узнаю этот взгляд. Вы помирились? — Отложив в сторону планшет и сложив локти на столе, Русланова подалась вперед. Скворцов не понял сути вопроса, и озадаченно нахмурился.

— А кто-то ругался? — спросил он.

— Ну, как же... — девушка растерялась, и добавила с меньшей уверенностью. — Андрей говорил, что ты пришел на юбилей один. Без хорошенькой блондиночки, которой собирался сделать предложение.

Никита стукнул ладонями по столу и выразительно закатил глаза.

— Я язык ему отрежу. Когда ты успела с ним встретиться?

— Два дня назад. Я показывала две оставшиеся квартиры. Андрей знаком с покупателями и решил лично присутствовать на осмотре.

— Рассказывай. — хмыкнул Ник, насмешливо скриви губы. — У него слабость к рыжим. Вот и подсовывает тебе клиентов. Смотри, папа может проценты натурой спросить.

— Не наговаривай на отца. Андрей — приличный человек.

— Ага! Ты видела его последнюю?

— Да. Хорошая женщина. Но я видела и твою последнюю. И кстати, друг мой, из всех предыдущих вариантов, она показалась мне самой достойной. — Соня широко улыбнулась, блеснула белоснежными зубами. Ник с досадой поморщился.

— Мы с Дианой расстались. — сухо сообщил он, подозревая, что Соня не уйдет без ответов. Почему женщины так обожают сплетни? Им своей жизни мало? Что за потребность сунуть нос в чужие дела?

Энтузиазм на лице Руслановой заметно угас. Она смерила его уничтожающим взглядом, полным наигранного неодобрения.

— Как? Уже? Вы же недавно познакомились! Ник, ты когда-нибудь повзрослеешь? Вот скажи, сколько тебе лет? — девушка прищурила глаза.

— Ну, тридцать. И что? Не улавливаю логики.

— Вот я, как самый старый и преданный друг, сейчас скажу. Жениться тебе надо, Никит. Ты совсем сошлялся. Ни в какие ворота просто. Я уже имена путаю на карточках, когда ты просишь меня цветы очередной подружке послать.

— Ты об этом пришла поговорить? — с опасными негодующими нотками в голосе, спросил Скворцов. — В рабочее время... Поговорить о моей личной жизни, а я, между прочим, твой руководитель. Это за стенами офиса мы друзья, а тут будь любезна соблюдать субординацию.

— Я добра тебе желаю, Ник. — обиделась Соня. Скрестила руки на груди, надулась, как индюк...

— По делу есть вопросы?

— Нет. Я только что сдала офис на Пушкинской. Оплата за полгода вперед. — вздернув подбородок, самодовольно заявила Русланова.

— Умница. Что-то еще? — Никита постучал костяшками пальцев по поверхности стола.

— Мечтаешь меня выпроводить. — проницательно заметила Соня. — Я хотела тебя на день рождения пригласить. Но могу позвонить вечером, во внеурочное время, так сказать.

Скворцов вздрогнул, посмотрел на подругу с раскаяньем.

— Извини, Сонь, я забыл совсем. Прости, а? Когда собираешься отмечать?

— В субботу. — все еще обиженно хмурясь, сообщила София. — Я сняла кафе. Народу будет тьма. Ты же знаешь, как бывает. Позовешь Людку из бухгалтерии, остальные обидятся. Пришлось приглашать всех.

— А меня в последнюю очередь... — иронично заметил Ник.

— Попробуй к тебе подойди. Ты то занят, то злой, как собака. Ой, извини. Деловая этика хромает, каюсь. — Соня прикрыла губы ладошкой и пожала хрупкими плечиками. — Ты один придешь?

— Нет, не один. — взгляд Никиты потеплел, на Русланова заметно оживилась. Начинается... Снова...

— Новенькая? Кто она?

— Ты ее видела. Племянница Дианы.

— Боже! — воскликнула Соня, округлив глаза. — Во все тяжкие подался. А знаешь... — девушка вдруг задумчиво улыбнулась. — Я ведь так и подумала, когда ее увидела.

— Что подумала?

— Что ты здорово промахнулся, выбрав тетю. Но ситуация исправлена. Я рада. Удивительная девушка. Неземная какая-то. Как раз по тебе.

— Это еще почему? — напрягся Ник.

— Она мне Юлю напомнила. Красивая, отстраненная, вся в себе. Ты же у нас любишь спасать несчастных. Помнишь, как мы сошлись? Мне отчим навалял тогда. Я реву, вся в синяках, а ты смотрел на меня, словно я самый родной тебе человек.

— Ты преувеличиваешь. — раздраженно бросил Никита. — Маргарита совсем не похожа на Юлю. Даже отдаленного сходства нет.

— А я не о внешности говорю. Что-то в движениях, жестах... выражение глаз... — Соня насупилась, не сумев подобрать подходящие эпитеты, чтобы описать девушку. — Маргарита стояла и смотрела на меня, слушала, отвечала, но создавалось стойкое впечатление, что на самом деле она где-то не здесь. Словно все, что происходит и движется вокруг нее, не имеет никакого значения. Это даже не пассивность... Не знаю, как объяснить. Но я прекрасно тебя понимаю. Она — красавица. Ради таких, как твоя Маргарита, в древности начинались войны.

— Здесь ты права, Сонь. — кивнул Ник, легкая нежная улыбка тронула чувственные губы. — Я готов драться за нее. Да, вроде, пока не с кем.

— Будь на чеку, малыш. — София вскочила на ноги. — Все, я убегаю. Жду вас обоих в субботу. Договоримся о времени позже. — она многозначительно подмигнула шефу. — Во внеурочное время.

И как только дверь за девушкой захлопнулась, завибрировал сотовый телефон Скворцова. Он потянулся к трубке, размечтавшись, что обсуждаемая только что персона вспомнила о его существовании. Но увидев на дисплее имя вызывающего абонента, заметно приуныл.

— Да, Дим. — недовольно рявкнул он.

— Шеф, тут такое дело... Я твою подругу по одному адресочку возил. Она в подъезд сиганула, а меня оставила в машине ждать. Я отлучился минут на сорок, пообедать. Вернулся, и прождал часа два... В общем, я к этому челу поднялся, а он говорит, что она ушла давно. Поехал домой, там никого. Звоню на телефон, не отвечает. Может, чела... ну, того... потрянуть?

— Я тебя сейчас тряхану, урод. Я тебя для чего к Марго приставил? Меньше стероидов жрать надо, и мозги работать будут. — завопил в трубку Ник. Телефон в руке затрещал, не выдержав силы сжатия. — Почему ты мне не сообщил, что она к кому-то в гости собралась? Что за адрес?

— Да, это... этот. Ну, дядя, вроде, ее. Я слышал, как она ему звонила. О матери поговорить хотела. Я и подумал, что, как там его, к дяде можно. А чо плохого?

— Плохо то, что у тебя жопа вместо головы. Быстро сюда. Повезешь меня к Казанцеву.

— К кому?

— Ну, дебил. — выдохнул Ник, остервенело двинув кулаком по столу. — К челу твоему поедем. Нормально объяснил?

— Да, понял я. Я-то что. Она сказала...

— Ты на кого работаешь, недоумок?

— На тебя, шеф. — тихо ответил Дима. Он так и знал, что от девчонки будут одни неприятности.

— Просто встала и ушла? Ничего не сказала? Может, обмолвилась, что к Ди... Диане поедет? — Никита настойчиво и дотошно допрашивал растерянного Даниила Казанцева, но так и не услышал ни одного вразумительного ответа. Выглядел этот новоиспеченный дядя хуже, чем изъяснялся. Безумный взгляд, подергивающийся в нервном тике правый глаз, растрепанные волосы. Когда Даниил в очередной раз развел руками, проямлив что-то нечленораздельное, Ник обреченно вздохнув, отвернулся и в двадцатый раз набрал номер Маргариты. Гудки идут, но трубку никто не берет. Вот черт! Это просто рок какой-то. Видимо, ему на роду написано вечно искать пропавших женщин. Сначала Юля, потом мама, теперь Марго. Волна паники затопила здравый смысл. Никита судорожно втянул воздух, привалившись плечом к дверному косяку. Казанцев наблюдал за ним с тревогой и недоумением.

— Позвоните Диане. Я думаю, что Маргарита могла отправиться к ней. Она была очень расстроена. — надтреснутым голосом проговорил Даниил. Ник поднял голову, в глазах затаилось отчаянье и страх. — Никита, вы не переживайте так. Прошло мало времени. Возможно, она не успела до дома доехать. А телефон потеряла.

— Ты кого сейчас успокаиваешь? — холодно спросил Ник, переходя на «ты». — Сам можешь Диане позвонить?

— Нет, я с ней много лет не общался. Не лучший повод, чтобы напомнить о своем существовании.

— Что вы за люди такие? — яростно бросил Ник. — Брат и сестра. Я бы у своей Юльки на коленях стоял, лишь бы довольна была, да нет ее.

Даниил неловко отвел глаза. С него хватило душещипательных и откровенных бесед. Перед этим смазливый мажорчиком он отчитываться не намерен.

— Почему сам не позвонишь? — спросил Казанцев.

— Не могу я, понимаешь? — Ник нервно рассмеялся. — Жили мы с ней вместе. А потом Марго приехала. Любовь у нас случилась. А Диана не знает ничего. Я бы давно сказал, да Маргарита паникует.

Даниил поджал губы, не вслух ничего не сказал.

— Ладно, давай, дядя. Ты будь на связи. Если что, я свяжусь с тобой. Хорошо? — грубовато спросил Скворцов.

— Да, конечно. Держи меня в курсе.

Дима, фальшиво играющий роль крутого криминального авторитета, и до этого момента, молчаливо подпирающий дверь за спиной шефа, неожиданно подал голос.

— Ты, смотри, дядя, накажем, если обманул.

Ник резко развернулся и дал бугаю смачную затрещину.

— Двигай давай, Кин-Конг недоделанный.

Выходя из лифта, Никита собрался с мыслями и набрал номер друга своего отца. Серьезный такой человек, со связями в ФСБ. Он иногда помогал, если возникали проблемы с законом. Не бесплатно, конечно.

— Аркадий Семенович? Никита Скворцов беспокоит. Маленькая просьбочка есть.

Пустякое дело. Сигналгаджета отследить можете? Серийный номер, все есть. Да, в сети. Гудки идут. Сколько времени займет? Отлично. Да, папа здоров. Передам. Вы запишете номерок?... Все жду звонка. Нет оперативников не нужно, сами справимся. Спасибо, Аркадий Семенович. Сочтемся.

Ник убрал мобильник в карман и перевел дыхание.

— Дим, у тебя выпить нет в машине? — спросил он, взглянув на испуганно топчущего на месте непутевого охранника.

— Не, я на работе не употребляю. — покачал головой Дима.

Скворцов собирался ляпнуть что-нибудь обидное, но во время остановился. И так, перегнул палку. Разошелся не на шутку. Оскорбил этого дебила, чтоб ему...

— В машине подождем. Сейчас Аркадий перезвонит, и поедем. — вполне миролюбиво сказал Скворцов, открывая дверцу автомобиля.

Мучительно долго тянулось время в ожидании ответа Аркадия Семеновича. Ник выкурил полпачки сигарет и несколько раз порывался сбежать в магазин за вискарем. А когда долгожданный звонок состоялся, Скворцову оставалось только развести руками и признать себя полнейшим идиотом и паникером. Судя по координатам телефона Марго, в данный момент она находилась дома.

— Бред какой-то. — пробормотал Ник. — Поехали, Дим. Так какого черта она трубку не берет?

Недолгое состояние облегчения испарилось, как только они с Димой, обойдя оба этажа коттеджа, не обнаружили следов пребывания в доме пропавшей девушки.

Словно сквозь землю провалилась. Никита бесперебойно звонил на ее сотовый, надеясь услышать звонок. Семеныч не мог ошибиться. Она должна быть где-то рядом.

Отчаявшись, Ник уселся на ступеньках крыльца и закрыл ладонями лицо. Не одного здорового предположения. Все кошмары прошлого ожили в одно мгновение. Мужчину затрясло. Семь лет он не чувствовал себя беспомощным и уязвимым, жил, как хотел, спал, с кем хотел, и на тебе. Здравствуйте, получите и распишитесь.

— Ник, Берта пропала. Загон нараспашку. Может, твоя подруга с ней гулять отправилась? — появившись из сада, предположил Дима.

— Марго Берту терпеть не может. — подняв голову, безжизненным голосом ответил Скворцов.

Они нашли Берту за домом. На примятой траве, рядом с розовым кустарником. Сначала мужчины подумали, что собака спит, но когда Дима перевернул животное, поняли, что она уже несколько часов, как мертва. В горле Берты торчали ножницы.

Ник какое-то время смотрел остекленевшими глазами на любимого питомца, принявшего страшную смерть. У него в голове не укладывалось, кто мог сотворить подобное. Сознание оставило Скворцова на долю секунды, и он пошатнулся.

— Шеф... — тихо позвал Дима. Никита проследил за движением ноги водителя, который что-то нащупал в траве.

Крик застыл в горле, в голове мелькнула жуткая мысль, предположение, догадка. И когда он узнал предмет под ногой Димы, его стошнило. Прямо на цветущие розы.

Аркадий Семенович никогда не ошибался. Телефон действительно находился здесь. Рядом с телом убитой Берты.

Я думал, что смогу обнулить свое прошлое, забыть о боли, о гнетущем чувстве вины и ночных кошмарах. Семь лет назад я позволил отцу вернуться, принял и простил. Но не смог понять. Он пообещал мне, что вместе мы найдем способ жить дальше так, словно нечего не случилось. Я поверил ему, и какое-то время мне удавалось существовать с этой верой. Я притворился, что стал другим, освободился от страшных воспоминаний. Но ничто не исчезает бесследно. Память нельзя стереть одним желанием. Сколько не беги от себя, подсознание выведет тебя к тому берегу, с которого ты опрометчиво прыгнул в бездну. И, наверно, смысл происходящего заключен в том, смогу ли я устоять... на этот раз.

Никита Скворцов

Диана судорожно искала в сумочке племянницы мобильник, визитки или любой другой источник, из которого женщина смогла бы извлечь необходимую ей информацию. Вывалив все содержимое прямо на пол, Ди критически осмотрела беспорядочно разбросанную гору женских штучек. Расческа, кошелек, флакон духами, помада, тушь, запасная прокладка, ручка и пустой блокнот, брелок с ключами, кредитные карты и даже катушка ниток с иголкой. Среди массы необходимых каждой девушке безделушек, телефона не оказалось. Диана выругалась, с досадой закусил губу, откинула со лба светлую прядь волос. Взгляд метнулся к спящей на диване Маргарите. Даже под действием сильного успокоительного, введенного Дианой полчаса назад, девушка продолжала беспокойно вздрагивать и метаться.

— Соберись, Диана. Думай. — вслух сказала женщина, собирая содержимое сумки Марго обратно. — Что же с тобой случилось, Гошка. Что ты натворила? — бормотала Диана, чувствуя, что с каждой минутой беспокойство и паника возрастают. В вещах Марго отсутствовал не только телефон, но и пузырек с таблетками. Неужели она снова пропустила прием лекарств? Или срыв спровоцировало что-то другое?

Отводя глаза от бледного лица племянницы, Диана Казанцева заставила себя встать на ноги и пройти на кухню. Открыла холодильник, взяла бутылку виски, достала стакан из мойки, бросила в него пару кубиков льда, плеснула спиртное. Хлебнула напиток, горло обожгло, очень крепкий виски. Села на угловой диванчик, продолжая делать большие глотки из стакана, пока не осушила все содержимое. В желудке потеплело, в голове появились первые признаки опьянения. Кто как, но Ди под градусом соображала лучше. Расшатанная нервная система постепенно приходила в норму. Собраться с мыслями, определить с дальнейшей схемой действий. Нельзя просто сидеть и ждать чуда. Разложить произошедшее по полочкам. Попытаться понять...

Но как?

Час назад, когда в дверь позвонили, Диана не могла и представить, что ей предстоит увидеть. На пороге стояла Марго, в ужасном состоянии. Размазанная по лицу косметика, безумный лихорадочный взгляд, растрепанные волосы с застрявшими в них частицами листьев и травы, брючный костюм в грязи и бурых пятнах. Она раскачивалась, как маятник,

глядя перед собой и нечленораздельно бормоча под нос, прижимала к груди туфли, ноги босые, со следами запекшейся крови, ногти на пальцах рук обломаны. Диана никогда не видела Маргариту такой. Испуганно отшатнувшись, она позволила девушке войти. Казалось, Марго даже не узнавала Диану, прошла в комнату, села на пол возле дивана, прижала колени к груди и обняла их. Не шелохнулась в течении нескольких минут, потом снова начала раскачиваться и завывать. Диана приблизилась к ней, присела рядом, дотронулась до волос. В ноздри ударил металлический запах. Кровь. И Ди испугалась, никогда прежде ей не было так страшно. Даже в прошлом, когда пыталась бороться с болезнью сестры... Мирослава была агрессивна, но неспособна на насильственные действия по отношению к другим. Ее гнев был четко направлен на саму себя. Остальные просто мешали ей, мешали ненавидеть себя, возвращали в мир, который Мира презирала, которого боялась. Болезнь Марго проявлялась иначе. Она была сильнее, и подолгу могла удерживать психику в стабильном состоянии, но во время срывов совершенно теряла контроль. Она представляла опасность для тех, кто оказывался рядом в моменты помутнения ее рассудка. И почувствовав на себе прикосновение рук Дианы, Маргарита разразилась потоком отборной брани. Она говорила фразы, полностью лишённые смысла, не связанные между собой. Нелогичная агрессивная речь, сквернословие и ярость. Марго отбросила Диану в сторону с невероятной силой, которую сложно заподозрить в хрупкой на вид девушке. Справившись с первым приступом паники и шока, Диана выбежала из комнаты, и направилась в ванну, где хранила аптечку, набрала в шприц сильное успокоительное и вернулась к бушующей племяннице. Каким-то чудом женщине удалось сделать Маргарите укол, и девушка постепенно угомонилась. Диана даже смогла уговорить ее прилечь на диван.

— Ненавижу тебя. — обессиленным хриплым шепотом произнесла Марго, яростно глядя в лицо тетки. — Ненавижу вас всех. Зачем вы позволили мне родиться? Я — генетический урод, ошибка. За что вы так со мной? Она была права. Ничего нет, кроме картонных коробок. Мы вырезанные из бумаги куклы, брошенные в карточный домик. Я была на луне и видела бумажный снег. Такая холодная... Никогда не согреться. Так страшно... Если солнце снова зажжется, мы все сгорим...

Она продолжала шептать, и чем дальше, тем запутаннее и бредовой. Логика напрочь отсутствовала в словах Марго, но для нее существовал особый смысл во всем, что она говорила.

Она затихла через несколько минут, и Диана осторожно раздела племянницу, обтерла грязь влажным полотенцем, накрыла пледом. Ее саму сотрясала нервная дрожь, и понадобилось немало душевных сил, чтобы хоть как-то прийти в себя и собраться с мыслями.

Прокрутив события последних событий в голове, Диана так и не пришла к необходимому решению. Виски в стакане закончилось, а она по-прежнему терялась в догадках относительно срыва Маргариты. Ясно одно, даже, если девушка придет в норму после сна и действия препарата, она все равно ничего не вспомнит. Диана боялась, что племянница могла совершить нечто ужасное. Откуда взялась кровь на ее одежде? У самой Марго на теле не было ран, и Ди сразу вспомнилась история с другом Вадима Смирнова. Тогда в приступе гнева, Маргарита вцепилась зубами в горло несчастного парня, и он чуть не умер от потери крови. Дело удалось уладить полюбовно, но на этот раз все могло оказаться куда хуже. Диана ничего не знала о новом возлюбленном Марго, с которым та провела последние несколько дней, и сейчас Ди всерьез боялась за его жизнь.

Единственным здравым решением в сложившихся обстоятельствах был экстренный вызов скорой помощи и полиции. Диана отдавала отчет в том, какие последствия повлекут за собой ее вполне оправданные действия, но так и не нашла в себе сил позвонить в соответствующие службы. Она еще надеялась на чудо... Если бы в сумке оказался телефон, у Дианы появился бы шанс узнать, что произошло на самом деле.

Бросив в мойку пустой стакан, женщина уверенно вернулась в комнату, где спала Маргарита. Взгляд остановился на груде сваленной возле дивана грязной одежды. Диана наклонилась и взяла зауженный жакет, быстро проверила карманы. Ничего. Прodelала аналогичные манипуляции с брюками. Нащупала пальцами небольшой прямоугольный предмет, вытащила. Так, это уже что-то. Визитка. Повернулась к свету.

Кровь отхлынула от лица, когда она прочитала имя на карточке. «Казанцев Даниил Сергеевич. Грузовые перевозки. 8 XXX XX XX».

Диана думала, что никогда больше не услышит имя своего старшего брата, и не увидит его лица. Как же так получилось? Как он нашел Маргариту? Или она сама нашла его? Не откуда узнала, что Даниил существует?

Что же делать?

Выбора не было. Диана набрала номер Данилы, и впервые за двадцать два года услышала его голос.

— Казанцев, слушаю вас. — бесстрастно ответили ей. Диана отчаянно прижала руку к груди. Сердце молотилось, как безумное. Столько лет прошло... Что сказать? О чем им разговаривать?

— Здравствуй, Даня. Это Диана. — представилась она свистящим шепотом. И судя по повисшей напряженной паузе, Даниилу так же сложно было подобрать слова, чтобы ответить сестре. — Я знаю, что ты не ждал моего звонка. И вопрос, который я тебе задам, может показаться странным... Но... Скажи, с тобой все в порядке? Ты не ранен?

Прошло, наверно, минута, прежде, чем он ответил.

— Нет, я в порядке. А почему ты спрашиваешь? — холодный и незнакомый голос. Чужой...

— Откуда у Маргариты твоя визитка? — ледяным тоном спросила Диана.

— Мы случайно встретились пару дней назад. В кафе. Марго обедала со своим молодым человеком. Я сразу понял, кто она. Маргарита у тебя? Что случилось? Ее повсюду ищут. Она ушла от меня еще утром, сама не своя, потом пришел ее парень, устроил допрос. — сбивчиво говорил Даниил. Диана впитывала и анализировала каждое слово.

— Что ты ей сказал? — она закричала в трубку. Ее осенила страшная догадка, которая могла объяснить состояние племянницы.

— Ничего. — резко ответил Даниил, тоже повышая голос. — А вот ты, какого черта наплела ей о Мирославе? Зачем ты рассказала об ее болезни?

— А что мне было делать? Врать? Марго — большая девочка, и имеет право знать правду. Даня, она больна, понимаешь? И нуждается в помощи, в медикаментозном поддержании стабильного состояния. Марго должна была понять причину. Она приняла историю болезни матери сравнительно спокойно. Это ты спровоцировал срыв. Это после встречи с тобой Гоша пришла ко мне вся к крови и грязи с безумными глазами. Вспоминай, что ты мог ей такого ляпнуть, что она слетела с катушек.

— Не надо все валить на меня. — рявкнул Даниил. — Мы просто смотрели фотографии, потом Маргарита сорвалась и убежала.

— Ты придурок, Дань. Идиот. — сыпала ругательствами Диана, нервно расхаживая по комнате и не находя себе места. — Марго не дура, и не слепая... Черт возьми, ты думаешь, я ничего не знаю? Да, я все поняла еще до того, как Мира начала в бреду упоминать твое имя. Почему я отказалась общаться с тобой? Почему мама запретила звонить нам и приезжать? Неужели только, потому что ты уехал учиться и бросил нас, когда был нужен? Да, я знала, что это ты шлешь деньги, словно подачку, словно они могли чем-то помочь или исправить то, что ты сделал. Я послала тебе сообщение о смерти мамы и Мирославы только через год, после того, как их не стало. Я была противна сама мысль о том, что ты можешь явиться на похороны. Ты уничтожил нашу семью, ты убил мать, свою сестру, а теперь мешаешь жить Маргарите! Ты — просто чудовище, и мне стыдно, что я все еще твоя сестра.

— Не говори так. — хрипло отозвался мужчина. — Ты понятия не имеешь, как я прожил эти годы.

— Я мне плевать. Ты — живой и здоровый, а их нет. Из-за тебя! — Диана не собиралась щадить чувства человека, сгубившего жизни самых близких для нее людей.

— Ты ошибаешься, когда говоришь, что я живой. Я умер, Ди. С того момента, когда пришло сообщение о смерти Миры, я больше не живу. У меня ничего и никого нет, кроме чувства вины и презрения к самому себе. Я наказан. Пусть тебе не легче от мысли, что я страдаю, мне уже все равно...

— Какой же ты слабак, Дань. Слабак и трус. — с отвращением бросила Диана. — Жалеть себя — все, что ты умеешь. Там, где ты появляешься, мир катится к черту. Что мне теперь делать? Упрятать Марго в психушку, позволить ей повторить путь своей матери? Ты этого добивался?

— Нет. Я... я хотел узнать ее. Снова почувствовать себя частью семьи. — с горечью и болью произнес Даниил. — Я понимаю, почему ты мне не сказала о Маргарите. И ты права. Я не должен был... Прости. Чем я могу помочь?

— У тебя есть номер мобильного парня Марго? Я думаю, что она... — Диана осеклась до боли в пальцах сжимая трубку телефона. — На ее одежде кровь. Такое уже случалось. Она способна в гневе... Я не могу произнести это слово. Что, если он нашел ее? В таком состоянии Маргарита опасна.

— Не паникуй раньше времени. Она показалась мне очень влюбленной в этого парня, когда я видел их вместе. Я не думаю, что она способна причинить ему боль. Записывай номер... — Даниил продиктовал телефон Скворцова. — Может, мне приехать, Ди? — осторожно спросил он.

— Даже не думай. — холодно отчеканила Диана, глядя на неровные цифры на клочке бумаги. Смутно-знакомая комбинация. — Все, пока. Я надеюсь, что этот был наш последний разговор.

Ди резко прервала связь, и с опозданием спохватилась, что так и не спросила имя парня Маргариты. Набрав новый номер, она долго не решалась нажать кнопку вызова, прокручивая все возможные варианты разговора, если ей ответят...

Черт, как же страшно. Выдохнув, Диана послала вызов. Застыла в оцепенении прислонившись плечом к стене, повернулась, слушая длинные гудки, прижалась лбом к оконному стеклу. Глаза не замечали того, что происходит за окном. Она словно ослепла.

На дисплее сотового появилось слово «разговор», означающее, что вызываемый абонент ответил. Диана не дала ему сказать ни слова. Сказалось напряжение. Начала первой.

— Здравствуйте, меня зовут Диана. Я тетя Маргариты. Ваш номер мне дал Даниил

Казанцев. Скажите, пожалуйста, у вас все хорошо? — срывающимся голосом быстро проговорила женщина, закрывая глаза и мысленно читая молитвы.

— Нет, у меня все плохо, Ди. Марго у тебя?

Диана распахнула глаза, взгляд сфокусировался на маленьком мальчугане, играющем на детской площадке во дворе. Женщина перестала дышать, даже сердце на короткий период времени замедлило бег, а потом неровно рванулось, задрожало, причиняя физическую боль. Могла ли она ослышаться? Или обезумела так же, как Маргарита? Говорят, что если долго находиться рядом с душевнобольными, можно заразиться безумием. Неужели с ней именно это и произошло? Вся ее жизнь — сплошное сумасшествие. Как еще объяснить появление Даниила спустя тысячу лет молчания... и голос в трубке телефона, не узнать который она не могла.

— Ник? — хрипло спросила Диана.

— Я сейчас приеду, Ди. Она в порядке?

Женщина зажмурилась от дикой душевной боли, но справившись с приступом, ответила.

— Марго спит. Я вколола ей лекарство. Ты не пострадал? У нее кровь на одежде.

— Не моя. Это Берта.

— Берта? Что случилось? — очнувшись, спросила Диана.

— Я не знаю. Маргарита говорила, что не любит собак, но я не думал, что настолько сильно. — ответил отрешенный, лишенный чувств голос.

— Как же так, Ник? — прошептала Ди. — Как же так.

— Если бы я знал. — искренне ответил Скворцов. — Мне жаль, что ты узнала сейчас, в такой момент. Я хотел сказать, но Маргарита запретила. Давай, я приеду и мы поговорим.

— Ты ведь знаешь адрес...

Ему было девять, когда родилась Юля. Чудесная здоровая девочка с голубыми глазками-пуговками и золотистым пушком на затылке. Вся семья радовалась пополнению. И Никита был достаточно взрослым, чтобы испытывать ревность в маленькой сестренке, которую родители не спускали с рук и всячески баловали. Напротив, он принимал живое участие в воспитании младшенькой. Гулял с коляской, нянчился, когда мама отлучалась в магазин, стирал и гладил пеленки, с упоением улюлюкал и тряс погремушками над кроваткой. Родители не могли нарадоваться на ответственного и заботливого сына. Юленька поздно пошла ножками, поздно заговорила. Ни мама, ни брат не придавали этому особого значения. Беспокоился только отец. Проблемы начались, когда девочку отдали в детский садик. Она плохо привыкала, капризничала, не могла привыкнуть к горшку, сторонилась других детей. Никита, как умел, пытался помочь сестре. Водил ее на прогулку в парк, знакомил с ровесниками, но все его попытки заканчивались длительными истериками Юли. К четырем годам девочка стала совершенно неуправляемой, и отец забил тревогу. Он сам повел дочь к детскому психологу. Диагноз поставил в ступор всю семью. Никита отказывался верить врачам, мама тихо плакала, а отец, спустя три месяца, собрал вещи и уехал, по официальной версии — на заработки, но уже через два месяца по почте пришли документы на развод.

Так они остались втроем. Убитая горем мать, Никита и Юля, год от года теряющая рассудок. Дошло до того, что она не могла обслуживать себя, не следила за гигиеной, забывала надевать одежду или просто переставала двигаться, сутками лежа в кровати и глядя в потолок. Врачи настаивали на госпитализации, и только Ник верил, что они справятся

своими силами с болезнью Юли. Лекарства приносили лишь временное облегчение. Несколько недель сравнительного покоя, и сестра снова срывалась. Вызов неотложки, интенсивная терапия, и Ник забирал сестру домой. Упрямец не мог смириться с мыслью, что его сестра не просто больна, она опасна. Мать трудилась с утра до поздней ночи, чтобы прокормить детей и заработать на лекарства для Юли. И, наверно, Эмме Скворцовой было в каком-то плане легче, чем старшему сыну. Полная занятость лишала ее возможности видеть, в каком аду жили дети. Угасающая Юля и Никита, отчаянно старающийся сохранить разум сестры. Тем не менее, Нику каким-то чудом удалось отлично закончить школу. На носу были вступительные экзамены в ВУЗ, который находился в полутора часах езды от поселка. Парень не представлял, как сможет оставлять сестру без присмотра на целый день, и принял решение о поступлении на заочное отделение, устроился на работу, думая, что облегчает задачу матери. Эмма Скворцова уволилась, чтобы сидеть с дочерью, но надолго ее терпения не хватило. Уже через полгода Юля оказалась в психиатрической лечебнице... После нападения на мать. В приступе гнева десятилетняя девочка ударила свою маму по голове хрустальной вазой. Мнение врачей было категоричным, даже Ник не смог убедить лечащего Юлию психиатра в том, что сам сможет позаботиться о сестре. И парень смирился. Он много работал, хорошо учился, а в редкие свободные минуты навещал Юлю в клинике. Это был настоящий ужас. Сестра не узнавала его, буйствовала и кричала. В итоге на время все визиты были запрещены. Только спустя полгода лечение стало приносить облегчение. Юля успокоилась, начала нормально разговаривать, ее речь приобрела логическую осмысленность. Теперь она радовалась каждому приходу брата, улыбалась, просила прощения, говорила, что не помнит, почему напала на маму, плакала, когда время посещения подходило к концу, и умоляла забрать ее. Каждый раз Ник уходил от сестры с тяжелым сердцем. Такое отчаянье читалось на детском личике девочки, когда она махала ему вслед своей маленькой ручкой.

Год. Целый год Юлю не отпускали домой. Врачи подозревали, что облегчение девочки ненастоящее, мнимое, разыгрываемое... И она замкнулась. Меланхолия, апатия и полнейшее безразличие ко всему, даже к брату и матери. Юля узнавала родных, но отказывалась говорить с ними, и только страх и потерянности в светло-голубых невинных глазах, говорили, как ей на самом деле сложно и больно. В конце концов Никите удалось уговорить врачей выписать девочку из лечебницы. Они согласились лишь потому, что последние три месяца Юля не проявляла признаков агрессии.

А потом были два года покоя и благополучия. Юлия вела себя совершенно нормально, если не учитывать резкие перемены настроения, слезливость и повышенную энергичность, училась на дому, помогала матери по хозяйству, даже завела друзей. Ник облегченно вздохнул. У него появилось время для образования и работы. Мама тоже воспряла духом, устроилась на часы в бухгалтерскую контору, где познакомилась с хорошим мужчиной. Чудесное время, полное покоя и семейной идиллии. Избранник матери переехал к ним. Все были счастливы... Кроме Юлии.

Девочке исполнилось тринадцать лет, когда она впервые сбежала из дома.

Ник не обратился в милицию. Он искал ее сам. Повсюду. Поднял на уши всех знакомых, соседей, друзей... Не ел, и не спал, взял отпуск на работе. И нашел. Через неделю. В притоне, среди малолетних наркоманов.

Ник привез сестру домой в ужасном состоянии. Она твердила, что наркотики помогают ей усыпить голоса тех, кто поселился в ней, сдерживают их. Говорила, что лекарства только

усугубляют ее душевные страдания, молила не вызывать врачей, клялась, что больше никогда...

Но все повторялась снова и снова. Юля убегала, а Ник искал. Он понимал, что так больше продолжаться не может, но все еще надеялся и верил ей. Оттягивал неизбежное так долго... Пока не иссякли силы и терпение, не угасла уверенность.

А когда Юля набросилась на сожителя матери с ножом, за то, что он случайно облил ее горячим чаем, сломалась Эмма Скворцова. Мужчина не сильно пострадал, но поставил ультиматум. Или уходит один, или вместе с ней. Мама выбрала последнее. Она устала бороться, устала быть несчастной. Чтобы избежать осуждения общих знакомых, пара уехала в другой город. Сначала Ник долго не верил, что мать могла поступить с ним столь жестоко. Ждал, ждал и тащил сестру из болота безумия. Эмма не вернулась, и Ник больше не мог единолично заботиться о Юле, но пытался из последних сил. После нескольких задержаний в милицию, девушку снова направили на принудительное лечение. Именно во время арестов, Никита познакомился со Светланой Слепцовой. Инспектор по делам несовершеннолетних по-матерински прониклась и к девочке и к ее брату. Она убедила Никиту в необходимости ограничения свободы Юли и постоянного наблюдения у врачей. И Ник сдался. Он боялся, что сестра однажды совершит нечто ужасное, непоправимое. В тот день он уехал с работы пораньше, но как назло, автобус в котором он ехал, сломался, и оставшиеся две остановки парень прошел пешком, успел собраться с мыслями... Вернувшись домой, он попытался поговорить с сестрой. Это была тяжелая беседа, Юля отказывалась слушать и понимать его слова. Она твердила, как заведенная, что здорова, и обвиняла его в сумасшествии и слепоте, просила проснуться, освободиться от собственных иллюзий. Но какие могут быть иллюзии, если на кону безопасность самой Юли? Как сестра умоляла его, она рыдала и стояла на коленях, она угрожала, проклинала, просила прощения. Его сердце обливало кровью, а душа изнывала от мучительной боли, когда он провожал сестру в больницу. Но врачи не смогли ей помочь, не углядели... Только Ник мог спасти ее, только он удерживал расщепленное сознание Юли на плаву, только ему она доверяла свои бредовые мысли и идеи, и только у него просила помощи. Но он подвел ее, не поверил, и потерял...

Долгие годы ушли на то, чтобы Никита научился жить с грузом вины. Смирился, но не забыл. Ник искренне считал, что тогда не справился, проявил слабость и предал сестру. Он думал, что безумие отступило, осталось в прошлом. И, наверно, ожидал возмездия... И может быть, даже искал его.

А когда человек одержим мыслью найти что-то — он обязательно найдет. Нет, не Бог карает нас за совершенные грехи, хотя многим удобно думать именно так. Мы сами себе Боги и судьи. Затаившееся в подсознании чувство вины и раскаянье, движет мощным и неумолимым орудием, направленным на уничтожение собственного благополучия. И это орудие носит знакомое каждому название. Совесть. Мы сами выбираем наказание. Никто, кроме нас.

В мире не существует случайностей. Теперь Никита Скворцов осознал истинность этого утверждения. Он отчаянно бежал от самого себя, от безумия, которое шло за ним по пятам и настигло у ворот рая, навсегда захлопнувшихся для него.

Сейчас Юле было бы столько же лет, как Маргарите.

И на этот раз он не отступит. Нет.

Ник застыл в потрясении, когда Диана Казанцева открыла дверь. И не мог поверить, что видит перед собой ту самую женщину, с которой расстался несколько дней назад. Ее лицо словно покинули все краски и чувства. Отрешенное выражение, усталость в бесцветных глазах, горькие глубокие складки на лбу и вокруг губ, свежие неглубокие царапины на шее и правой щеке, синяки на запястьях. Диана распахнула дверь, взглядом предлагая гостю войти. В нос ударил запах лекарственных препаратов. Ник прошел в просторную прихожую, обернулся на Ди, молчаливо взирающую на него. Без обиды и осуждения... Хрупкая маленькая несчастная женщина, скрестившая руки на груди. Никита инстинктивно достал платок из кармана и прижал к кровоточащей царапине на щеке женщины. Она приняла помощь, опустила глаза.

— Гоша не специально, она не понимала, что творит. — прошептала Диана, прижимаясь спиной к захлопнувшейся двери.

Какое-то время, они не говорили, не смотрели друг другу в глаза, тихо переживая каждый свою боль. Ник узнал накотившее на него чувство беспомощности, узнал и попытался бороться. А у Ди больше не было сил. Он читал это в ее лице, в выражении глаз. Она капитулировала... И Ник, как никто другой, понимал ее. Боже, он отлично понимал Диану. Но теперь она не одна, и он пришел, чтобы помочь, исправить... Нужно только понять, когда все началось. Причины, факты, события, обстоятельства.

— Мне жаль, что так вышло с Бертой. — наконец, вышла из ступора Диана. Она посмотрела в лицо молодого человека, с которым еще недавно ее связывало так много. Они и сейчас связаны, даже крепче, чем раньше. Удивительно, но у нее нет обиды или гнева. Ник бросил ее, связался с Марго, а она ничего не чувствует, кроме жалости.

— Мне тоже жаль, Диана. — глухо ответил Никита, изучая ее бледное осунувшееся лицо. — Марго спит?

— Да. — кивнула женщина.

— Ей лучше?

— Наверно. — Диана повела плечами, указав глазами на закрытую дверь спальни. — Она там. Но лучше ее не тревожить сейчас. Долгий сон всегда действует на Марго исцеляющим образом.

— Всегда? — встрепенулся Ник, пронзительно поглядев в глаза Дианы. — И часто с ней происходит...

Он не смог договорить, но женщина поняла его.

— Нет, нечасто. Но с каждым разом привести ее в нормальное состояние становится сложнее. Возможно, дело в препаратах, которые я достаю для нее. Привыкание, наверно... Или просто не действуют. Я заказала другое лекарство, пришлют на днях.

— Что с ней? Психоз?

Диана подняла голову, встретив его вопрошающий взгляд, судорожно вздохнула и отрицательно тряхнула светлыми растрепавшимися локонами. Ник отвел глаза, нервно запустив пятерню в непокорную черную гриву.

— Ник, если бы я знала... — хрипло проговорила Диана, отрываясь от двери и проходя мимо застывшего в оцепенении Никиты. — Я бы предупредила тебя. Пойдем на кухню. Я заварю чай, с мятой. Успокаивает нервы. Я могу предложить коньяк, но сейчас подобный

уход от проблем никому не поможет.

— Расскажешь мне? — спросил Ник, когда пятью минутами позже, Диана поставила на стол две кружки с чаем. Они оба курили, иногда сбрасывая пепел мимо пепельницы. Диана села на против, прикуривая новую сигарету, скользнула по мужчине отсутствующим взглядом. Горькая усмешка скривила губы.

— Я до сих пор не верю, что все реально, что я не сплю. Какой-то кошмар... — призналась она.

— Что ты имеешь в виду? — поднося к губам горячую кружку, уточнил Ник.

— Все. — шумно вздохнула Диана. — Ты и Марго. Ее приступ. Даниил, будь он неладен. У меня в голове не укладывается, как мы все могли встретиться в короткий промежуток времени в городе с населением, численностью в десять миллионов. Ты помнишь, как мы с тобой познакомились? Что ты тогда мне сказал? Мне интересно, ей ты сказал тоже, что и мне? И когда это было? Что, вообще, происходит, Ник? Ты просишь меня рассказать, но о чем? Я, вообще, ничего не понимаю. И чувствую себя полнейшей дурой. Как я могу помочь племяннице, если ничего не понимаю?

— Прости, Диана, ты права. — Ник опустил кружку на стол, отодвинул в сторону, достал сигарету из пачки, закурил, собираясь с мыслями. — Я сказал Маргарите тоже, что и тебе. И мне нет оправдания, так как в этот момент я лгал троим — тебе, себе и Марго. Мы познакомились с ней три года назад. Она представилась Алиной, поехала со мной в отель, а потом сбежала с утра, не оставив ничего, кроме вымышленного имени. Я влюбился, как мальчишка, в первый раз в жизни. В незнакомку. Я пытался найти ее, приезжал в ваш город, посещал места скопления молодежи, заходил во все клубы и кафе, гулял по центральным улицам, набережной, и даже в спальных районах, но безрезультатно. А потом попытался забыть и жить дальше... И мне казалось, что получилось. Кратковременные романы, быстрые разочарования, встречи с друзьями, работа и еще раз работа. А когда я увидел тебя на обочине, с разметавшимися волосами и тяжелыми сумками, сердитую и очень хорошенькую, во мне что-то перемкнуло. Я вдруг осознал, что обязан познакомиться с тобой. Вы с Марго не похожи совсем, но, наверно, я почувствовал некую связь, ниточку, которая приведет меня к ней. Я знаю, какими жестокими могут показаться мои слова, и прошу у тебя прощения за боль, что причинил и продолжаю причинять. Я не хочу лгать тебе, Диана. Ты заслуживаешь правды и искренности. Ты — очень хорошая, красивая и сильная женщина. Мы могли бы быть счастливы, я уверен в этом. Но... ты привезла Марго, и все изменилось.

— Но ты мог позвонить, мог сказать, когда мы объяснялись в последний раз. — в глазах Дианы сверкнул праведный гнев.

— Да, я мог. — сокрушенно вздохнул Никита. — Но струсил, а потом Маргарита просила меня молчать. Она думала, что ты не готова принять такую правду.

— Словно сейчас мне легче осознать, что ты бросил меня ради моей же племянницы. — горько усмехнулась Диана, с силой ткнув окурок в пепельницу. Ник печально посмотрел в ее расцарапанное лицо, на руки, покрытые синяками. Она не заслужила подобной участи. Никто не заслужил.

— Но я почему-то верю тебе, Ник. — неожиданно спокойным тоном произнесла Диана. — Твои объяснения кажутся логичными. И обвинять тебя в обмане у меня нет прав и доводов. Ты защищал ее, она — меня. И только я, как дура, сидела здесь и надеялась на чудо. — Диана посмотрела в синие глаза Никиты Скворцова. — Ты все еще любишь ее, Ник?

После того, что она сделала с Бертой? После того, что ты теперь знаешь?

Он не отвел взгляда, в голосе не прозвучало даже намек на сомнение.

— Я люблю Маргариту. И чтобы она не сделала, мои чувства к ней никогда не изменятся. И я хочу помочь, а для этого мне нужно знать, что происходит.

— Гоша серьезно больна. — протерев глаза, на которых выступили предательские слезы, тихо сообщила Диана. — Генетическая наследственность, передавшаяся от матери. Статистика говорит, что заболевание наследуют только десять процентов прямых потомков. Марго не повезло. Пару дней назад она пришла ко мне и потребовала рассказать о болезни матери и ее смерти. Я тогда не почувствовала беды, ведь Марго казалась счастливой и совершенно здоровой, обновленной, полной сил и энергии. Я еще подумала, что правда поможет ей серьезней отнестись к лечению. Но страх — не лучшая мотивация. Мне не стоило говорить Марго, как умерла Мирослава. У девочки появились новые вопросы, с которыми она и отправилась к Даниилу. Но откуда мне было знать, что они успели познакомиться?

— Что случилось с матерью Маргариты? — спросил Ник.

— Суицид. Убила себя, воткнув ножницы в шею. Мира страдала от параноидальной шизофрении, лежала в клинике, потом я забрала ее домой, когда Гоша родилась. Из рассказов психиатров мне стало известно, что чаще всего больным после рождения ребенка становится хуже, но Мирослава стала исключением из правил. Она словно воспряла с духом, ожила, и направила все силы на воспитание дочери, но быстро сгорела. Никто не мог вырвать ее из лап безумия. Ни лекарства, ни особая терапия, ни Маргарита, отчаянно нуждающаяся в матери. Она просто ушла в свой мир, и в нем тихо умирала. Пока душевные страдания не превысили лимит терпения. Самое страшное состоит в том, что Марго видела ее мертвой, на полу в луже крови. И все вспомнила, когда я рассказала. Ты знаешь, что она кричала сегодня, когда я пыталась сделать ей укол и успокоить?

— Что? — спросил Ник и плотно сжал губы, скулы заострились от напряжения.

— Марго спрашивала, почему мы позволили ей родиться, почему не настояли на аборте, называла себя генетическим уродом. — голос Дианы надломился, и закрыв лицо ладонями, женщина безмолвно заплакала. Протянув руку, Ник сжал ее плечо, но от его немой поддержки Диане стало только хуже. Она завывала в голос.

— Это я виновата. Не надо было говорить ей.

— Нет, Диана, пожалуйста, не обвиняй себя. Ты хотела, как лучше. Я понимаю тебя. И Маргарита была в порядке, когда вернулась, и вчера тоже. Да и сегодня утром я не заметил никаких отклонений в ее поведении. Что-то случилось во время ее визита к Даниилу. Я был у него недавно. Он сказал, что Марго выбежала из квартиры вся взвинченная.

Диана вытерла слезы, и посмотрела на Ника. Его спокойный умиротворяющий тон подействовал на нее исцеляющим образом, вернул способность мыслить и анализировать.

— Я звонила ему. Нашла визитку в сумочке. — сообщила она. В глазах появилось неуверенное выражение. — Даня сказал, что они смотрели альбом с фотографиями.

— Ты думаешь, что снимки матери так могли подействовать на Маргариту? — С ноткой сомнения, уточнил Никита. Диана отвела глаза, схватив новую сигарету.

— Дело не в снимках. — покачала головой она. — Когда я обнаружила пропажу семейного альбома, то вздохнула с облегчением. Мы давно разорвали всякую связь с моим братом, и видеть его физиономию, хотя бы на фото, совсем не хотелось. Мама тоже не хотела общаться с ним, и только перед смертью нашла силы, чтобы простить. А я не могу,

Ник. Даниил — чудовище. И тому, что он сотворил, нет объяснения, нет оправдания. Никогда не думала, что способна так сильно ненавидеть человека, родного брата. Мирослава была слабой девочкой с ранимой психикой, и мы все знали, как она уязвима, как не похожа на других. Мы уберегали ее, как могли. С раннего детства защищали от лишних стрессов и волнений. И нам с мамой не казалась странной или неправильной ее сильная привязанность к старшему брату. У них всегда были свои секреты, и они держались особняком от нас. Никто не замечал подвоха, ведь рядом с Даней Мирослава словно обретала уверенность в себе, заряжалась его энергией и, как нам тогда казалось, здравомыслием. А когда он уехал в Москву, чтобы поступать в университет, сестру будто подменили. Болезнь начала прогрессировать, и вскоре она совсем потеряла связь с реальным миром. Потом выяснилось, что Мира беременна. Мы с мамой за голову схватились, гадая, кто мог быть отцом ребенка. Мира училась в школе, но ни с кем не поддерживала дружеских отношений, сильно отставала по всем предметам. Даня усердно занимался с ней, ходил к преподавателям, вымаливая для нее тройки. И поэтому известие о беременности Мирославы стало для нас с мамой, как гром среди ясного неба. Мы хотели уже звонить Даниилу в Москву, чтобы выяснить с кем общалась Мира, кроме него...

Диана внезапно умолкла, остекленевший взгляд смотрел мимо Никиты. Он ощутил, как изнутри поднимается волна гнева, смешанного с недоумением.

— И что? Удалось выяснить, с кем общалась мать Марго, помимо Даниила? — тихо спросил он. Диана глубоко затянулась сигаретой, и полными неприкрытой боли глазами, посмотрела на Ника, выпустила изо рта густую струйку серого дыма.

— Ни с кем. — ответила она глухим безжизненным голосом. — Даниил не только ее дядя, Ник. Он еще и ее отец.

— Господи. — прошептал Скворцов, в ужасе отшатнувшись, да так, что чуть не полетел со стула. Ему потребовалось немало времени, чтобы усвоить и принять полученную информацию. А Диана жила с этим долгие годы.

— Это он тебе сказал? — придя в себя, спросил Ник.

— Нет. Мирослава. Я так и не позвонила Дане. В бреду сестра часто упоминала его имя и не только. Когда до нас с мамой дошло, что сотворил Даниил, было уже слишком поздно что-то решать. Мы ничего ему не сказали о беременности Миры, только дали понять, что нам стало известно об их истинных отношениях и попросили больше никогда не появляться дома.

— Я не могу его понять. — пробормотал Ник. — В голове не укладывается, как посмел брат так поступить с больной сестрой. Он, что совсем не соображал, что делает?

— Нам, нормальным и здоровым, психически уравновешенным, никогда не догадаться о причинах преступлений Даниила. Может быть, они перепутали родственную связь с чем-то большим, может быть, решили, что любят друг друга иначе.

— Полнейший бред. — возмущенно прервал Диану Скворцов. — У меня самого была сестра с таким же диагнозом, я и сейчас бы жизнь отдал, чтобы вернуть ее. И всю свою молодость положил на спасение Юли, но все равно оступился, приняв неправильное решение, и потерял ее. До сих пор несу на плечах тяжелый груз вины, в тоже время осознавая, что не смог бы спасти ее вечно. Страшно представить, как живет Даниил с тем, что сотворил. Он сам столкнул в пропасть родного человека и сбежал, как последний трус.

— Наверно, нам всем свойственно ошибаться, Ник. Суть жизни, ее смысл заключен в исправлении совершенных преступлений, признании, отрицании или забвении. Мирослава

выбрала последний путь. Винить в этом Даниила я буду до конца жизни, но я не Бог и не судья. Он сам себя наказал. Смотри, как запутались наши жизни. — Диана откинулась на спинку стула, глубоко задумавшись. — И ты знаешь, я очень часто думаю о том, кто же из них более безумен? Мира, погружившаяся в нереальный мир фантазий и кошмаров, или Даниил, оставшийся здесь, чтобы и дальше бродить во тьме и тянуть нас за собой. Так или иначе его грех коснулся всех нас.

— Даниил не имеет ко мне никакого отношения. — с презрением в голосе заметил Никита.

— Марго имеет. — проникательно заметила Диана. — Я имею. И ты — между нами. В этом аду. Мне очень жаль, Ник. Но кто-то должен положить конец затянувшемуся кошмару. Кто-то из нас... Должен проснуться и исправить все.

— Это невозможно. — покачал головой Ник. — Когда я в последний раз провожал сестру в клинику для душевнобольных, Юля сказала мне тоже самое, что и ты сейчас. «Ты должен проснуться, Ник». И на долю секунды, я испугался, что она права. На долю секунды я усомнился в том, что сам существую в нормальном мире, что вытаскивая ее из болота безумия, не сошел с ума.

— Я чувствую тоже самое. — понимающе улыбнулась Диана. Они протянули руки навстречу друг другу. — Маргарита во время приступов говорит страшные вещи, но ужаснее всего то, что я каждым разом я все лучше понимаю ее, улавливаю определенную логику в несвязных фразах. Может быть, мы зря не слушаем их, не пытаемся понять, погрузиться в размытые границы реальности, доступной лишь избранным, а не больным. В конце концов, что мы знаем о мире? И о том, что он собой представляет на самом деле?

— И чем больше я думаю об этом, Ди, тем страшнее становится. Говорят, что безумие заразно. Но я не хочу. Я должен быть сильным, чтобы убереечь Маргариту, задержать здесь, как можно дольше.

— Значит, у нас с тобой одна цель? — Диана слабо улыбнулась. — И мы спасем ее. Должны спасти.

— Вдвоем. — кивнул Ник.

— Да.

И в этот торжественный момент, когда бывшие любовники установили перемирие и практически дали друг другу клятву, раздался звонок в дверь. Диана и Ник встревожено переглянулись.

— Ты кого-то ждешь? — спросил Скворцов.

Женщина отрицательно качнула головой, в глазах появилось растерянное выражение. Звонок снова сработал, а потом в дверь постучали.

Диана направилась открывать незваному гостю, прижимая руки к груди, где бешено колотилось сердце. Она боялась, что это мог быть Даниил. Но, слава Богу, ошиблась. На пороге стоял Максим, жених Маргариты, лучезарно улыбающийся и очень симпатичный. В одной руке он сжимал внушительных размеров чемодан, в другой — букет белых лилий.

— Диана, как я рад вас видеть! — воскликнул он, без разрешения и тени смущения вваливаясь в квартиру. — С таким трудом удалось вычислить адрес. В последний раз она звонила отсюда. Ну, и намучался я. Пришлось даже взятку дать. Маргаритка, где? Она снова телефон потеряла?

— Угу. — хмуро кивнула Диана, потрясенно разглядывая вошедшего гостя.

— А что не восстановила номер? Я чуть с ума не сошел. Мало ли что. Москва —

большой город, здесь легко сгинуть без следа. А я-то тоже, как дурак. Завис с этими бюрократами. Заморочки у них всякие, а я жди. Думал, что не вырвусь из нашего городишки. — тараторил без умолку Максим, бросая в прихожей чемодан. Цветы протянул Диане. — Это вам. Маргаритке новые куплю. Она-то куда спряталась?

— Спит она, Макс. Заболела. Я ей укол сделала, отдыхает. Не буди ее сейчас, ладно? — попросила Диана, уткнувшись носом в красивые благоухающие лилии.

— А что стряслось? Простыла? — улыбка сползла с лица парня, в голубых глазах мелькнула неподдельная тревога.

— Нервный стресс у нее. — сдержанно пояснила Диана. — Перемена места жительства, новые заботы, беготня с квартирой и институтом, ну, сам понимаешь.

— Конечно, Ритка — она девушка впечатлительная. Я это сразу заметил. Чуть что — слезы, а через минуту уже смеется. Я сначала не догонял, потом приспособился. А что у вас с лицом?

Не привыкшая к подобной прямоте, Диана смутилась. Хорошо, что за букетом ее рук, покрытых синяками, не видно.

— Ерунда, с соседской кошкой неудачно поиграла. — ответила она.

— Ой, а вы это... не одна? — взгляд Макса скользнул за спину Дианы, прямиком к дверному проему, разделяющему кухню и прихожую. Не трудно догадаться, кого она там увидел.

— Максим, познакомься. Это Никита Скворцов. Мой друг. — взволнованно пролепетала Казанцева, повернувшись к бывшему бой-френду. — Ник, а это Максим. Жених Маргариты.

Мужчины шагнули друг к другу, обменялись рукопожатиями. Вежливые улыбки, изучающие взгляды. Ник чуть хмурит брови, но держится достойно, скрывая истинные эмоции. Макс откровенно счастлив, что, наконец-то нашел любимую девушку. В таком состоянии он не способен почуять неладное, и готов весь мир обнять.

— Чай? — тихо подала голос Ди.

— С радостью. — быстро отозвался Максим. — Устал с дороги и проголодался. В этом доме найдется что-нибудь съестное?

— Да, пирожные есть, колбаса, хлеб и масло. Пельмени еще в морозилке. Приготовить, к сожалению, ничего не успела. — механическим голосом сообщила Диана. Макс поспешил на кухню, оставив парочку позади. Заглянул в холодильник, словно давно распорядился здесь.

Диана и Ник мрачно переглянулись.

Счастливый жених продолжал проявлять чудеса находчивости. Он словно не замечал напряженного молчания присутствующих. Красноречиво и бодро описывая свои злоключения, Макс виртуозно сотворил из минимума продуктов настоящий ужин, сварил кофе на всех, расставил тарелки, сбегал в прихожую, чтобы достать из брошенного чемодана бутылку коньяка, но пил и ел в одиночестве. Ник и Диана воздержались. Говорил тоже только Максим.

— А что такие траурные лица? — утолив голод и пропустив рюмочку, соизволил заметить Макс. Когда ему не ответили, он встревожено посмотрел на Диану. — Или вы мне не все рассказали? У Ритки что-то серьезное?

— Поспит немного и оклемается. Не волнуйся. — мягко сказала Казанцева. Молодой человек нахмурился.

— И давно она спит? — напряженно спросил он.

— Несколько часов.

— Может, я взгляну на нее? Будить не буду, обещаю. — Максим поспешно встал из-за стола. Он не спрашивал разрешения, а ставил перед фактом. — Я быстро. Вы кушайте.

Максим мгновенно покинул кухню, не дав Диане и Нику опомниться или остановить его. Выбор был не велик — оба последовали за Максимом.

Беспокойство оказалось напрасным. Маргариту безмятежно спала, тихонько посапывая, не металась и не бредила, на щеках появился румянец. Диана с невероятным облегчением вздохнула. Хорошо, что она отнесла вещи Марго в ванную и прибралась в спальне, иначе не обошлось бы без объяснений. Ник стоял за ее спиной, и Диана чувствовала исходящие от него гнев и напряжение.

Максим осторожно присел на краешек кровати, и несколько минут любовался спящей девушкой. Улыбнувшись, он убрал с ее лица прядь волос.

— Макс. — предупредительно шепнула Диана. Он состроил виноватую гримасу.

— Извините. Я так соскучился. — признался парень. — Она очень красивая, правда?

— Да. — смягчившись, согласилась Диана. Нежная улыбка тронула ее губы.

Маргарита пошевелилась во сне, и все трое затаили дыхание. Девушка перевернулась на бок, просунув руку под подушку. Максим заботливо поправил плед.

Ник раздраженно фыркнул, но кроме Дианы никто ничего не заметил.

— Пойдем. Пусть спит. — шепотом позвала Казанцева. Максим с сожалением окинул взглядом любимую. Он явно был готов дежурить возле кровати до самого пробуждения девушки.

Стараясь не шуметь, Максим медленно выпрямился, и в этот момент Маргарита неожиданно открыла глаза. Но первый взгляд достался не расплывшемуся в улыбке жениху, и не оцепеневшей Диане. Она смотрела на мужчину, который стоял дальше всех, нервно кусая губы.

— Ник. — раздался слабый голос, подозрительно похожий на рыдание. В зеленых, как свежая листва, глазах застыл страх и отчаянье. — Ник... — повторила она.

Максим растерянно обернулся на «друга» Дианы, шагнув в сторону. В два стремительных шага Скворцов оказался возле Маргариты, оттеснив плечом опешившего от потрясения жениха, упал на колени, сжимая в ладонях ее холодные пальчики.

— Я здесь, малыш. Все хорошо. — прошептал он. Марго улыбнулась и, наклонив голову, поцеловала его руки.

— Я ничего не помню, Ник. Как я здесь очутилась? — спросила она, не отрываясь глядя на него.

Максим, потеряв дар речи, наблюдал на разыгравшейся сценой воссоединения влюбленных, в которой ему не досталось ни одной роли. Маргарита не видела никого, кроме мужчины, склонившегося над ней. И он... тоже.

— Нам лучше выйти. — тихо сказала Диана, тронув за плечо несчастного отвергнутого жениха.

Глава 14. До свидания, Ник

Месяц спустя. Гавайские острова

«Ты должен проснуться, Ник».

— Ты что-то сказала, милая? — Никита резко обернулся, и, выпустив ее руку, посмотрел в глаза Маргариты. Легкий ветер бросил черные пряди ей в лицо, игриво приподнял подол короткого светлого платья. Она беспечно улыбнулась, и побежала вперед.

— Ты привез меня в рай. — кричала она, устремившись навстречу волне, лениво набегающей на белый песок. Солнце практически сравнялось с горизонтом, окрасив океан в розовый цвет. «А она права», пронеслось в голове Никиты. Они действительно попали в рай, побывав на задворках ада, где затаилось в ожидании гадкое чудовище, имя которому Безумие. Но Ник больше не боялся его. Именно Марго вернула ему веру и надежду в то, что пока они вместе — ничего не случится.

В тот злополучный день, когда он нашел Маргариту в снятой им для нее же квартире в удручающем состоянии, они уехали вместе, оставив Диану и Максима с кучей вопросов, ответы на которые им не скоро посчастливится узнать. Первые дни Марго чувствовала себя подавленно, грустила, отводила глаза, и не задавала вопросов о Берте. Ник понимал, что она ничего не помнит, но подсознание — сложная штука. Это, как утро, после дикой попойки. В голове — полное отсутствие информации о вчерашних телодвижениях, но гадкое послевкусие не только во рту, но и на душе, ощущение свершившейся катастрофы и чувство вины. И чтобы избавиться от тягостного ощущения необходимо не восстановление событий в памяти, а время для успокоения и обретения внутреннего душевного равновесия. И Марго стало легче через пару дней. Она снова улыбалась и вела себя, как обычно. Шутила, смеялась, с удовольствием обсуждала вопросы с грядущим путешествием. Ник решил, что самое действенное лекарство для Маргариты — полноценный отдых, полная смена обстановки и положительные эмоции. Потом потекли, заполненные радостной суетой дни, подготовка к отпуску, оформление виз и загранпаспорта для Марго.

И вот они здесь. В раю.

И пусть Нику пришлось пережить с десятков гневных перепалок с отцом, обвиняющем его в бегстве от проблем и уклонении от возложенных на него ожиданий и обязанностей. К черту работу, к черту скучные разглагольствования о финансовой стабильности и карьере, о долге и нарушении должностных обязательств. Его руках главное сокровище, и единственная цель, ради которой и стоит жить — здоровье Маргариты, ее счастье и их совместное будущее. Больше ничего не нужно, не важно, не имеет значения... Бросить все, чтобы идти дорогой любви. Нет, это не жертва. Это дар. Все, о чем только можно мечтать.

Набежавший с океана ветерок шевельнул сочную раскидистую листву пальм на побережье. Ник с улыбкой наблюдал, как Марго, скинув платье на песок, бросается в теплые прозрачные волны. Она, как свет, как дыхание. Как мечта.

Не любить ее, все равно, что не жить.

И чтобы навеки осушить слезы любимой и исцелить ее душу, Ник готов перевернуть мир, босиком уйти за горизонт, лишь бы в его руке была рука Марго.

Когда один человек становится для тебя центром вселенной, твоей душой и сердцем, не существует никаких препятствий и сомнений. Сомневается только разум. А любовь знает, ведет, управляет. Любовь — главная созидательная сила. Творец. Благо. И Истина.

И когда скорлупа цивилизованного разумного, обладающего аналитическим умом и трезвыми взглядами человека, рухнула в одночасье, Ник, наконец, открыл глаза, чтобы увидеть мир таким, какой он есть на самом деле — прекрасный одухотворенный мир без преград, без ограничений. Мы можем позволить себе, все, что захотим. Но мы разучились желать. Желать от глубины своей души. Нужно просто слушать свое сердце. Оно не обманет, если мы сами не обманываем себя, если мы не спутали любовь с чем-то иным, приземленным, ограниченным чувственностью и желаниями тела, разрушительным... Познать разницу способен только истинно любящий человек.

Ник стал таким. Чувствовал себя таким.

Странно, что сейчас в этот миг внутреннего триумфа, на краю света, в самом сердце райских кущ, он вспомнил другой день.

Тогда небо и земля казались одного цвета. Грязные серые оттенки, холодный липкий снег, глина, налипающая на промокшие красовки. Он стоял на краю могилы сестры и думал о смерти. Впервые за свои двадцать четыре года. Не было ни цели, ни смысла, ни надежды. Только забвение, которое он познал в объятиях блудного отца, вернувшего ему подобие жизни. Чтобы не упасть за последнюю грань, всем нам нужна соломинка, за которую мы цепляемся из последних сил, повинувшись инстинкту самосохранения, и медленными мучительными шагами двигаемся вперед, боясь оглянуться. Но кто знает, что мы оставили за спиной? Груз воспоминаний или собственные иллюзии. Совершенные ошибки, нереализованные желания, забытые жизни? Или отвергнутую неприглядную реальность?

Ник потрянул головой, отгоняя мрачные мысли. Только не здесь, где жизнь движется по его правилам, на его условиях.

Никита медленно двинулся к лазурной кромке океана. Он тоже хотел искупаться в предзакатных солнечных лучах, разливающихся в теплых волнах, набегающих на берег.

Боль. Яростная дикая, разрывающая легкие. Кровь, вспышки света, агония. Скрежет металла, крик, рвущийся из пробитой груди. Время, словно замедленной съемке, рваные, мелькающие образы, и тишина. И снова боль, пронзающая все тело. Сломан, словно кукла, разбит на части. Тишина. Гулкая, мертвая, пугающая, звенящая в висках. Осторожная и молчаливая, как смерть. Нежданная. Несправедливая. Нелепая.

И облегчение. Покой. Слабые волны, раскачивающие взад-вперед. Свет.

Голос. Знакомый. И такой родной.

«Ты должен проснуться, Ник».

Он открыл глаза, разбуженный собственным криком. Тело сотрясала дрожь, холодный пот, озноб, временное оцепенение. Ник повернул голову. Перевел дыхание. Успокоился.

Все хорошо. Просто сон.

В спальне полумрак, медленно колышались занавески на незакрытом окне, рядом спит Маргарита. Или не спит?

Не спит. Приподнявшись на локте, с тревогой в глазах всматривается в его лицо.

— Что тебе снится, Ник? — спросила она тихим голосом с ноткой грусти.

Скворцов откинулся на подушки, устало прикрыл глаза. Если бы он мог объяснить. Один и тот же кошмар преследует его на протяжении семи лет. Не каждую ночь, но все же...

— Я не знаю, Маргарита. — покачал головой Ник. Она доверчиво прижалась к его плечу.

— Расскажи...

— Иногда я думаю, что во сне словно переживаю смерть Юли. Моей сестры.

— Как она умерла?

— Спрыгнула с пятого этажа больницы, в которой лечилась. Разбилась.

— Ты мне не говорил.

— Зачем? Это страшные воспоминания, им нет места в нашей сегодняшней жизни.

— Но они преследуют тебя.

Ник повернул голову набок, посмотрел в зеленые глаза Маргариты. Она редко задавала вопросы. Очень редко. Раньше он считал подобный фактор признаком равнодушия. Сейчас все изменилось. Вопросы-ответы... Какой в них смысл? Узнать друг друга лучше? Ерунда. Жесты, взгляды, прикосновения, и, наконец, поступки расскажут больше, чем самые громкие и богатые по содержанию фразы. Если Марго захочет поведать ему трагическую историю своей матери, то сделает это, и незачем торопить ее, и, он уверен, что она считает так же. Вопросы необходимы тогда, когда человек хочет ответить на них, нуждается в исповеди, понимании или надежном непромокаемом плече.

— Во сне Юля постоянно говорит мне, что я должен проснуться. Не могу понять, что это значит. — тихо произнес Ник. Марго печально улыбнулась, коснувшись кончиками пальцев его щеки. Во взгляде появилось хрупкое беззащитное выражение. Девушка порывисто прижалась к нему.

— Не думай об этом. — прошептала она. — Остайся со мной.

— А куда я денусь? — усмехнулся Ник, целуя любимую в затылок.

— Просто меня пугают такие сны. Нам хорошо сейчас. И это главное.

— Конечно, милая. Ты права...

Небольшую виллу, снабженными необходимыми условиями для цивилизованного пребывания, парочка влюбленных сняла на месяц с возможностью продлить срок аренды. Ник не спешил возвращаться домой, в пресловутые каменные джунгли. В уединенном тропическом рае на берегу океана легко забыть о насущных проблемах и просто наслаждаться жизнью каждый миг бытия. Он долго и тщательно искал самое тихое и далекое от дислокации других туристов место, чтобы создать иллюзию полной оторванности от реального мира. Уборщики, чистильщики бассейна и прочий технический персонал не появлялся на вилле, без предварительного разрешения Скворцова. Они выполняли свою работу только во время отсутствия отдыхающих. Продукты так же доставлялись по заказу. Ник сделал все возможное, чтобы воплотить желание Маргариты — оказаться с ним вдвоем на краю света.

Им не было скучно или одиноко. Не возникало потребности в общении с другими людьми или привычных для курорта вечеринок. Они обрели друг друга и не могли насытиться собственным счастьем.

— Ты — волшебник. — часто повторяла Марго. — я, словно, в сказку попала.

А Ник радовался как ребенок, довольный, что смог угодить ей.

Две недели бесконечного блаженства и неги, похожие на сон, пронеслись, как одно мгновение. И Ник решил сделать то, что хотел, как только увидел ее.

Утром, когда они собирались купаться, Скворцов специально задержался на вилле, позволив Маргарите пойти одной. Он позвонил в службу доставки продуктов, связался с курьером лично и попросил к списку стандартных продуктов добавить шампанское и цветы. Кольцо Ник успел купить еще в Москве. Еще несколько звонков решили вопрос с обеспечением романтической обстановки. Ключевым местом мужчина выбрал просторную белую веранду в тени пальм. Она находилась на небольшом расстоянии от виллы и

облюбованного ими пляжа, и Марго при всем желании не смогла бы увидеть суетливые приготовления к торжественному моменту.

День они провели, как обычно. Купались, загорали, бегали голышом по горячему песку, дурачились, как дети, и гуляли, держась за руки, вдоль побережья. Как мужчина-добытчик, Никита залезал на пальмы, срывал кокосы, чтобы потом напоить и накормить Маргариту. А она была похожа на Еву, первую совратительницу мужчины на земле, прекрасную, как сам грех. А когда Марго выходила из воды, выжимая свои длинные черные волосы, совершенная в своей обнаженной красоте, Ник сравнивал ее с Венерой и Афродитой.

Они возвращались на виллу, когда солнце только коснулось кромки воды на горизонте. Еще было довольно рано, но сумерки в тропиках начинались быстро и стремительно. А еще так много нужно было успеть.

Ник задержал ее на дорожке к дому, взяв за руку. Марго откинула за плечо влажную длинную косу, и с улыбкой посмотрел на него.

— Ты что-то задумал? У тебя с утра такой довольный заговорщический вид. — заметила она, блеснув идеально ровными зубами на загоревшем лице.

— Пойдем со мной. — загадочно произнес Ник, уводя ее с дорожки в сторону пальмовой рощи.

— Я бы сказала: хоть на край света, но мы уже здесь. — беспечно рассмеялась Марго, доверчиво следуя за ним.

А потом она увидела беседку... Остановилась в нерешительности, замерла на мгновение. Резко развернулась, хватая Ника за руки. Посмотрела серьезно и смущенно.

— Китайские фонарики? — тихо спросила она. — На Гавайях? Ты, наверно, действительно волшебник.

Они поднялись по ступенькам в просторную беседку, где в самом центре возвышался стол на резных ножках. Свечи, лепестки роз, фрукты, замысловато нарезанные на красивых тарелках, кокосы с обрезанными вершинками и трубочками, шампанское и бокалы на ножках, и огромный букет диковинных цветов в высокой вазе. Ник отодвинул перед Марго стул, но она не спешила садиться. Взглянув в его лицо, улыбнулась тревожной улыбкой, в глазах блеснули слезы.

— Как красиво, Ник. Я растрогана. — прошептала девушка, прижимая его руку к груди. — Ты — лучший. Необыкновенный.

— Я люблю тебя.

— Я знаю.

— Я не такого ответа ждал. — нахмурился Ник. Марго вела себя странно. Она, вроде бы, радовалась, но в то же время в каждой черточке ее лица сквозила невысказанная грусть.

— Это — мечта, Ник. — сказала она, внимательно глядя на него. — Когда мечты сбываются, не остается ничего, кроме сожаления и пустоты.

— Неправда. Нам всегда будет о чем мечтать. — опроверг ее сомнения Ник. Он заключил ее лицо в ладони, и заставил посмотреть на себя. — Мы еще и не начинали мечтать, не начинали жить. У нас все впереди. И я хочу спросить у тебя, Маргарита, готова ли ты начать жить... со мной? — с этими словами Скворцов извлек маленькую коробочку из кармана шорт, и, открыв ее, протянул Маргарите.

— Это то, о чем я думаю? — потрясенно распахнув глаза, спросила Марго. С белоснежной крошечной подушечки внутри футляра сверкнул бриллиант. Ник кивнул. Серьезный, торжественный, взволнованный. Марго мягко и нежно улыбнулась, осторожно

взяв кончиками пальцев золотой ободок.

— Это «да»? — с напряжением в голосе, спросил Никита. Девушка решительно надела на палец кольцо, и спокойно посмотрела в полные нетерпеливого ожидания глаза.

— Стопроцентное и безоговорочное «да». И я люблю тебя, Ник.

Конечно, он догадывался, что ответ будет именно таким, но все равно испытал, ни с чем несравнимую, радость и облегчение. Они сделали это — воплотили мечты в реальность. И не существует в мире силы, способной разлучить их.

Наверно, если во что-то очень сильно верить, то, непременно, так и будет. Так или иначе, мы всегда получаем желаемое. Нужно только уметь правильно формулировать свои мечты.

Ночью ему снова приснился кошмар. Он кричал и метался во сне, как раненное животное. И Марго разбудила его, утешила в своих объятиях. И ни о чем больше не спрашивала. Словно и так все знала. Она молчаливо перебирала его волосы, глядя в окно, и мыслями была где-то далеко. Ник не удержался и спросил, о чем она думает. Ответ смутил и напугал его.

— Скажи мне, Ник, ты счастлив сейчас?

— Да, конечно.

— Больше, чем когда-либо? Неужели не было момента в твоём детстве или юности, затмившем сегодняшнее состояние блаженства?

— Такого абсолютного — нет. Но был промежуток отдаленно похожий...

— Расскажи.

— Я уже говорил, что моя сестра очень часто болела. А мы с мамой пытались сделать все возможное, чтобы помочь ей. Трудное время, тяжелые заботы, безденежье. Юля попала в больницу в первый раз. И после длительного курса лечения пошла на поправку. Это было похоже на чудо. Я поступил в институт, устроился на прилично оплачиваемую работу, которая позволила нашей матери уволиться и обрести заслуженный статус домохозяйки. — Ник задумчиво улыбнулся, быстро поцеловав ладонь Марго. — Мне тогда казалось, что это и есть счастье... Когда твои близкие здоровы и не нуждаются, когда ты делаешь для них, все, чтобы их жизнь обрела стабильность и сбалансированность.

— Для тебя так важно — оберегать и спасать любимых. — заметила Марго с печальной улыбкой. — Ты и сейчас занят тем же, Ник. Ты обретаешь себя, спасая других.

— я не смог уберечь свою сестру...

— и чувство вины и желание все исправить направило тебя ко мне. — закончила за него Маргарита.

— Меня направила к тебе любовь.

— Да. — кивнула она. — И глубокая душевная травма. Ты должен осознать, что не виновен в болезни сестры. Возможно, она и не была больна. Возможно, ей не хватало веры и любви, понимания и принятия ее индивидуальности и особых взглядов на окружающий мир. Пока вы спасали ее, упустили главное. Не заглянули внутрь, не попытались понять, и просто любить ее такой, как она есть.

Ник приподнялся на локте и изумленно взглянул в лицо Маргариты.

— Откуда ты можешь знать? Ты не была знакома с ней. Я, вообще, не рассказывал, чем именно болела Юля.

— И не надо. Все ясно без слов. Послушай, Ник. Возможно, она никогда и не умирала. Возможно, ее убили твои сомнения и неверие в собственные силы. Возможно, она права, и

ты должен проснуться, потому что иначе никогда не станешь по-настоящему счастливым и свободным.

— О чем ты говоришь? — воскликнул Ник, чувствуя нарастающую панику. Неужели снова началось? Боже, только не сейчас, когда он...

Когда он, что?

— Не бери в голову, Ник. — внезапно сменила курс Марго, нежно обнимая его за талию. — Это просто слова, и в них нет никакого смысла. Я никогда не смогу тебя отпустить. Без тебя я не захочу жить.

Ник уснул, стараясь не думать о странных словах Маргариты. Но с той ночи, кошмары стали преследовать его постоянно. Счастливый и радостный днем, к вечеру Ник замыкался в себе, становился дерганным и нервным. Марго не задавала вопросов, лишь наблюдала за ним с тихой понимающей улыбкой.

Беда подошла незаметно. Он не был готов.

Она стояла у окна в ночной рубашке. Волосы распущены по плечам.

— Бумажный дождь. Все дело в бумажном дожде.

— О чем ты говоришь, Марго?

— Ты даришь мне бумажные цветы. Я думала, что ты специально злишь меня. Но виноват бумажный дождь. Когда-то в детстве я любила вырезать человечков из картона. И никогда не задумывалась, что кто-то так же мог вырезать меня. Бумажная девочка, которой дарят бумажные цветы. Пообещай мне, что выкинешь ножницы.

— Марго, ты пугаешь меня.

— Не нужно бояться. Ничего не нужно бояться, кроме ножниц и огня.

Ник почувствовал, как в груди замерло сердце, болезненный спазм обжег внутренности, в горле образовался ком.

— Пожалуйста, Маргарита. — взмолился он, вставая с кровати и подходя к ней. — Посмотри на меня. — протянул руки, положил на хрупкие плечи и развернул к себе. На улице действительно шел дождь. Стеной. Он стучал по крыше и стеклам, он проник в его душу, чтобы пролиться кровавыми слезами. Марго смотрела на него осознанным и спокойным взглядом, словно знала доступную только ей тайну.

— Я должна отпустить тебя, Ник. — сказала она тихим нежным голосом. — Холодная луна спряталась за окном. Она ждет меня. Я всегда чувствовала ее присутствие. Я знала, что так будет. У бумажной вселенной нет начала и нет конца, но удержаться в ней могут только пленники луны. А ты — житель солнечного мира. И тебя забирают. Она не оставит, не отступится... Ты виноват, слишком долго играл в спасателя. Я каждый день слышу ее голос. Ее зов. Она кричит и плачет, она умоляет и ждет. И тоже хочет свободы. Она не видела бумажного дождя, не летала среди пластиковых планет, не грела руки над холодной желтой луной. Она не понимает, что тебя держит здесь. Чувство вины поглотило обоих, но никто не виноват на самом деле, кроме игроков, а им нет дела., давно и безнадежно безразлично. Все в голове, в мыслях, в переплетениях сознаний. Мы разгребаем гору человеческого дерьма, созданного нами же. Без всякого смысла. Нам только кажется, что мы движемся, дышим и выбираем. Ничего нет. Ничего, кроме ножниц и огня.

— Марго... — Ник до боли сжал плечи любимой, порывисто прижимая ее к своей груди.

— Ты должен проснуться, Ник. — прошепел ее голос.

Так странно... Ему показалось, что звук идет с разных концов комнаты. Отовсюду. Шелестит, словно сброшенные со стола кипы бумаг. Боль пронзила мужчину с головы до ног, он зашатался, отчаянно хватаясь за Маргариту и чувствуя, как сознание медленно уплывает от него.

— Не уходи. — хрипло, сквозь боль, сковавшую легкие, прокричал Ник.

— Я всегда буду здесь. Может быть, однажды ты найдешь меня снова.

Прежде чем, темнота поглотила Никиту Скворцова, он успел вырвать из подступающей мглы ее лицо. Трогательно хрупкое, нежное, и бесконечно несчастное.

— До свидания, Ник.

Подмосковье. Областная психиатрическая больница. 2006 г.

Невысокая платиновая блондинка в клетчатом платье и поношенных туфлях на низком каблуке, прижимая к груди потертую кожаную сумку бежевого цвета, стремительно поднялась по ступенькам и, расправив плечи, уверенно вошла в просторный холл, где ее встретил не улыбочивый охранник. Девушка вымученно улыбнулась, подняв на блюстителя безопасности ярко-голубые глаза. Заметив недовольное выражение на лице мужчины в унылой униформе, она спохватилась, и потянулась к сумочке, чтобы предъявить документы, удостоверяющие ее личность и допуск на территорию больницы.

— Так-так... — протянул охранник, пристально и без спешки изучая документы. Данную процедуру он проделывал во время каждого визита, и неважно, что данная посетительница успела изрядно примелькаться. Долг, как говорится, превыше всего. Девушка и не возмущалась, она терпеливо дожидалась окончания процедуры идентификации ее личности.

— Так-так. Юлия Скворцова, значит. Прекрасно, хм... В тридцатую палату, значит. Так-так... Вы знаете, что сейчас время прогулки, и все больные, которым разрешено посещать внутренний парк больницы, находятся за пределами своих палат? — охранник почесал подбородок и строго взглянул в совсем еще детское лицо. Девушка оживленно закивала, забирая документы и убирая обратно в сумку.

— Конечно. Но у меня особый случай. Моя мама сейчас находится здесь. Она позвонила мне и попросила срочно приехать.

— Судя по допуску, вы навещаете не маму, а своего брата. — с непроницаемым лицом заметил мужчина, снова потирая подбородок.

— Да, но мама тоже навещает пациента из тридцатой палаты, и в данный момент находится именно там. В журнале регистрации посетителей должно быть указано, что утром на территорию больницы прошла Эмма Скворцова, и до сих пор не покинула границы объекта, находящегося под вашим пристальным наблюдением. — в тон ему ответила Юлия, нервно перебрасывая ремешок сумочки через плечо.

Охранник так же неторопливо заглянул в вышеуказанный журнал, и очень долго изучал его.

— Все верно. — изрек он тремя минутами спустя. — Была такая.

— Я могу пройти?

— Нельзя. Еще полчаса будет длиться прогулка, потом час на процедуры и два часа — время отдыха.

— Но у меня экстренный случай. Прошу вас, свяжитесь с лечащим врачом Никиты Скворцова. — Юлия с мольбой посмотрела в грозное лицо. Охранник был непробиваем. В медицинских учреждениях чаще всего встречаются жестоко сердечные люди. Нет, не потому что они злые... Просто слишком многое пришлось повидать. Постоянное соседство с болью и болезнями ожесточает.

— Я вас очень прошу. Это важно. Мама сказала, что мой брат пришел в себя. — продолжила настаивать девушка мягким просительным голоском.

— Ха. — бросил охранник. — Это что-то новое. Пришел в себя! А раньше, где был?

— Где и все больные данного учреждения. Не в себе. — с железным самообладанием

пояснила Юлия. Охранник смерил ее холодным взглядом, и неожиданно смилостивился.

— Фамилию врача скажи.

— Степанов. Игорь Владимирович. — быстро протараторила девушка, взволнованно пряча влажные ладони за спиной. Мужчина вразвалочку направился к стойке, где базировался старый телефонный аппарат. Набрал номер.

— Игорь Владимирович, это охранник Иванов. Тут посетительница пожаловала в неприемное время. Некая Скворцова в тридцатую палату. Говорит, что у нее экстренная ситуация.... Пропустить? Хорошо. — Иванов положил трубку на рычаг, и тяжело вздохнул.

— Иди, Скворцова. Только не в палату. Пациент на обследовании, а шлепай напрямиком в кабинет доктора. Другая нарушительница режима уже там.

— Спасибо! — радостно воскликнула девушка, в избытке чувств подпрыгнув на месте. Не смотря на потраченные впустую полчаса личного времени, она готова была расцеловать нелюбезного охранника в обе щеки, но во время сдержалась. Прошмыгнув в двери, находящиеся сразу за пунктом охраны, она оказалась в длинном коридоре с разукрашенными веселыми рисунками стенами и натертым до блеска полом.

— Бахилы не забудь! — бросил ей вслед дотошный Иванов.

— Черт. — Юлия остановилась и снова полезла в сумку за парой чистых бахил, быстро надела и продолжила путь.

Оказавшись у дверей Степанова Игоря Владимировича, девушка вежливо постучалась. Слава Богу, что восемь месяцев назад они с матерью перевели Ника из другой клиники, в которой Юлия знала врачей-психиатров не только, как посетитель, но и как пациент. Да, это хорошо, что та веха ее жизни осталась далеко позади. Странно, что именно беда с Никитой показала ей, как неоправданно жестко и нелепо она вела себя. И только из-за ее проблем брат оказался здесь. Роковые трагедии, случающиеся в жизни, иногда заставляют нас мобилизовать душевные силы, и учат концентрироваться на решении проблем, как внутренних, так и внешних. Открывают глаза и позволяют взглянуть на мир с совершенно другой стороны. Очищают разум и чувства, снимают пелену эгоизма и заикленности на собственных переживаниях. Призывают к борьбе, задают цель и смысл всему происходящему.

— Юлечка, проходите. — приподнявшись из-за стола, с мягкой улыбкой пригласил девушку Игорь Владимирович. У доктора было приятное широкое лицо и, как у всех психиатров, осторожные и сдержанные манеры, вкрадчивый голос и доброжелательный внимательный взгляд. Степанов жестом указал Юле на мягкую удобную кушетку, где уже расположилась мама Юлии. Эмму Скворцову было не узнать. Тронутое тяжелой жизнью лицо сияло, и выглядело гораздо моложе, даже седина в волосах приобрела благородный платиновый оттенок. Юлия присела рядом с матерью и Эмма порывисто обняла дочь за плечи, потом, словно смутившись слишком эмоционального жеста, отпустила, и взволнованно сжала ее руку. Девушка напряженно смотрела только на доктора.

— Игорь Владимирович, это правда, что Никите стало лучше? — нетерпеливо перешла в главному вопросу Юлия.

— Да. Я только что говорил вашей матери, что произошло настоящее чудо. — Степанов тепло улыбнулся. Наверно, ему не часто приходилось сообщать хорошие новости. Всем известно, что однажды попав в психушку, мало кто возвращается из нее здоровым и насовсем. — Не то, чтобы чудо. Конечно, весь персонал ждал, что рано или поздно Никита выйдет из постшокового состояния, повлекшего за собой потерю восприятия реальности и

распознавания собственной личности. Но этого могло и не случиться, если учесть продолжительность реабилитационного периода. Полтора года — это много, слишком много. Его состояние обусловлено физическими факторами, перенесенным травматическим шоком и клинической смертью, поражением некоторых очагов мозга. Я не буду углубляться в терминологию. И скажу на понятном вам языке. Сегодня утром Никита Скворцов полностью пришел в сознание. Он правильно идентифицирует себя, логически мыслит и выстраивает речь, ориентируется в пространстве, самостоятельно передвигается, отвечает на вопросы. Я провел предварительные тесты, и результаты просто потрясающие. Если динамика к улучшению продолжится, то совсем скоро мы сможем отпустить его домой. Сейчас Никиту дополнительно тестируют и замеряют необходимые показатели, и уже вечером я буду знать, времен и случаен прогресс, или он действительно пошел на поправку.

— Какое счастье! Ты рада, Юленька? — воскликнула Эмма Скворцова, всем корпусом поворачиваясь к дочери. Девушка из-за всех сил сдерживалась охватившие ее эмоции.

— Да, мама. Замечательная новость. — Юля посмотрела на доктора. — А когда мы сможем его увидеть?

— Скоро. — кивнул Степанов. — Но есть одно но. Видите ли, Никита ничего не помнит о том жутком происшествии. Я сообщил ему, что он стал жертвой наезда автомобиля, перенес клиническую смерть, множественные операции, сказал о длительной коме. Пациент воспринял новости стоически и по-мужски, но он очень растерян, не понимает, почему после выхода из состояния комы был направлен в психиатрическую клинику, путается во времени. Я думаю, что присутствие близких людей поможет ему справиться с ситуацией. Вы должны понимать, как сложно Никите принять, что полтора года его жизни прошли в состоянии полного забвения.

— А нас он помнит? — спросила Юля, внезапно побледнев.

— Да, конечно. Но до определенного момента. Очнувшись, он первым делом заговорил о вас, Юлия. Твердил, что должен найти вас, чтобы помочь, так как, кроме него, о младшей сестре позаботиться некому.

Юля опустила голову, расправляя несуществующие складки на подоле. Эмма Скворцова хранила напряженное молчание. Доктор не мог знать, что для Никиты жизнь остановилась в самый неблагоприятный период. Сестра слетела с катушек, связалась с криминальной компанией, мать сбежала с любовником в другой город, а он один расхлебывал ворох навалившихся проблем. Им предстоит долгая и изнуряющая работа по его возвращению в тот мир, где все изменилось до неузнаваемости. Непутевая сестра опомнилась и взялась за ум, мать вернулась, чтобы быть рядом с сыном. Но для него, для Никиты жизнь замерла, на том отрезке времени, когда он особенно нуждался в благоразумии сестры и любви матери, а они... Подвели его. Обе. Сейчас остается только молить о прощении и делать все возможное и невозможное, чтобы помочь ему.

— Есть еще один момент. — Доктор сосредоточенно потер переносицу, и показал на стопку тетрадей на краю стола.

Юля проследила за его жестом, потом перевела взгляд на лицо Степанова.

— Его записи? — спросила она. Игорь Владимирович кивнул.

— В сложившихся обстоятельствах, я считаю, что Никите не стоит читать то, что он записывал в беспамятном состоянии. — с явной неохотой сказал доктор. Юля была озадачена его тоном. — В ходе тестирования и последующих вопросов, я убедился в том, что он не помнит, что с ним происходило в течение полутора лет. И вся нафантазированная

жизнь осталась исключительно на страницах этих тетрадей. С одной стороны, это очень хорошо. И ему не придется строить границу между реальностью и вымыслом. Но с другой... Нам нужно выработать правильную тактику. Дело в том, что мозг человека, как вы знаете, не изучен до конца, и мы не можем быть уверены, что то, что он переживал в течении длительного времени, не станет постепенно возвращаться в виде образов, вспышек воспоминаний или снов, которые смогут внести сумятицу в мысли или напугать. Поэтому вы должны быть максимально внимательны, как только появятся признаки всплывающих воспоминаний, дайте ему прочесть эти тетради, или направьте ко мне, чтобы я смог тактично и правильно объяснить характер и причины вымышленных им событий.

— Я не думаю, что ему нужно читать записи. Это только плод болезненного воображения. — сухо ответила Юля. Сама она, конечно, была хорошо знакома с содержанием тетрадей. И некоторые моменты глубоко потрясли и возмутили ее. Особенно те, что были связаны с ее смертью. Если возвращение отца, она могла объяснить скрытой потребностью в его присутствии, как и неожиданное богатство — кто не мечтает быть богатым и успешным? — то странная одержимость чувства вины за вымышленное самоубийство ее — Юли, девушку откровенно напрягало. Ник в своем придуманном мире вычеркнул из своей жизни сестру и мать, и Юля не могла не задаться вопросом, почему он не нафантазировал для них всех благоприятный поворот событий? Неужели все эти месяцы, пока они дежурили у его кровати, Никита так и не нашел в себе сил, чтобы простить их? Другого объяснения Юля не находила, а у нее было достаточно времени, чтобы подумать над каждым словом, записанным Никитой в тетрадь.

— Не будьте так категоричны, Юлия. — Игорь Владимирович спокойно улыбнулся девушке. — Болезненное воображение, о котором вы упомянули, полтора года было единственной реальностью вашего брата. Вы не читали, не успели. Последняя запись меня особенно тронула. Ваш брат был счастлив там... — доктор задумчиво посмотрел на обеих женщин поочередно. — Я много фантазий слышал и видел, но никогда в них не было столько света, радости и любви. Никита создал собственную виртуальную реальность, в которой проходил заданные им же задачи, следовал определенному пути и достиг конечной цели игры, а потом вернулся. Вы знаете, какие пациенты здесь содержатся. Их иллюзорный мир не содержит логической цепочки событий, и часто кишит темными и мрачными видениями, мыслями о суициде, параноидальными страхами. Могу с уверенностью сказать, что Никита Скворцов — особенный случай в моей практике, исключение из правил, хотя в стенах этого заведения сложно говорить о правилах. Каждая история болезни по-своему уникальна. Но Никита... Меня не покидает ощущение, что не я или другие специалисты клиники вылечили его, а он сам. Ему потребовалось много времени, но парень справился. Подсознание вело его трудным путем хитросплетений и игр разума, чтобы окончательно избавиться от всего, что мешало ему вернуться в нормальный мир. Я бы хотел понаблюдать за ним и дальше, после выписки, но только с вашего разрешения.

— Если Ник сам захочет. — ответила Эмма Скворцова. — Честно говоря, нам всем хотелось бы поскорее забыть обо всем случившемся, как о страшном сне.

— Я согласна с мамой. — вставила Юля.

Доктор был разочарован.

— Что ж. — вздохнул он. — Я вас прекрасно понимаю. Мне понадобится два-три дня для окончательного заключения, и, если мы не ошиблись, Никита поедет домой. Тетради можете забрать, но не забудьте о том, что я вам сказал. Если у Никиты возникнут вопросы,

отдайте их ему.

— Вы знаете, док, звучит дико, но мне почему-то грустно от того, что я завтра покину вас. — молодой человек вытянул ноги, и закинул руки за голову. — Мне нравится эта удобная кушетка, и наши разговоры, в которых я порой теряю связующую нить. И персонал... Все, даже санитарки так дружелюбно относятся ко мне, что я начинаю смущаться.

— Никита, просто мы рады, что вы полностью излечились и готовитесь к выписке. И мы уверены, как никогда, что вы к нам не вернетесь. — мягко ответил доктор

— А меня не покидает ощущение, что я что-то оставляю здесь. — задумчиво пробормотал Ник Скворцов. — Сложно объяснить... Похоже на то, как выходя из квартиры, чувствуешь, что забыл нечто важное, рыщешь по карманам и обнаруживаешь отсутствие ключей. Вы часто задавали мне вопрос, помню ли я какие-то сны или видения, пока... ну, вы сами понимаете. Может быть дело в снах, которые я забыл?

— Только ты можешь ответить на этот вопрос, Ник.

— Но я же не просто лежал, тупо глядя в потолок. Я ходил, двигался, и, наверно, что-то говорил...

— Ты не контактировал со мной, Ник, и ни с кем. Ты вставал, пил лекарства, принимал ванну, ходил в туалет, на прогулку, завтракал, обедал и ужинал, ложился спать, но никогда и ни с кем не заговаривал, не реагировал на присутствие других людей, пациентов или персонала больницы.

— Это очень странно, что я ничего не помню.

— Нет. Это — абсолютно нормальное явление. Твой мозг был поврежден во время остановки сердца и дыхания и нуждался в восстановлении всех функций. И во время перезагрузки некоторые данные были утеряны. Ничего удивительного. Амнезия — страшнее, и в случаях, подобных твоему, очень распространена.

— Вы хотите сказать, что мне повезло? — едва заметная улыбка тронула губы молодого человека.

— Несомненно! — заверил Игорь Владимирович. — Ты мог погибнуть.

Ник уставился в потолок немигающим тяжелым взглядом.

— Я хотел отправить сестру на принудительное лечение в психиатрическую клинику. Меня остановила судьба или рок. Не знаю, как еще объяснить случившееся. Я был слеп и глух, я не видел причин, толкающих Юлю на странные и возмутительные поступки. Ирония заключается в том, что именно я стал пациентом психушки.

— Не психушки, Никита...

— Какая разница, как называется данное заведение. — усмехнулся Ник. — Я мог совершить страшную ошибку. Мог обречь родную сестру на... Боже, когда я думаю обо всем этом, голова идет кругом. Что же случилось? Я смотрю на нее, говорю... И не узнаю. Совершенно другой человек. Уравновешенный, разумный, ответственный. Юля снова учится, исправила плохие отметки, заботиться о маме и обо мне.

— Трагедия, произошедшая с тобой, заставила Юлию взглянуть на собственную жизнь и поведение с другой стороны. Это нормальное явление. — спокойно объяснил Степанов.

— Вас послушать, так в мире нет ничего не нормального.

— Так и есть, Никита. Кто устанавливает нормы? Ученые? Врачи? Ты или я? Но мы оба видим, как тонка грань, между тем, что считается нормой поведения и восприятия реальности и отклонением от оной. У меня был пациент, твердо уверенный в том, что он

прямой потомок Николая Второго и постоянно требовал восстановить его в правах на престолонаследие, и видел в моих действиях политический заговор против него. И его вымышленная фантазия имела четкий структурированный характер. Он продумал легенду до мелочей и жил этим. Верил, что он действительно жертва политического заговора.

— Вы вылечили его? — спросил Ник, взглянув на доктора.

— Да. Но он ушел из этих стен поникшим, лишенным смысла и цели дальнейшего существования. Из потомков царя вернуться в сознание простого рабочего-станочника — это тяжелое испытание. Я вылечил его, но при этом украл грезы и мечты.

— Как жаль. И что случилось дальше? С вашим пациентом?

— Он вернулся на завод, потом женился и со временем жизнь его наладилась.

— Значит, вы ничего не украли, а вернули.

— Да, наверно, ты прав. И я хочу задать тебе тот же самый вопрос, который задаю каждому перед выпиской. Что ты намереваешься делать, Никита?

— Это простой вопрос. — улыбнулся молодой человек. — Мне повезло, что я не помню своих фантазий, значит, не о чем и жалеть. Моя сестра здорова, мама вернулась в семью. Мне двадцать пять лет, я молод, не урод, и не дурак — я сильно на это надеюсь. Мне остался один год до защиты диплома. Восстановлюсь в институте, устраюсь на работу. Буду жить, док. Благо есть для кого.

— А девушка? У тебя была девушка до того, как все случилось?

Ник внимательно посмотрел на Степанова, методично что-то записывающего в свой блокнот.

— Я могу не отвечать?

— Твое право. — кивнул доктор, подняв на молодого человека пристальный взгляд. Ник выдохнул, тряхнув головой.

— А, ладно. Мне нечего скрывать. Девушка была. Но в последнее время мы с ней редко виделись. Заботы о Юле полностью поглотили меня. Я не думаю, что она ждала, когда я очухаюсь, все полтора года.

— А, если ждала?

— Тогда это любовь. Я бы на ее месте не стал ждать. Я не подхожу на роль благородного принца, а девушки мечтают именно о таком спутнике. Я забывал позвонить, не приходил на назначенные встречи, обижал ее.

— Как ее зовут, Ник?

— София. Сонечка Русланова. Мы живем по соседству. Я не спрашивал у Юли, как дела у Сони. Может быть, она давно вышла замуж или уехала из поселка.

— Ты расстроишься, если так и есть?

— Не знаю. — задумчиво ответил Скворцов. — Я открыл глаза пару дней назад, и узнал, что прошло полтора года с тех пор, как я вышел из сломанного автобуса и направился домой, а для меня все случилось вчера. Сейчас я свыкся с тем, что длительный промежуток времени, навсегда для меня потерян, и не надеюсь на то, что люди, которых я знал, остались прежними. Я ответил на ваш вопрос?

— Да. — кивнул доктор. — А я надеялся на то, что буду выписывать двоих.

— Что вы имеете в виду? — нахмурился Никита. Степанов покачал головой.

— Не важно. — ответил он. — Что ж, мой мальчик, я удовлетворен нашей беседой. Можно смело отпустить тебя уже завтра. Я позвоню твоим близким и сообщу о своем решении. Уверен, что они будут счастливы.

— Я тоже. — широко улыбнулся Никита. — Я могу идти?

— Да. — ответная улыбка доктора показалась Нику задумчивой и печальной.

Ник возвращался в свою палату в приподнятом настроении, по дороге он успел пофлиртовать с хорошенькой медсестрой, убедившись, что еще не растерял обаяния и умения нравиться женщинам. В коридоре он столкнулся с еще одной представительницей прекрасного пола. Одного сканирующего пристального взгляда хватило, чтобы понять, что белокурая девушка с грустными серыми глазами не является пациенткой клиники.

— Добрый вечер. — остановившись, Ник широко улыбнулся. Блондинка изумленно замерла, вскинула на него потрясенный взгляд.

— Вы разговариваете? — задала она весьма странный вопрос. Ник озадаченно нахмурился, вглядываясь в черты женщины. Неужели ошибся? И симпатичная блондинка все-таки пациентка?

— Мы знакомы? — уточнил Никита.

— Нет... Конечно, нет... — пробормотала она, отчаянно вцепившись в свою объемную сумку. И только сейчас Ник заметил в руках женщины пакет с продуктами. — То есть... Я видела вас несколько раз. Здесь, в коридоре.

— Вы посещаете кого-то? — напряженно спросил Ник. Ему была неприятна мысль, что хорошенькая женщина видела его в лучшем состоянии духа.

— Да. Свою сестру. А вам, я смотрю, стало лучше?

— Да. Меня завтра выписывают. — не удержался и похвастался Ник. — Только что док сообщил, что я совершенно нормален.

— Как замечательно. Я рада за вас. — девушка отпустила глаза. И выражение ее лица говорило об обратных чувствах. — Простите, мне нужно идти. Удачи вам, Никита.

— Пойдите, — воскликнул Ник, когда блондинка стремительно прошла мимо него. Она быстро обернулась. — Я не говорил, как меня зовут.

— Правда? — смутилась она. — Значит, я угадала.

Скворцов проводил ее растерянным взглядом. Что еще за чудеса в решетке?

Но на этом сюрпризы не закончились. Вернувшись в палату, Никита застал там пожилую санитарку, лихо орудующую шваброй. Тетя Маша каждый день мыла у него полы, и предпочитала влажную уборку делать по вечерам.

— Подожди, сынок. Я почти закончила.

Ник остановился в дверях, наблюдая за незамысловатыми манипуляциями бодрой старушенции. Взгляд неожиданно зацепился за букет цветов на прикроватном столике. Сначала он принял их за живые, и только потом заметил, что стебли роз белые, как и сами соцветия. Бумажные цветы.

— Теть Маш, кто-то заходил, пока я был у Степанова? — спросил он.

— Нет. Никого не было. — женщина выпрямилась и оперлась на палку от швабры.

— А цветы откуда?

Марья Петровна проследила за взглядом Скворцова.

— А, это. Так, я нашла у дверей палаты. Вот и подумала, что тебе кто-то подбросил. — она улыбнулась. — Ишь ты, плейбой какой. Очаровал, поди, какую медсестричку. А красотища-то какая. Оригами, вроде, называется. Ты, давай, заходи. Я пошла. Работы непочатый край.

Ник на ватных ногах подошел к тумбочке, и, протянув руку, дотронулся до бумажных лепестков. Сердце в груди болезненно сжалось и затрепетало. Странная печаль обрушилась

на него мощной лавиной. Он сел на кровать, не сводя глаз с цветов. Почему так больно, черт возьми?

- Почему ты плачешь, Мэри?
- Я скучаю по родным. Почему меня не навещают, доктор?
- Мэри, можешь сказать, откуда у тебя шрамы на груди?
- Сколько раз уже я вам объясняла? В детстве я упала с велосипеда.
- Это все, что ты помнишь, Мэри?
- Да.
- Скажи мне, кто такая Принцесса?
- Я не знаю.
- А кто такой Билли?
- Я не знаю никакого Билли.
- Кто такой Саймон, Мэри?
- Не знаю я, кто такой Саймон. Отстаньте!
- Мэри, успокойся.
- Я хочу вернуться в свою комнату.
- Мэри? ... Мэри?
- Мэри, спит, сэр.
- Билли, почему ты мне не скажешь, что случилось? Ты же все видел.
- Вы прекрасно знаете, что случилось, сэр.
- Это Мэри нужно знать, что случилось, Билли. Ей нужно вспомнить.
- Нет, сэр!
- Тогда, может быть, Саймон скажет, что случилось?
- Он спит. — Помоги разбудить Саймона.
- Нет!
- Нам нужно разбудить, Саймона.
- Нет, я боюсь.
- Билли, нам очень надо разбудить Саймона!

Из к/ф «Девятая сессия».

— Вы уверены, что мне необходимо идти? — Ник в очередной раз поправил ворот рубашки, придирчиво разглядывая свое отражение в зеркале. Юля встала с дивана и подошла к брату. Ник наблюдал за ее движениями в зеркало.

— Ты не оторвал ценник. — улыбнулась она, убирая ненужную деталь. — Отлично выглядишь. Соня с ума сойдет.

Никита обернулся и посмотрел на мать.

— Мам, согласись, что это бредовая идея. Это вы убедили Софию позвонить мне.

— Вовсе нет. — Эмма Скворцова категорично покачала головой, улыбнулась. И Ник с печалью заметил лучики морщинок вокруг ее глаз и складки вокруг губ. Тревоги и печали состарили ее раньше времени. И он не мог не чувствовать своей причастности к каждой

морщинке матери. — Девушка так долго ждала, когда ты поправишься. Она не раз просила нас взять ее с собой в больницу, но ты знаешь правила. Только близкие родственники имеют право на посещение.

— Мне все-таки очень неловко. Черт знает, что она обо мне думает. Может, считает, что я псих?

— Не пори горячку, Ник. — миролюбиво сказала Эмма. Юля встала рядом с матерью, и теперь обе смотрели на него с терпеливым пониманием. — Я знаю, что тебе сложно. Но Сонечка в курсе, как сложно далось твое выздоровление, сколько всего ты пережил. Я уверена, что ваше свидание пройдет замечательно. Трудным будет только первый шаг, но ты должен его сделать. Смотри, как все удачно складывается. Ты восстановился в институте, нашел хорошую работу, теперь и о личной жизни можно подумать.

Никита отвернулся от зеркала, сунул руки в карманы новых джинсов, взглянул на часы в своем мобильнике.

— Мне не нравится мой сотовый. — пробубнил он себе под нос. — Старомодный, тяжелый и функций мало.

— Да ты что! — возмущенно воскликнула Юля, обижено надув губки. — Это последняя модель. Мы с мамой выбрали тебе самый дорогой телефон, кучу денег потратили. А он, видите ли, недоволен.

— Странно, что за полтора года моего отсутствия технологии не особо продвинулись вперед. — попытался реабилитироваться Ник. Юлька подбоченилась, воинственно вздернув подбородок.

— Как видишь, машину времени еще не изобрели, как и лекарство от старости. — саркастически заметила она.

— С первой зарплаты ноут нужно поменять. Я вчера едва не поседел, пока электронку настраивал. Тугодумающая громадина все нервы мне вымотала.

— Вот мужики! — улыбнулась Эмма Скворцова. — Ему на свидание идти, а он о своей технике беспокоится.

— Да, ты права. Я придаю много значения мобильным устройствам. За ними будущее. И у меня такое впечатление, что я уже где-то видел совершенно иное устройство, тонкий дисплей и многофункциональная система внутри.

— Кто знает, где ты блуждал так долго, Ник. — мягко, но не без иронии, произнесла Эмма. — Возможно, тебе приоткрылись тайны будущего.

— Издеваешься? — нахмурился Никита. Юля прыснула от смеха, но ее веселье получилось каким-то наигранным и напряженным.

— А что ты смеешься, Юль. — оговорила свою дочь Эмма. — Написал же писатель, фамилии не помню, о крушении лайнера, один в один повторяющего столкновение Титаника с айсбергом, причем за много лет до катастрофы. В жизни ничему не стоит удивляться.

— Мудрые слова. — согласился Ник.

— Проваливай уже. — буркнула Юля, грозно взглянув на брата. — Ты итак полтора года отлынивал. Не заставляй девушку ждать.

6 июня 2006 г.

«Вот уж не думал, что когда-нибудь начну вести дневник. Я всегда думал, что писанина в тетрадках о розовых соплях и несчастной любви вперемишку с полюбившимися стишками

лириков — удел девчонок в период полового созревания. И на тебе! Три дня, как „на воле“, а желание сесть за комп и напечатать пару строк о собственных мыслях, усиливается и не остывает. Словно навязчивая идея. Только кому это надо? Мне? А зачем?

Уверен, что Степанов завел бы на этот счет долгую и нудную беседу о работе подсознания, о стремлении к синхронизации мысли, и упорядоченному анализу навалившихся на меня обновлений. И прав, ведь. Зануда.

В голове столько мусора, что появляется стойкое желание использовать кнопку „delete“. Но я не компьютер, и не могу так просто избавиться от захламляющих мозг странных мыслей. Во время нашего последнего разговора с Игорем Владимировичем я сказал ему, что ничего не помню из полутора лет, проведенных в больницах. И не солгал. А еще я сказал, что чувствую себя так, словно только вчера вышел из сломанного автобуса. Сейчас ощущения изменились. Я изменился. Стал старше, что ли... Мысли, представление о жизни, окружающий меня мир — все стало иным. Но самые глобальные перемены произошли внутри. Тут даже не полтора года, а словно целая жизнь была прожита мною, но без меня. Ух! Каково звучит! Наверно, Степанов меня рано выписал, но я не жалею. Констатирую факт, так сказать.

И еще меня не покидает чувство, что я что-то забыл или потерял. Не могу объяснить, но ощущение весьма гнетущее и неприятное. Вчера я гулял по поселку, и вдруг понял, что должен находиться в другом месте, и мой дом не здесь. Все чужое. Грязные улицы, покосившиеся домики, алкаши, кучкующиеся на каждом шагу и соображающие на троих или пятерых, облезлые тощие кошки, и своры дворняг, постепенно превышающих численностью основное население поселка, до боли знакомые бабушки- сплетницы, неугомонные в своем желании знать все и обо всех, и обо мне в частности, магазинчики со скудным ассортиментом и годами не меняющимся персоналом, с неизменно нетактичным подходом к редким покупателям, трубы единственного завода, пускающие в небо грязно-серый дым, куда меня по счастливой случайности взяли на должность начальником смены. И никаких изменений в тихой размеренной жизни поселка, не единой новой постройки или свежего лица. Тоска. Я всерьез подумываю переехать в Москву. Там и возможностей больше. Можно и учиться и работать. А что? Средний бал успеваемости за четыре оконченных курса у меня выше среднего. Есть смысл рискнуть и сунуться в МГУ. Не возьмут на бесплатное, так я смогу оплачивать обучение, если с работой повезет. Голова на месте, руки тоже. Справлюсь.

Но это все планы, мечты и иллюзии. И для их реализации потребуется время и силы. И о маме с Юлькой нельзя забывать. Сколько можно маме вкалывать на заводе в ночные смены? Юлю тоже выучить надо, на ноги поставить.

Наверно, стоит написать о сегодняшнем дне. Если быть точным, о свидании с Соней Руслановой. Честно говоря, волновался страшно. Еще бы, так давно не виделись. Нс волнение скорее было обосновано неизвестностью и незнанием мотивов Софии, настоявшей на встрече, а не робостью любовника, соскучившегося по своей девушке. Сонька сразу разведала все мои сомнения и тревоги, встретила, как родного. Словно и не расставались никогда. Вся такая цветущая, счастливая, неугомонная. Повзрослела, похудела, и волосы отрастила до середины спины. Огонь, а не девушка. Шустрая, как электровеник. У меня аж в глазах замельтешило от ее стремительных передвижений по кухне, пока она хлопотала вокруг меня. Как в сказках говорится: накормила, напоила и спать уложила. Правда, я смотался, как только она заснула. Не по себе стало. Она ни о чем не спрашивала, не вела сложных разговоров, не заглядывала в будущее и не намекала на наши совместные планы с

кольцами и Загсом, но я все равно сбежал, как последний трус. Соня — хорошая, веселая и добрая. С ней просто и легко, и временами очень приятно проводить время, но я не вижу ее в роли своей спутницы на оставшуюся жизнь. Если быть до конца честным, я никогда ее не любил. Влюбленность была. Симпатия, страсть. Но этого мало. А, может, я тороплюсь с выводами и пока просто не готов к серьезным отношениям. Что я могу ей предложить?

Я вернулся домой в подавленном и угнетенном настроении. Мама с Юлькой уже спали, и до утра я могу не волноваться об ожидающем меня допросе с пристрастием. Попытался поспать, но ничего не вышло. В мыслях сумятица, на душе тошно. Побродил по квартире и уселся за комп, теперь строчу какую-то ахинею. Потом сотру.

А с Сонькой... Не знаю, что делать. Наверно, не стоит так разбрасывать хорошими и преданными девушками. Посмотрим, что получится. Время расставит все по своим местам. Банальная фраза, а как прожить без банальностей, они на каждом шагу.

Еще я много думаю о маме. Я был зол на нее, когда она бросила нас с Юлькой и укатила со своим хахалем. А теперь мне стыдно. Мама заслужила свою капельку счастья. Капельку и получила. Я не спрашивал, как она рассталась со своим избранником, и сложно ли ей дался выбор между любовью к мужчине и любовью к своему ребенку. Наверно, для женщины и матери подобный выбор всегда очевиден. Она устала и искала забвения. Только сердце не обманешь. Даже боль, привычная боль бывает роднее и ближе, чем самая сладкая жизнь, если ты изменяешь себе. Попытка бегства от обязательств, от ответственности и собственной слабости и отчаянья, не решает проблемы, и почти всегда обречена на провал. Короткая передышка, чтобы собраться с мыслями и принять единственно верное решение. Мама вернулась. А, если бы, она осталась со своим любимым мужчиной?... Теперь я не уверен, что смог бы ее осуждать. Я вижу печаль в ее глазах, и мое сердце плачет вместе с ней. Если бы я мог чем-то помочь и облегчить ее боль. Если бы она сказала, я бы поехал на поиски ее любовника и умолял бы его вернуться. Но мама молчит, а я слушаю, как она плачет по ночам. Было бы легко обвинить еще и отца. Ведь именно он оставил нас разбираться с проблемами, избрав самый легкий путь. Видимо, для него выбор тоже был очевиден, и явно не в нашу пользу. Было бы очень легко обвинить отца... Только я не могу. Откуда мне знать, как он живет, понимая, что совершил, и понимает ли... Я не чувствую ни злости, ни обиды, ни желания свалить вину за собственные несчастья на кого-то другого. Только опустошение и растерянность. Я вернулся. Но из меня словно вынули половину. Не знаю, как теперь ее найти.

В ближайшем будущем позвоню Степанову. Может, он что подскажет.»

Психологическая областная больница

Пациентка из восемнадцатой палаты сидела за небольшим столом и методично складывала из белого листа бумаги фигурку собачки. Ушки, мордочка, хвост и лапки. Полуболевшись творением своих рук, она откинулась на спинку стула, задумчиво взглянула в зарешеченное окно. Жарко, а ей не разрешается открывать форточку. Сплошны запреты. Собачка получилась бы лучше, будь в ее распоряжении цветные карандаши, или хотя бы мелки. С нарисованными глазками, носиком и шерсткой Берта выглядела бы, как настоящая. Но разве попрешь против инструкции. Мелки раньше разрешали, но в последний раз она их съела, а потом ее тошнило всю ночь. Наказали медсестру. За что наказали? Она же не ела мелки.

Девушка тягостно вздохнула, заправила за ухо черную прядь волос, взяла двумя

пальчиками бумажную собачку и поместила в маленький домик, который сконструировала вчера. Нужно еще оградку сделать.

Только скучно, когда все в белом цвете.

Сама виновата.

Уныло оглядела свою палату, заваленную оригами. Среди многочисленных поделок попадались и цветные экземпляры. Голубые незабудки, например. Она любила работать с полевыми цветами. Сложно и кропотливо создавать крошечные соцветия и тонкие стебельки, но у нее целый вагон времени и буйная фантазия.

Пациентка восемнадцатой палаты вздрогнула, услышав звук поворачивающегося ключа в металлической, обитой мягкой тканью двери.

Она повернулась и увидела пожилого мужчину в белом халате. Снова белое! Его лицо показалось ей смутно знакомым. Кажется, она видела его раньше.

— Ну, здравствуй, Мира. — сказал он, проходя внутрь и запирая за собой дверь.

— Вы ошиблись. Меня зовут Маргарита.

Он мягко и добродушно улыбнулся, взял свободный стул и, придвинув к столу, сел рядом.

— И чем сегодня занимается Маргарита? — спросил мужчина. Девушка взглянула на него с опаской. Что ему от нее нужно? Почему он так странно одет?

— Вы, мой доктор. — внезапно осенило ее. — Я вспомнила. — в изумрудных глазах мелькнула тревога.

— Ты помнишь, как меня зовут, Маргарита? — Игорь Владимирович наклонился к девушке, а она инстинктивно отодвинулась, опустила глаза, губы скривила недовольная усмешка.

— Я не хочу с вами разговаривать. Вы снова начнете задавать вопросы о людях, которых я не знаю.

— Не волнуйся, и просто зашел проведать тебя. Ты смастерила новую фигурку? — доктор дружелюбно улыбнулся девушке. После недолгого замешательства, она подвинула в сторону Степанова бумажный домик с маленьким обитателем. Робко взглянула на врача.

— Это Берта. — сообщила пациентка.

— Мне нравится Берта.

Девушка широко и радостно улыбнулась.

— Мне тоже, доктор. Она больше не лает и не пугает меня.

— А почему раньше тебя пугала маленькая бумажная собачка?

— Она была живая. — заговорчески прошептала девушка.

— А сейчас?

— А сейчас она другая.

— Такая же, как ты?

— Нет, доктор. Что вы! Я тоже живая.

— А бумажная девушка? Как ее зовут, Маргарита?

— Здесь нет бумажной девушки, доктор. Здесь только я, вы и Берта.

— И бумажные цветы. Для кого ты сделала бумажные цветы, Маргарита?

— Взяла и сделала. Вы можете взять любой букет или даже Берту.

— О чем ты думала, когда мастерила Берту?

— Я думала, что ей нужен домик.

— Но Берта появилась после того, как ты сделала домик.

— Нет, доктор. Берта всегда была здесь. Просто она была другая. Я же вам говорила.

— Если Берта всегда была здесь, то зачем тогда ты создала ее из бумаги?

— Чтобы вы могли увидеть ее, доктор.

— А ты можешь сделать для меня бумажную девушку? Я бы хотел ее увидеть.

— Это невозможно, доктор. Сирену никто не может увидеть.

— Значит, бумажную девушку зовут Сирена?

— С чего вы взяли?

— Ты сама так сказала.

— Да? Вы обманули меня, доктор. Вы снова задаете вопросы.

— Маргарита, ты знаешь Сирену?

— Выходит, что да.

— Ты расскажешь мне о ней?

— Нет. — пациентка резко изменилась в лице, подобрала под себя ноги и нахмурилась.

— Почему, Маргарита?

— Я боюсь, что она вернется. — прошептала девушка. В глазах отразился неподдельный ужас. Степанов выждал несколько секунд, спокойно глядя на нее.

— А что произойдет, если вернется Сирена?

— Она снова сделает что-то плохое. Она убила Берту.

— Ты помнишь, что еще сделала Сирена или это была Мирослава?

— Нет. Мирослава — хорошая, но она очень болеет.

— Маргарита, ты бы хотела, чтобы Мирослава поправилась?

— Нет.

— Почему? Разве ты не сказала, что она хорошая?

— Она вспомнит, что сделала Сирена, и ей будет больно.

— А ты помнишь, что сделала Сирена, Маргарита?

— Что-то ужасное, доктор.

— Ты расскажешь мне?

— Я не могу.

— Может, тогда ты расскажешь Мирославе?

— Она не хочет знать, доктор.

— Ты в этом уверена?

— Да.

— Давай попытаемся, Маргарита. Ты понимаешь, что обманывать нехорошо?

— Но я не обманываю. Мира не станет меня слушать. Она думает, что я ничего о ней не знаю. Она испугается, доктор, и тогда вернется Сирена.

— Сирена приходит, когда Мирославе страшно?

— Да. Сирена думает, что помогает ей быть сильнее. Но она — ужасное существо. Бумажная девушка не живая, она не знает, как бывает больно, когда тебя обижают.

— Видимо знает, раз пытается помочь?

— Нет, она только думает, что помогает.

— Маргарита, мы можем помочь Мирославе. Но для этого я должен поговорить с Сиреной. Я заставлю ее уйти.

— Но тогда Мирослава вспомнит, что сделала Сирена. Испугается и снова позовет ее. Вы не понимаете... Бумажная девушка никогда не умрет и не состариться, и никогда не уйдет.

— У нее очень красивое имя, Маргарита.

— Да. Вы помните мифы о морских девах, своими песнями привлекающих мужчин в пучину? Сирена не любит мужчин. Но ей нравится, когда они смотрят.

— Смотрят на нее?

— Какой вы глупый доктор! Конечно, на нее.

— Но ты говорила, что ее никто не может увидеть.

— Некоторые могут.

— Даниил видел ее?

— Я не буду говорить о Данииле.

— А Ник? Ты помнишь Ника, Маргарита?

— Я просила вас не задавать вопросов.

— Ник видел Сирену?

— Да. Ник знает Сирену. Но она отпустила его, потому что не любит мужчин.

— В том, что Сирена отпустила Ника, нет ничего плохого, Маргарита. Ничего ужасного. Она совершила хороший поступок.

— Вы уверены, доктор? Сирена не способна на хорошие поступки. Она защищает Мирославу, думает, что защищает. Если бы Ник был настоящим, то она бы убила его.

— Зачем Сирене убивать Ника? Чем он угрожал Мирославе?

— Он мог разбудить ее.

— Но разве Ник был знаком с Мирославой?

— Он подошел близко, доктор. Очень близко и Сирена прогнала его.

— Ты хочешь, чтобы Ник вернулся?

— Ника не существует, доктор. Мы придумали его.

— Кто это — вы?

— Мы все, доктор.

— А Вадим? Его вы тоже придумали?

— Нет, Вадим был настоящим.

— Как ты это определяешь, Маргарита?

— У него была кровь, когда Сирена пыталась убить его.

— А разве это был Вадим, а не его сосед по общежитию?

— Мирославе нравился Вадим. И она не хочет думать, что могла позволить Сирене обидеть его, и решила, что пострадал другой человек.

— Мира догадывается, о том, что сделала Сирена?

— Ей очень страшно, доктор. Она боится вспоминать.

— Это необходимо, если Мирослава хочет поправиться.

— Она не хочет.

— Почему? Из-за того, что случилось три года назад?

....

— Маргарита, ты помнишь, что произошло с Даниилом?

— Я же сказала, что не буду говорить о нем.

— Почему?

— Он — плохой человек.

— Но Мирослава любила его, не так ли?

— Не так, как ее любил он. Совсем не так. Он напугал Миру. И тогда пришла Сирена.

— А когда появилась ты, Маргарита?

— Мы пришли вместе.

— Зачем ты пришла, Маргарита?

— Чтобы помочь Мирославе уснуть и не видеть, что делает Сирена. Я люблю Мирославу. Я не хочу, чтобы ей было грустно.

— Вместе мы можем по-настоящему помочь Мире, Маргарита. Но для этого она должна проснуться и вспомнить все, что сделала для нее ты.

Девушка внезапно вскочила на ноги и отошла к окну. Несколько минут она всматривалась вдаль сквозь решетки на стеклах, потом тяжело вздохнула.

— Почему Диана не приносит мне карандаши, Игорь Владимирович?

— Мира?

— А с кем, по-вашему, вы разговариваете?

— В прошлый раз, когда Диана принесла карандаши, ты воткнула один себе в запястье. Зачем ты это сделала, Мирослава?

— Я ничего подобного не делала. — девушка обернулась и возмущенно посмотрела на доктора.

— А кто сделал? Сирена?

— Я не знаю никакой Сирены, Игорь Владимирович. Вы — странный человек. Я прекрасно себя чувствую, а вы не хотите меня отпустить домой. И задаете глупые вопросы.

— Я отпущу тебя домой, если ты расскажешь, что случилось с Даниилом три года назад.

— Вы этого не сделаете. — уверенно заявила Мира. — И я все равно не знаю, что случилось с Даниилом. Он уехал в Москву, чтобы учиться. Я больше его не видела.

— А мне кажется, что ты обманываешь. Три года назад он приехал, чтобы навестить тебя.

— Я не хотела этого, Игорь Владимирович. Даниил плохо поступил со мной. Я не хочу о нем говорить.

— Что он сделал, Мирослава?

— Запутал... Я думала, что он любит меня, а Даня оказался сумасшедшим. Он все перепутал, Игорь Владимирович. Я не знала, что совершаю что-то плохое. Он сказал, что так и должно быть. Как я могла не поверить? Даня — единственный, кто понимал меня.

— Ты помнишь, как появился шрам на твоей шее?

— Даня тут не причем. — быстро ответила Мира, отвернувшись. — Я хочу спать. Оставьте меня. Я очень устала.

— Привет, док.

— Саймон?

— Знаешь ли ты, кто я?

— Билли мне много о тебе рассказывал.

— Билли — умный мальчик.

— Что случилось в ночь на Рождество?

— А ты представь себе.

— Лучше ты расскажи, Саймон.

— Питер вел себя нехорошо, док.

— И что он сделал?

— Лучше бы он этого не делал, док.

— Что, Саймон?

— Он напугал, Мэри, док. Он подкрался к ней сзади в темноте. И напугал ее. Мэри упала. Упала на свою куклу, док. Она порезалась. Очень сильно порезалась. Кто-то должен был помочь ей. Вот я к ней и пришел. Здравствуй, Мэри... Я ей приказал порезать Питера, док. Давай, Мэри!.. Очень сильно порезать. Хорошо, что его нож был совсем новым и острым. А потом, чтобы мамочка и папочка не рассердились, ... я ей сказал порезать их тоже. Было много крови, док. Столько крови! И Мэри этого хотела. Давай, Мэри! И сделала.

— Зачем ты это сделал, Саймон?

— Потому что Мэри мне позволила, док. И так всегда. И так всегда...

— А где ты живешь, Саймон?

— Я живу в слабых и несчастных, док.

Из к/ф «Девятая сессия» (2001 г.)

— Ты точно не передумаешь? — София Русланова печально смотрела в сосредоточенное, задумчивое лицо Никиты, выискивая в пропорциональных и правильных чертах ответ на заданный вопрос. Она почему-то была уверена, что Ник не скажет ей всю правду, как всегда спрятавшись за маской неприступности. Прошло два месяца, как они возобновили отношения, но девушка так и не почувствовала, что он вернулся. Она надеялась, что время сгладит неровности и дымку недосказанности, но с каждым новым днем Никита ускользал все дальше, и ей было грустно от мысли, что совсем скоро она снова потеряет его. Удерживать Ника, напирая на свойственное ему чувство ответственности или давить на жалость, Соня не собиралась. У нее тоже была гордость, да и искренние чувства к Скворцову не позволили бы воспользоваться примитивными женскими хитростями. И сейчас, ожидая его ответа, она внезапно поняла, что, по сути, Ник никогда и не принадлежал ей. Роман держался лишь на ее привязанности и терпении. Так случается, очень часто случается, когда человек влюблен. Он не желает признавать очевидных фактов, не слышит призыв подсознания и здравого смысла, не замечает жестов и поступков, красноречиво

указывающих на безответность чувств, упрямо держась за свои розовые очки. В любви много эгоизма. Влюбленный только думает, что смыслом его существования и объектом всех земных мечтаний является возлюбленный. И эти мысли ошибочны, ибо часто в любви мы любим саму любовь и свои надежды или страдания, обладающие горько-сладостным вкусом. Влюбленный требует ответного чувства, считает, что имеет на них неоспоримое право и задыхается от боли о возмущения, когда надежды рушатся, ощущает себя преданным, неоправданно обманутым, и иногда ожесточается, превращая свою любовь в ненависть. Но ненависть или обида, как впрочем, злоба и жажда мести за развеянные иллюзии, является лишь самозащитой от боли. В этом и заключается высший эгоизм любви. Но Соня Русланова не была эгоисткой. Она их тех редких женщин, которые прежде, чем обвинить возлюбленного в холодности или несправедливом отношении, смотрела вглубь проблемы, задавалась вопросом о причинах закрытости Никиты, и как бы не было больно ей самой, думала только о его счастье и благополучии. Обладая сильным характером, врожденным оптимизмом и самоуверенностью, София знала, что сможет отпустить его, если он так решит, и сумеет продолжить жить дальше, не оставит попытки найти свою половинку, того единственного, кто полюбит ее так, как хочет она. Насильно мил не будешь — воистину золотые слова. А опускаться до мольбы, ниже человеческого достоинства.

Никита медленно подошел в Соне и взял за руку. С реки дул теплый ветер, он шевелил ее рыжие волосы, солнце вспыхивало в них полуденным жаром. Поверхность воды покрылась мелкой рябью, где-то в верхушках берез, склонивших к реке зеленые ветви и словно любующихся своим отражением, закричала птица, к ней присоединилась еще одна. И вот целая стая взмыла ввысь, в голубое высокое небо, разлетелась в разные стороны, наслаждаясь парением. А растревоженные покинутые кроны деревьев еще долго плакали дивными серебряными голосами, нежные листочки обиженно трепетали на ветру. Скоро все стихло, и на живописном берегу маленькой речушки снова воцарилась гармония.

— Я должен уехать, Соня. — сказал Ник, любуясь игрой света в ее огненных волосах. Эти утром он принял окончательное решение. Сначала он озвучил его матери и Юле, после длительного разговора, получив благословление. А потом позвонил Софии и пригласил прогуляться к реке. Она все поняла по его глазам. Удивительная проницательная девушка. Ведь он не успел и слова сказать.

— Куда? — тихо спросила она.

— В Москву. Буду пробиваться в МГУ и искать работу. — ответил он, склонив голову набок и шурясь от солнечного света, бьющего прямо в лицо. — Я должен что-то делать. Здесь мне тяжело. Я задыхаюсь, Соня.

— Я понимаю тебя. — вздохнув, кивнула девушка. Она взглянула в синеву его глаз, в которых отражалось безоблачное небо. Никогда София не видела таких чистых и красивых глаз. Она будет скучать по ним, по Нику... Что-то случилось с тем парнем, которого она знала, за полтора года, которые он провел в больницах. Изменения не затронули его внешности, Никита выглядел даже лучше, чем раньше, но внутри, в глубине его души поселились тревога и беспокойство и именно они гнали его прочь отсюда.

— Ты будешь мне звонить? — спросила она, поворачиваясь лицом к реке.

— Конечно. Ты сможешь приезжать ко мне. Подумай, Сонь. В этом поселке у тебя нет будущего. Ты тоже можешь рискнуть и попытаться.

— Я родилась здесь, Ник. И в отличие от тебя, я люблю это место. У меня есть работа, родители, которых я люблю и друзья. Я не хочу звезд с неба. Достаточно того, что есть.

— А как же я? — Никита потянул девушку за руку, заставив повернуться к себе. Она горько улыбнулась, поправив его взъерошенные волосы.

— Я не нужна тебе, Ник. — сказала она, а когда он попытался возразить, накрыла холодными пальчиками его губы. — Ничего не говори. Я не обижаюсь на тебя. Правда, не обижаюсь. Ты ничего мне не должен. Пусть мне сложно принять правду, которую ты никогда не скажешь, но я должна отпустить тебя. Ты что-то ищешь, Ник. Не меня. Как жаль, что не меня.

С правого уголка глаза Софии стекла прозрачная слезинка, девушка коснулась своей щеки ладонью.

— Я не плачу. Не плачу, Ник. Немного грустно, но завтра все измениться. Я в это верю.

Скворцов смотрел на свою подругу с грустью и сожалением. Но, как ни странно, его сердце неожиданно обрело свободу. Словно София своей легкой рукой облегчила часть ноши, которую он нес на плечах. Ник хотел прикоснуться к ней, обнять, но она, угадав его намерения, внезапно отпрянула.

— Нет. Я уйду сейчас. — сказала она, пристально взглянув в глаза. Голос был полон уверенности. — Одна. Не провожай меня. И не смотри вслед. Пообещай, что не будешь смотреть. Потому что я почувствую, и если обернусь и увижу твои глаза, то уже не смогу уйти.

— Я обещаю. — мягко произнес Ник. Его затопила нежность и самые теплые чувства. Он и представить не мог, что расставание может оказаться таким красивым, трепетным. Соня, как никто другой, достойна любви и восхищения. Почему же все сложилось именно так?

— У меня есть вопрос. Один. Последний. — тихо сказала София, отводя взгляд в сторону. Ветер бросил рыжую челку на ее глаза. — Во сне ты часто повторяешь одно и то же имя. Иногда выкрикиваешь, словно в муках, а иногда шепчешь, как любовное заклинание. Кто она, Ник? Кому ты успел отдать свое сердце? — острый взгляд пронзил его. — Когда?

— У меня никого нет, кроме тебя, Сонь. — в недоумении пробормотал Скворцов. — И не было уже очень давно. Что за имя?

— Маргарита. — выдохнула София, пристально наблюдая за Ником. Он нахмурился, побледнел. И внутри что-то тревожно екнуло. Никита не знал ни одной девушки с таким именем, но в то же время оно показалось ему смутно знакомым.

— Мне нечего тебе ответить. — прошептал он. София повела плечами, вымученно улыбнулась.

— Прощай, Ник. — сказала она, и развернувшись к нему спиной, быстро пошла по тропинке. Какое-то время Никита смотрел ей вслед, но потом вспомнил об обещании и отвернулся. Ветер усилился, и его теплое дыхание оставляло рябь на поверхности реки.

— Будет дождь. — проговорил себе под нос Скворцов. Обернувшись, он не увидел силуэта Сони Руслановой.

«Вернувшись домой, я первым делом учинил маме допрос. Меня не покидали тревожные мысли относительно сказанных Соней слов об имени, которое я повторяю во сне. Оказалось, что и мама не раз слышала, как я выкрикиваю по ночам женское имя. Маргарита... Что бы это могло значить? Я размышлял вслух, спрашивал маму, не известно ли ей что-то об этой Маргарите. Возможно, она работала в клинике, и была моей медсестрой, или сиделкой, да кем угодно... И во сне та часть моего сознания, которая забыта, воскрешает утерянные образы и имена. Мама разводила руками, но отводила глаза, и

я понял, что она пытается что-то скрыть. Когда из школы вернулась Юля, я задал ей тот же перечень вопросов, и она реагировала очень странно. Мои близкие однозначно лукавят, или пытаются оградить от лишних переживаний. Это глупо, ведь теперь я твердо уверен, что докопаюсь до истины. Какая-то неизвестная Маргариты тревожит меня по ночам, и, возможно, именно в ней таится корень моего душевного дисбаланса.

Мне нужны ответы. И значит, пришло время вернуться туда, где все началось или закончилось.

У меня на руках билет в Москву. Выезжаю завтра, в десять утра, но сегодня еще есть время. Ничего не сказав маме и Юле, я стремительно покинул квартиру. По дороге на автобусную остановку, набрал номер Степанова Игоря Владимировича, и сообщил, что сейчас приеду. Не попросил о встрече, не записался на прием, а поставил перед фактом. Он не спросил ни о чем. Словно ждал звонка. Словно понимал, зачем я хочу его видеть.

В клинике на мое имя был выписан пропуск, и я беспрепятственно прошел внутрь. Степанов встретил меня радужно, как старого друга, усадил на знакомую до боли кушетку. И я вдруг успокоился. Обрел долгожданное равновесие. Я пришел домой. Как бы дико это не звучало, но я чувствовал именно так.

Пока Игорь Владимирович хлопотал с чаем, я с интересом осматривал нехитрую обстановку кабинета врача. Вроде бы ничего не изменилось. Все на своих местах. И все же, все же... Я что-то жадно искал глазами, еще не понимая, что именно... Пока не нашел. Маленькая бумажная собачка. Она стояла на столе Степанова, и я не мог оторвать от нее взгляда. И я вспомнил о бумажных лилиях, подброшенных в мою палату в день выписки. Я уже знал, что цветы и забавную собачку сделали одни руки. Женские руки. Маргарита.

Игорь Владимирович перехватил мой взгляд, но ничего не сказал, и протянул кружку с чаем на блюдечке.

— Отлично выглядишь, Ник. — сказал он, присаживаясь напротив. — Как твои дела?

— Завтра уезжаю в Москву. Хочу перевестись в МГУ, если не выйдет, то в другой ВУЗ.

— Попрощаться, значит, приехал. — с легкой грустью, произнес доктор. Теперь мы оба неотрывно смотрели на бумажного зверька.

— Почему у нее нет глаз? — спросил я. Степанов поднял на меня пристальный взгляд. Его глаза, как скан, он видит все, даже то, чего я сам не понимаю в себе.

— я отвечу, ник. Если ты ответишь мне. Зачем ты пришел ко мне? Только попрощаться?

— Нет. — я мотнул головой, опустил глаза в дымящуюся кружку. — Кто такая Маргарита?

Игорь Владимирович не удивился моему вопросу. Наоборот, лицо его расслабилось, даже помолодело. Как будто рад...

— Почему ты спрашиваешь?

Вот ведь! Знает же, почему! Или у врачей методика такая? Вопросом на вопрос, чтобы продлить агонию... или дать возможность пациенту понять самому?

— Мне сказали, что я повторяю это имя во сне. Мама и Юля заверяют, что не знают девушки с таким именем. Но мне кажется, что они утаивают правду. Вы не станете мне лгать. Кто она, Игорь Владимирович?

— Я должен разочаровать тебя, сынок. — вздохнул Степанов, дотронувшись до собачки пальцами, и чуть сдвинув ее по направлению ко мне. Подсказка? Я не понимаю... — Я не знаком с женщиной или девушкой по имени Маргарита.

— Как же так? — в отчаянье воскликнул я. — Не мог же я ее придумать?

— Почему нет? — Степанов пожал плечами, взгляд его стал задумчивым и туманным. — Ты спросил, отчего у собачки нет глаз. Но не спросил, кто ее сделал.

— Кто же? — почти со злостью бросил я. Доктор своими тайными манипуляциями пытался меня подвести к определенному выводу, но я никак не мог уловить логики или взаимосвязи в его вопросах и ответах.

— Одна моя пациентка. Тяжелый диагноз и никаких обнадеживающих прогнозов. Раздвоение личности. Слышал о таком?

— Ну, да...

— Только я нее их три. И одна из личностей очень опасна. У девушки золотые руки, ее работы украшают не только мой стол. А палата — просто цветущий оазис, правда, бумажный, но это не умоляет таланта больной. Сейчас я нарушил должностную инструкцию, сообщив тебе о диагнозе одной из своих пациенток.

— Наверно, это важно... — предположил я, окончательно запутавшись.

— Да, ты прав, Ник. Важно. Ей запрещено передавать карандаши, ручки, фломастеры, любые предметы, которыми она сможет причинить вред своему здоровью. У нее не подавляемая склонность к суициду.

— Ужас какой. А я-то тут причем? — и тут меня озарило. — Пойдите-ка, так это она подбросила мне цветы под дверь палаты?

— Нет. Пациентка агрессивна и представляет опасность, как для себя, так и для окружающих, и содержится под замком.

— Тогда кто передал цветы? — выдохнул я.

— Большого я не могу сказать, Никита. Не имею права. Но я могу позвонить тому, кто сможет ответить на все твои вопросы и договориться о вашей встрече. Если ты этого хочешь.

— я завтра уезжаю... — беспомощно пробормотал я.

— Тебе решать, Ник. — пожал плечами Степанов.

— А вы как думаете? Я должен знать... Господи, я даже не понимаю о чем речь! Этот человек расскажет мне о Маргарите? Она как-то связана с вашей пациенткой?

— Ты сможешь получить ответы, но не от меня.

— Хорошо. Звоните вашему человеку. Я поеду, куда он скажет.

— Она. Это женщина. Ее зовут Диана. Диана Казанцева.

Через два часа я приехал в Ярославль по указанному адресу и стоял под дверями квартиры неизвестной Дианы Казанцевой и чувствовал себя последним идиотом. Я не понимал, ни что делаю в этом городе, ни о чем буду говорить с женщиной, которая так быстро согласилась со мной встретиться.

Она открыла дверь, и я узнал ее. Невысокая миловидная худенькая блондинка. Я столкнулся с ней в коридоре больницы несколько месяцев назад и запомнил, потому что она угадала мое имя, или откуда-то знала его и меня.

— Здравствуйте, Никита. Я ждала вас. Проходите. — грустно, робко и обреченно улыбнувшись мне, произнесла Диана. Я вошел в маленькую прихожую, а она закрыла за мной дверь. Мою грудь сдавило тягостное предчувствие. Ничего хорошего Диана Казанцева мне не поведает.

Мы прошли на кухню и сели напротив друг друга. А потом она начала говорить...

Сначала я ничего не понимал. Не видел никакой связи между сестрой Дианы, и моими проблемами. Кое-что и вовсе упустил из внимания. А некоторые моменты показались знакомыми, словно кадры из забытого фильма. Диана начинала фразу, а я как будто

догадывался, чем она закончится. Ее голос постоянно прерывался из-за волнения, смысл фраз путался, и она перескакивала с одного эпизода на другой. Девушку сотрясала нервная дрожь, в глазах отражалось отчаянье. Она жаждала выговориться, облегчить душу. Еще бы! Поведанная мне история семьи Дианы Казанцевой повергла меня в тихий ужас. Но я еще не понимал, причем здесь я.

К моему глубочайшему разочарованию сестру Дианы звали не Маргарита, а Мирослава. Они росли здесь в этой квартире. Имелся еще и брат. Мать тащила на себе всех троих, пока старший брат, Даниил не начал зарабатывать первые деньги. Диана была младшей в семье. Сейчас ей двадцать семь лет, Мирославе двадцать девять, а Даниилу... был бы тридцать один год. О местонахождении и причинах развода мать своим детям не поведала. Мирослава, как оказалось, с детства страдала душевными расстройствами, была хрупкой и своеобразной девочкой, сторонилась ровесников, плохо училась. Единственным, с кем Мира находила общий язык и взаимопонимание, был старший брат. Ни мать, ни Диана не видели угрозы в столь близких отношениях. Даниил казался оплотом рассудительности и здравомыслия. Он любил сестру и заботился о ней. Ничего удивительного. Я так же тревожился о Юле, и был гораздо ближе к ней, чем родная мать. Но речь не обо мне и Юлии. Рядом с Даниилом Мира казалась совершенно здоровой, обретала уверенность в себе, и улыбалась гораздо чаще. Диана с матерью старались не вмешиваться, пока не случилось непоправимое. Мирослава с малых лет увлекалась оригами, любила цветы, сама собирала их в затейливые букеты, но не ставила в вазу, как полагается, а высушивала. Особенно много в ее гербариях было маргариток. Мира предпочитала эти простые полевые цветы розам и лилиям. И Даниил часто дарил сестре именно маргаритки. Однажды старший брат собрал семью на кухне и объявил родным, что собирается уехать в Москву. Навсегда. Диана и его мать восприняли решение молодого человека с пониманием и одушевлением, даже с надеждой. Чем черт не шутит, устроится парень на хорошую работу, и семье сможет помочь. А вот Мира как-то сразу упала духом, замкнулась и закрылась в своей комнате. Мама по-прежнему много работала, и только Диана заметила некоторую странность в поведении и состоянии сестры. И Даниил перед отъездом вел себя необычно. Не почти не навещал Миру, как будто резко изменив к ней отношение. Диана терялась в догадках, пока однажды не подслушала их разговор. Девушку объял ужас, когда она поняла, что Даниил уезжает не ради лучшей жизни, а бежит от запретной любви к родной сестре. Диана, еще не знала, как далеко он успел зайти в своих греховных чувствах, пока Даниил не уехал, а Мирослава не впала в безумие. И в бреду девушка говорила вещи, от которых у Дианы волосы вставали дыбом. Верить каждому слову помешавшейся сестры она не могла, но доля истины стала понятной. Даниил сделал Миру своей любовницей. Это случилось сразу после выпускного бала Мирославы, на который они ходили вместе. И почему тогда никому не показалось странным, что девушку на бал сопровождает не одноклассник, а родной брат? Диана не отрицала и своей вины за невнимательность и слепоту. Никто так и не узнал принудил ли Даниил Миру к близости или она сама поддалась его влиянию. Девушка была больна и доверчива. Последней каплей стало известие о беременности Мирославы. Мама слегла с сердечным приступом, а Миру поместили в лечебницу для душевнобольных, где ей сделали аборт. Через месяц умерла мама, а спустя полгода Мирославу выписали домой. Диана еще до смерти матери связалась с Даниилом, и, сообщив о том, что ей стало известно о его преступлении, посоветовала никогда больше не появляться в городе и не звонить им. Он так и не узнал, что его мать умерла. Мира вернулась домой совершенно опустошенная и

потерянная. Она не говорила и не вспоминала о Данииле, и полностью погрузилась в себя. Диана беспокоилась о душевном состоянии сестры, но кроме апатии, отсутствия аппетита и полнейшего равнодушия к окружающему миру, признаков прогрессирующей болезни не наблюдалось. Возможно, время могло бы излечить раны, но судьба распорядилась иначе. Диана училась и работала, и поэтому Мирослава часто оставалась одна. И в тот роковой день, когда Даниил, нарушив обещание, решил навестить семью, Дианы не было дома. Вернувшись вечером, девушка застала страшную картину. И только лежавшая на ее плечах ответственность, не дала сойти с ума. Комната, в которой обычно проводила свои дни за поделками или бездельем Мирослава утопала в крови. Даниил лежал на полу с резаной раной в горле. Распахнутые застывшие глаза и неестественная синева лица не оставляли сомнений, что скорая помощь ему уже не поможет. А Мирослава еще слабо дышала, не смотря на такую же жуткую рану. Орудие убийства Даниила и самоубийства Миры торчало из ее горла. Это были ножницы. Она вырезала ими фигурки для своих поделок. Врачи спасли девушку, но теперь ее постоянным домом стала психиатрическая клиника. Она еще несколько раз предпринимала попытки суицида, и, вообще, впала в буйство. Разум оставил ее. Все случилось три года назад.

На этом ужасающем моменте Диана неожиданно остановилась. Я был в ужасе и недоумении. На какое-то время даже забыл, зачем пришел. Я думал, что Диана рассказала всю историю. Ничего страшнее, мне и во сне привидеться не могло. Только не совсем понятно, как трагедия в семье Дианы связана со мной. И, честно говоря, мне было жаль всех героев драмы. Даниил, конечно, виноват, но он не заслужил такого конца. Страшно. Как же страшно. Безумие не проходит мимо. Оно затрагивает всех, с кем соприкасается. Возможно, Даниил Казанцев был так же болен, как и его сестра. Других объяснений я просто не видел. Выразив свои соболезнования Диане, я хотел было уйти, но она остановила меня. Конец истории оказался только началом.

И девушка снова заговорила.

Врачи сделали все возможное, чтобы стабилизировать психику Мирославы. И спустя год, ей вроде бы стало лучше. Подсознание защитило Миру, заставив забыть о событиях, связанных со смертью брата. Выписать ее доктора не могли, так как она могла представлять угрозу для окружающих. Девушка обречена была находиться под наблюдением врачей, пока они не придут к единогласному мнению, что она не опасна. До сих пор такого мнения не сложилось. Недолгое затишье повлекло за собой новый виток заболевания. Теперь Мира страдала синдромом расщепления сознания. В ней одновременно умещались три личности. Две вымышленные и истинная, не помнившая и не знающая об остальных. Диана назвала мне имена тех, кто поселился в Мирославе, и я сразу напрягся. Маргарита и Сирена. Последнее имя ни о чем мне не говорило, а вот первое...

— Пожалуйста, не удивляйтесь, Никита. Я знаю, как это звучит... — проговорила Диана, глядя мне в глаза. Да я не удивлялся, а по-прежнему недоумевал. — Полтора года назад, в клинику, где содержалась Мира, поступил новый пациент. Это были вы, Никита.

Я открыл рот, не зная что на это ответить.

— Но...

— Послушайте. Вас перевели в подмосковный областной центр позже. Ваша мама похлопотала. А сначала вас определили сюда, в клинику под Ярославлем. Я ничего не знала о вас, и диагнозе, с которым вы поступили. Как-то я навещала Мирославу, и она начала говорить о некоем молодом человеке. Точнее, говорила не совсем она, а одна из ее

личностей. Маргарита. Она назвала имя молодого человека, и описывала внешность и события, которые якобы переживала. Я думала, что это просто больные фантазии, пока однажды, проходя мимо открытой палаты, не увидела вас. Вы что-то писали, сидя за столом, и санитарка, занимающаяся уборкой, вдруг назвала вас по имени. В коридоре никого не было, и я вошла в вашу палату. Я не могла поверить своим глазам. Ведь все, что описывала Мира от имени Маргариты, начинало сбываться. Вы полностью подходили под описание внешности и ваше имя совпадало... Санитарка хотела выгнать меня, но я дала ей денег, и она оставила нас наедине. Вы никак не реагировали на мое присутствие, не отвечали на вопросы. А потом просто встали и отошли в сторону. Встали у окна и замерли, словно погрузившись в сон. Простите меня за преступное любопытство, но я прочитала несколько страниц из той тетради на столе. Я не знала, как реагировать, ведь каждая строчка повторяла слова Миры. Вы как будто видели одни и те же сны. Я ничего не сказала докторам, а, наверно, стоило. Я наблюдала за Мирославой, за вами. Я знаю, что вы никогда не встречались, ее содержали в изоляции, в отделении для буйных, куда допуск был разрешен только персоналу и мне. Так что любые контакты с ней других пациентов были исключены. Мистика это или нет, но Мира стала спокойней. Ваши общие фантазии словно оживили ее, наполнили существование за закрытыми дверями тайным смыслом. Я боялась разрушить ее искусственное счастье. А потом вас перевели. Связь между вами прервалась, и все началось сначала. Истерики и крики, подавляемые мощными транквилизаторами. Я начала действовать, когда поняла причину. Мирослава рвалась к вам. И я нашла клинику, в которую вас перевели, отправилась прямо к Игорю Владимировичу, и рассказала все, как есть. Вы знаете, Никита, он даже не удивился. Скорее, заинтересовался и дал согласие на перевод Мирославы. Она была такой спокойной последний год. Я начала надеяться, что ей станет легче, что Мира поправится. А когда увидела вас... три месяца назад... Вы были совершенно здоровы и готовились к выписке. Я обрадовалась и испугалась одновременно. Знаю, что вам покажется странным, то, что я скажу. Но вы стали мне нечужим человеком. Я даже несколько раз тайно навещала вас, чтобы, каюсь, подглядеть, что вы пишете в свои тетради. Кое-что в ваших с Мирой исповедях разнилось. Это неудивительно, ведь вы два разных человека, с отличающимися взглядами на одни и те же события. Каждый раз приходя в больницу, я будто бы смотрела новую серию любимого фильма. А потом он вдруг кончился, оборвался. Я была рада, что вы излечились, но мысль о том, как Мира будет одна... без вас, пугала меня. Я не понимаю, почему так произошло. Вы вернулись, а она нет. Мира все еще там, где вы оставили ее. Я не знаю, как ей помочь, и доктор не знает. Я боюсь потерять ее. У меня никого больше нет. Совсем никого.

Я оторопело смотрел в бледное лицо Дианы Казанцевой. Мои чувства было трудно описать словами, невозможно. Сначала я не поверил, потом испугался. Затем мне стало безумно жаль Диану. Но я ничего не помнил. У меня было только имя, но я не помнил бы и его, если бы не Соня.

— Это какое-то безумие. — обретя дар речи, прошептал я. Диана протянула руку, и накрыла ею мою подрагивающую ладонь. По ее щекам текли слезы.

— Вы хотели знать правду, теперь вы все знаете. — сказала она с горечью. — Легче не стало, ведь так?

— Я не понимаю, что происходит. — я беспомощно смотрел в понимающие глаза.

— Я тоже, Никита. — кивнула Диана.

— Мне нужно идти. Я завтра утром уезжаю. — пробормотал я. — В Москву.

— История повторяется. — слабо усмехнулась девушка. Я взглянул на нее с негодованием.

— Я не ваш брат, Диана. И не имею никакого отношения, ни к вам, ни к вашей сестре. Прощайте.

Я выбежал на улицу так, словно за мной гнались все демоны ада. Страх подгонял меня, в голове все смешалось. Я искал правду, но зачем она мне, такая правда? Я не помню, как сел в автобус и оказался дома. Не помню, как потребовал у матери назад свои тетради, отчаянно надеясь, что их не существует на самом деле. Но тетради были. Я читал всю ночь.

Еще вчера я думал, что немного знаю о жизни, о мире, о людях, окружающих меня, и о себе....

И все, что вчера казалось понятным и истинным, рухнуло в одночасье.

Я не проснулся, и продолжаю бежать за поездом с названием, нацарапанным на обшарпанном вагоне кривыми алыми буквами. Однажды я нагнал его, но сорвался с подножки, чтобы продолжить бег. Я ищу то, что не существует, то, чего никогда не было, и не могло быть. Почему же мне так жизненно важно попасть на этот поезд? Его название простое, неумолимое... И едет он не в Москву.

Утром сдал билет.»

Игорь Владимирович внимательно и сосредоточенно выслушал просьбу Никиты Скворцова, снова нанесшего ему внезапный визит. Парень хотел увидеть ее — пациентку из восемнадцатой палаты, и его желание было подкреплено письменным разрешением близкого родственника пациентки. У доктора Степанова просто не было другого выхода, да он и не сопротивлялся.

Я верю, что в каждом живёт кто-то другой. Коварный Человек. Почему? Потому что мы ничем не отличается от матрёшки. Во мне — Коварный Человек, а в нём — Надеющийся.

Стивен Кинг, 1922 г.

Они спустились на первый этаж. Доктор шел впереди, в руках его позвякивала связка ключей. Их общие шаги гулким эхом отзывались в тихом отделении. Никита Скворцов растерянно и нервно озирался по сторонам. Даже не вооруженным взглядом было видно, что он чувствует себя не в своей тарелке. Еще бы. Отделение для буйных — это не санаторий.

— Почему так тихо? — наконец не выдержал Ник. Свой вопрос он задал шепотом, словно здесь было кому подслушивать. — И сумрачно?

— Яркий свет раздражает больных, Никита. — пояснил Игорь Владимирович. — Пастельные нейтральные тона, полная звукоизоляция палат, приглушенный свет. Мы принимаем необходимые меры для душевного спокойствия пациентов.

Ник ничего не ответил. Он втянул носом воздух, пропитанный хлором и чем-то еще, свойственным только длинным больничным коридорам. Какое страшное место! Здесь легко потерять память, чувство времени, связь с реальностью. Даже картины с кремовыми пионами, развешанные вдоль стен навеивали апатичную тоску и сонливость. Предназначены для успокоения и расслабления, догадался Никита, но как удручающе действуют на здоровых людей. Или ему просто кажется, что он здоров.

Когда Игорь Владимирович остановился перед палатой с цифрой восемнадцать, написанной коричневой краской на грязно-белой двери, Ник внезапно растерял запасы бравады и напускной самоуверенности. После долгой бессонной ночи, он плохо соображал, и до сих пор не был уверен, что поступил верно, приехав сюда. Ему было очень страшно, и Ник не понимал, во что верить. Легко — сбежать и забыть, как страшный сон, но... тетради были исписаны его рукой. Почерк не подделаешь.

Доктор Степанов проницательно заглянул в глаза Скворцова. Конечно, он увидел панику, страх, сомнение. Абсолютно нормальная реакция на открывшиеся обстоятельства.

— Подождите, Игорь Владимирович. — прошептал Ник, когда доктор поднес к замку длинный ключ из связки. Степанов быстро одернул руку и выжидающе посмотрел на бывшего пациента.

— Она действительно убила брата ножницами? — вопрос прозвучал так тихо, что врач догадался о смысле сказанного по движению губ молодого человека.

— Одна из ее личностей. — спокойно сообщил Степанов. — Ты понимаешь, Никит, в этом и состоит твоя задача на сегодня — заставить личность, побуждающую Миру к насилию и грубости, уйти, и оставить ту, которая способна быть счастливой и радоваться жизни. Мирослава Казанцева не безнадежна, Ник. Тут может быть достаточно одного слова, жеста, события, чтобы изменить все. Помнишь, как я сказал, что надеялся выписать двоих?

— Да. Но вы не уточнили, что имели в виду.

— Сейчас я скажу. Я, как врач, имел доступ к твоим записям, изучал и анализировал их, сопоставлял с рассказами Миры и ее личностей о тебе, о вас. Не буду говорить много слов,

думаю, что Диана Казанцева пояснила основные выводы, которые я озвучил ей ранее. Интереснее всего концовка. Меня впечатлил эпилог вашей истории. И хотя Сирена не выходит на связь со мной, а Маргарита отказывается говорить о ней, у меня создалось стойкое впечатление, что в самом конце три лика Мирославы сошлись в едином мнении и чувстве. Она дала тебе уйти, скажу больше — показала путь. Но странно и непонятно, почему сама не пошла за тобой?

— Она знала, что я не вспомню. — На Никиту внезапно снизошло озарение. Как будто другой человек ответил за него. Тот, кто помнил и знал Миру, тот, кто владел ответами на все вопросы. И здесь, рядом с ней... Он обретал силу.

— Слишком давно больна, чтобы не понимать, чем чревато мое пробуждение. — продолжил Ник. — Игорь Владимирович, я бы полмира отдал, чтобы вспомнить. Я читал собственные записи, словно роман, книгу, чей-то дневник. И все же я знаю, что все это было. Действительно было. Я не знаю, в каком из миров, в какой из фантазий или измерений, но в один миг наши души встретились в тонком пространстве, куда нет доступа зрячим и ограниченным разумом. Вы правильно сказали, точнее, сформулировали итоговый вопрос. Почему Мира не пошла со мной?

Ник взглянул в серьезные и мудрые глаза доктора.

— Я не звал ее, Игорь Владимирович. Мне кажется, что не звал. Я жил в той реальности, а эта была для меня сном.

— Что ты чувствуешь сейчас, Ник?

— Не знаю... — пробормотал Скворцов. Плечи понуро опустились. — В том мире я был богат и успешен, я обрел уверенность и одобрение отца. Здесь я никто. Переиграй мы все обратно, я бы предпочел остаться там. И есть опасение, что Мирослава думает так же. Я не помню ее лицо, не могу даже представить. И я боюсь. Я очень сильно трушу, Игорь Владимирович. Скажите, что я здесь делаю? Она — сумасшедшая девушка, убившая своего брата. Чем я могу помочь ей? И зачем мне это?

— Значит, нужно, раз ты здесь. — глубокомысленно заметил Степанов. Ник нервно усмехнулся сквозь сомкнутые бледные губы. Он отошел в сторону и кивнул доктору, разрешая, наконец, открыть палату. Сердце бешено забилося в груди, подобно раненой плененной птице, почуявшей свободу или скорую смерть.

— Не бойся, Ник. Она не опасна. Час назад Мирослава принимала лекарства, а сейчас скорее всего, спит. Ты успеешь и взглянуть ее, и подготовиться к разговору. Разумеется, я буду присутствовать.

Последний рубеж был преодолен. Дверь в святая святых открылась и Ник зажмурив в приступе паники глаза, шагнул через порог.

На окне не было штор. Это первое, что привлекло внимание Никиты, когда он осмелился оглядеться. Свет практически залил небольшое пространство, в солнечных лучах кружили мельчайшие частички пыли. Промелькнула случайная мысль, как редко мы задумываемся о том, чем дышим ежедневно, ежеминутно, да что там — ежесекундно!

Вторым ощущением стало всеобъемлющее чувство узнавания. Нет, он избегал смотреть на девушку, отчаянно пытаясь отодвинуть роковой момент. Поразило совсем другое... Его окружал бумажный мир, похожий на белый плен, снежную сказку или дивный сон. Как мало безумия творили руки сумасшедшей. Она была талантлива, гениальна, она создала красоту, соперничать с которой мало, кто решился бы, и вряд ли смог... У Никиты больно кольнуло в сердце, когда он представил однообразные дни Миры Казанцевой в этой каменной коробке,

бетонной клетке — тюрьме для свободной и яростной души. А в том, что Мирослава не из тех, кто сдаётся, он был уверен. В ее работах, в хрупких бумажных отражениях псевдореальности, он видел силу духа и страстное желание, гнев и надежду, бесконечную любовь и нежность. Здесь не было места отчаянью, страху и смятению. Мира знала, каким хочет видеть свой мир, и он был таким — для нее.

— Это волшебно. — с трепетом произнес Ник, оглядываясь по сторонам. В этот момент он завидовал ей. Она знала, она все знала. Окружала его, наблюдала, ждала, звала, пока он не услышал...

Какая сила! Ее энергия хлестала его, разбивая в дребезги заслоны здравого смысла. Ник не смотрел на нее, но каждой клеточкой тела ощущал присутствие. Нереальность. Колдовство. Магия. Он не знал, какими еще словами охарактеризовать свои ощущения.

Кто властен, разделить души людей на больные и здоровые?

Никита Скворцов — тот, кого все считали излечившимся — чувствовал себя неуверенным и слабым, робующим перед той, которая заведомо была сильнее и мудрее его — той, которая до сих пор числилась в списках тяжелых больных. Но именно она когда-то давно нашла его душу, попавшую в капкан времени, заблудившуюся в лабиринте миров, чтобы вывести оттуда, подарив любовь и надежду. Что же это было? Что?

Ник перевел на психиатра тяжелый, но твердый взгляд. Они не безумны. Он и Мирослава... Никогда не были безумны. Они знали и чувствовали больше, острее, сильнее, чем другие, но не умели скрывать, презрели границы и условности. Как многие другие до и после.

Ник неожиданно четко представил тот день, когда Мирослава Казанцева вонзила ножницы в горло брата, а потом попыталась убить себя.

Картинка показалась такой яркой, словно он увидел происходящее своими глазами или глазами Миры... Маргариты или Сирены. Она разделила себя на три личности, чтобы создать порядок в хаосе чувств, которые испытывала. Иногда чувства бывают слишком сильными, чтобы один человек мог справиться. Мира хотела лавировать между своими вымышленными мирами, но не удержалась. В каждой из фантазий ее хранила и удерживала своя личность, каждый день, каждую минуту уберегая от крушения. Получалось не всегда — свидетельство тому срывы, о которых говорил доктор и сестра Мирославы.

В тот страшный день она встретила того, кто заставил ее бояться и испытывать стыд, неуверенность, страх, презрение.

Обида. Ник захлебнулся гаммой обрушившихся на него чувств. Обида. Стрдание. Даниил предал ее доверие. Мира вложила хрупкую и ранимую душу в руки того, кому доверяла безгранично. Ее брат. Невозможно сравнить Миру, с ее чутким и нестандартным восприятием реальности, и к примеру, Диану, которая никогда бы не попала в зависимость от брата. Одна смотрела на мир разумом, а другая душой. И душа Мирославы не знала запретов и границ реальности. Но именно прозрение заставило ее разделить себя, стать одной из..., чтобы другая могла быть свободной, а третья сильной. Первая пребывала в забвении.

В тот страшный день, когда Даниил вернулся, он встретил всех трех. В одном сосуде.

Мирослава хотела свободы. Только свободы.

Больше ничего.

Смерть — это самый легкий и быстрый путь к абсолютной свободе.

Церковь скажет — грех, врачи запрут в психушке.

И те и другие — стражи реальности, в которой мы живем.

И они не приемлют истины.

Той истины, которую знала Мира, к которой стремились другие...

По статистике каждый десятый больной шизофренией склонен к суициду.

Мирослава не боялась. Ее не преследовали духи, голоса и навязчивые идеи. Нет. Она просто знала, что за физическим существованием есть высшая воля, свет и бесконечная любовь. Она стремилась туда, чтобы обрести свободу и покой.

И Ник всеми фибрами своей души услышал отзвуки ее желания. Оно угасало с каждым днем. Мира нашла источник любви и свободы — здесь. В этой реальности. Никита внезапно понял, что сделает все от него зависящее, чтобы удержать девушку, вернуть ее. Их... Он знал каждую. Не помнил, но знал. Чувствовал, как самого себя.

И только испытав массу волнений и чувств, Никита шагнул к кровати, на которой угадывалась хрупкая фигурка темноволосой девушки.

Доктор Степанов следовал за ним по пятам. Дышал в затылок. Ник смирился с его присутствием.

Мирослава неподвижно лежала на белоснежном покрывале, а ее волосы казались неестественно черными окружающем буйстве белого цвета. Бледные впалые щеки, темные дуги бровей, и словно очерченные губы, как два лепестка роз. Она была прекрасна и юна. Не единой морщинки не испортило безупречной кожи лица. Кто сказал, что ей скоро тридцать? Время обошло ее стороной, или она спряталась от времени.

Бумажная девочка никогда не состарится.

Ник слышал эти слова... И, похоже, что не единожды.

Он присел на корточки возле кровати и наклонился вперед, вглядываясь в очаровавшее его лицо.

— Она очень красива. — прошептал он. И скорее, почувствовал, чем увидел, как кивнул Игорь Владимирович.

«Я люблю ее». Эта мысль стала следующей. Она закрепилась в мозгу Никиты Скворцова, чтобы остаться там навсегда.

— Что мне сделать, чтобы помочь ей? — он на минуту оторвался от созерцания прекрасного лика девушки, чтобы взглянуть на доктора.

Игорь Владимирович не успел ответить. С кровати послышался взволнованный вздох. Мирослава открыла глаза. Ник потерялся и растворился в них. Зелень цветущей весны, чистейший изумруд и малахит. Десятки оттенков отразили изумительные глаза Мирославы Казанцевой.

— Я вижу тебя. — дрогнули в улыбке губы. Улыбка, зародившаяся в уголках губ, постепенно расцвела, проникнув в глаза. — Ты настоящий.

Девушка протянула тонкое запястье, и Ник коснулся ее прохладных пальцев, чтобы в следующее мгновение крепко и уверенно сжать в своей руке.

— И ты живой. — прошептала Мира.

— Ты тоже, Мирослава. Ты тоже.

Слова дались ему с трудом. Его первые настоящие слова.

Удивительно — это их первая настоящая встреча, а они уже знают друг о друге все.

Девушка и молодой человек еще долго смотрели друг на друга, продолжая улыбаться своим тайным мыслям, не произнося ни слова.

— Мы должны уехать, Мира. — оборвав волшебный момент, произнес Никита. Взгляд

девушки потемнел.

— Куда?

— Туда, где были счастливы и снова будем, но сначала ты должна помочь мне.

— Я обещаю. Мы обещаем... — глаза Мирославы сверкнули.

Душа твоя для меня бесценное сокровище, и если бы она заболела, она все равно оставалась бы моим сокровищем; если бы ты неистовствовала, я держал бы тебя в своих объятиях, а не надел бы на тебя смирительную рубашку. Твое прикосновение, даже в припадке безумия, имело бы все ту же прелесть для меня. Если бы ты набросилась на меня с такой же яростью, как эта женщина сегодня утром, я обнял бы тебя не только нежно, но и горячо. Я бы не отстранился от тебя с отвращением, и в твои тихие минуты у тебя не было бы иного стража, иной сиделки, кроме меня. Я был бы всегда возле тебя и ходил бы за тобой с неутомимой нежностью, даже если бы ты никогда не улыбнулась мне, и не уставал бы смотреть в твои глаза, если бы даже они не узнавали меня.

Бронте Ш. «Джейн Эйр».

Дневник Никиты Скворцова

Я вернулся домой в крайне взволнованном состоянии. Не смотря на довлеющие надо мной сомнения и тревоги, я чувствовал себя собранным, уверенным и сильным. Я обрел цель и знал, что должен делать дальше. А получится ли? Гарантий не может предоставить даже бог. Время рассудит и расставит все по своим местам.

Я верю.

Я знаю.

И я люблю.

Если Мира не сможет обрести свободу в этом мире, где правят разум и границы, я последую за ней в другие... Я готов к сражению, я готов проиграть. Но не готов жить без нее.

И больше мне нечего добавить. Это последняя строчка. Все, что важно, я уже сказал. Мы будем вместе, чтобы не произошло.

Больше книг на сайте - Knigolub.net